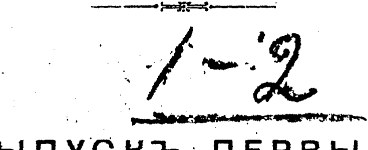
Воспоминанія И. И. Янжула

о пережитомъ и видѣнномъ

въ 1864—1909 г.г.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Т-ва п. ф. „Электро-Типографія Н. Я. Стойковой". Знаменская, 27.
1910.

Воспоминанія И. И. Янжула

о пережитомъ и видѣнномъ

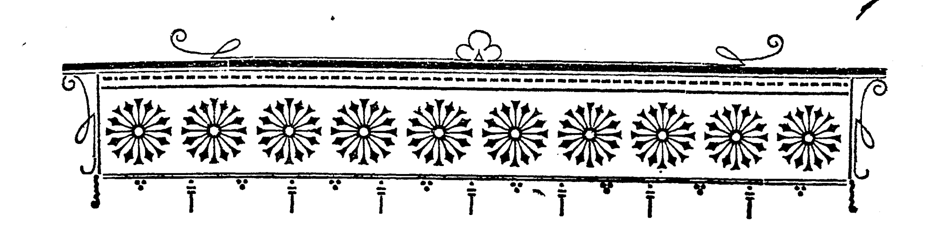
въ 1864—1909 г.г.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Т-ва п. ф. „Электро-Типографія Н. Я. Стойковой“. Знаменская, 27.
1910.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ

(1864—1909 г.г.).

Не безъ нѣкотораго смущенія приступаю я къ описанію главнѣйшихъ событій моей жизни и дѣятельности — всего пережитого и видѣннаго, хорошаго и дурного, исторически замѣчательнаго и только для меня лишь лично интереснаго, серьезнаго и забавнаго, грустнаго и пріятнаго... Всѣ при этомъ разнообразныя воспоминанія, здѣсь излагаемыя, опираются на одинъ и тотъ же важнѣйшій источникъ — *память*, поскольку на ней запечатлѣлись событія и факты жизни. Къ сожалѣнію, я никогда не велъ дневниковъ или записокъ и поэтому единственной помощью для памяти является въ данномъ случаѣ переписка, какъ мои уцѣлѣвшія и тщательно собранныя письма, особенно письма моей жены, цѣликомъ сбереженныя заботливой рукой любящей матери,— такъ наконецъ, въ весьма ограниченномъ количествѣ, подходящія чужія письма, большею частью для иллюстрацій и дополненій къ описываемымъ событіямъ и приключеніямъ. Вотъ и весь почти наличный матеріалъ для настоящихъ моихъ записокъ.

Сохраненію въ памяти многихъ даже мелкихъ событій за продолжительный періодъ моей жизни много способствовало, впрочемъ, то обстоятельство, что мнѣ уже приходилось заниматься и писать свою біографію, правда, въ очень сжатомъ и сокращенномъ видѣ, не менѣе четырехъ разъ для разныхъ русскихъ и иностранныхъ словарей, энциклопедій и затѣмъ два раза съ особыми цѣлями и для спеціальныхъ изданій („Воспоминанія о дѣтской и школьной жизни“ въ „Вѣстникѣ Воспитанія“ Москва 1903 г., и изъ „Воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора перваго призыва“. Спб. 1907 г.).

Въ виду всѣхъ объясненныхъ причинъ я начинаю изложеніе моихъ настоящихъ мемуаровъ лишь съ 1864 г., года поступленія моего (юношей 18-ти лѣтъ) въ Московскій университетъ, по окончаніи курса въ Рязанской гимназіи весной того же года. Считаю, впрочемъ, долгомъ сдѣлать еще одну, можетъ быть не безполезную, оговорку: существуетъ довольно распространенное мнѣніе, что за длинный періодъ чьей-либо жизни довольно трудно сохранить должную безпристрастность и объективность при описаніи знакомыхъ и вообще дѣйствующихъ лицъ... всегда-де при описаніи несимпатичныхъ автору мемуаровъ лицъ или событій замѣчается, говорятъ, стремленіе отступить отъ истины и изобразить дѣло или самыхъ лицъ болѣе или менѣе въ ложномъ свѣтѣ. Разсказываютъ, напримѣръ, про извѣстнаго писателя *Ал. Ѳеофилакт. Писемскаго*, что на чей-то вопросъ, почему онъ не пишетъ и не издаетъ своихъ воспоминаній, изъ его разнообразной интересной жизни и при обладаніи большимъ даромъ наблюдательности, Писемскій, будто бы, рѣшительно отвѣчалъ: „не могу, душа моя, непремѣнно навру,... нѣсколько разъ уже пробовалъ изображать письменно собственную жизнь и каждый разъ чувствовалъ, что чѣмъ больше пишу, тѣмъ больше сочиняю и фантазирую“!!!..

Если этотъ анекдотъ не составляетъ выдумки, и если только почтенный авторъ „Тысячи Душъ“, „Горькой Судьбины“ и проч. не преувеличилъ своего, ради краснаго словца, свойства отступать отъ истины, то во всякомъ случаѣ оно составляетъ лишь особенность Писемскаго, можетъ быть даже вызванную самой профессіей романиста и необходимостью прибѣгать часто къ фантазіи въ изображеніи истинныхъ событій своей жизни подъ вымышленными именами Іона-Циника, Тюфяка и проч. Нѣтъ сомнѣнія, каждый добросовѣстный бытописатель, знакомящій читателя серьезнаго органа печати съ фактами своей дѣйствительной жизни, а не сочиняющій обыкновенный романъ, не позволитъ себѣ отступить отъ строгой правды въ изложеніи событій жизни, какъ ихъ сохранила его память... Всякія неточности или неправильности при передачѣ біографіи возможны здѣсь въ той же мѣрѣ и по той же причинѣ, какъ и при устномъ и личномъ разсказѣ и бесѣдѣ; рѣдкія погрѣшности или заблужденія памяти, когда авторъ, какъ было упомянуто раньше, владѣетъ отчасти письменнымъ матеріаломъ и опытомъ въ біографическихъ описаніяхъ, возможны исключительно по маловажнымъ поводамъ, вродѣ какой-нибудь даты, времени какого-либо свиданія или разговора и т. п., а не событія или факта самого по себѣ.

Такимъ образомъ, поставивши себѣ за правило лишь точную передачу въ изложеніи всѣхъ важныхъ событій моей жизни въ той

мѣрѣ, какъ ихъ сберегла моя память, постараюсь съ полною откровенностью относиться въ своихъ „Воспоминаніяхъ" одинаково объективно и безпристрастно и къ фактамъ и къ лицамъ, насколько это зависитъ отъ моихъ личныхъ усилій. При этомъ я совершенно опускаю событія моей жизни до поступленія въ университетъ, въ виду того, что они изложены были подробно раньше, какъ я говорилъ въ „Вѣстникѣ Воспитанія", а равно сокращая по возможности изложеніе всѣхъ событій, связанныхъ съ моею должностью московскаго фабричнаго инспектора (отъ 1882—1887 г.г.). На этомъ же основаніи вся учебная часть и сторона моей жизни въ университетѣ, не имѣющая спеціальнаго интереса для общаго читателя, будетъ сокращена до возможнаго минимума, а равно и изложеніе судьбы нашего рабочаго и фабричнаго законодательства, съ которымъ я нѣсколько разъ въ жизни соприкасался и усердно работалъ.

ГЛАВА I.

Московскій университетъ.

Условное поступленіе въ 1864 г. на историко-филологическій факультетъ.—Несчастія и неудачи перваго года.—Смерть отца.—Продолжительная борьба съ нуждой.—Горькій опытъ жизни.—Оставленіе на первомъ курсѣ.—Исключеніе изъ университета за невзносъ платы. — Урокъ въ отъѣздъ (въ г. Ржевъ) съ окончательнымъ переходомъ на юридическій факультетъ.—Мое житье на урокѣ.—Кеттле и отецъ Дмитрій.—Статистическая разработка Ржевскихъ церковныхъ книгъ.—Увлеченіе закономѣрностью соціальныхъ явленій и мечты.—Успѣхъ экзаменовъ и двойныя неудачи съ проф. И. К. Бабстомъ.—Студенческая жизнь въ Москвѣ (1865—1867 гг.).—Поворотъ къ худшему съ 3-го курса, кутежъ и бездѣлье. — Значеніе товарищества. — Выдающіеся профессора.—Окончаніе университета и зачисленіе въ кандидаты на судебныя должности при прокурорѣ М. Ф. Громницкомъ. — Проф. Э. Б. Мильгаузенъ и мое оставленіе при Московскомъ университетѣ для усовершенствованія въ наукахъ.

Окончивши въ маѣ 1864 г. полный курсъ Рязанской дореформенной 7-ми классной гимназіи съ однимъ латинскимъ языкомъ, въ качествѣ перваго ученика за все время ученія, я едва не получилъ медали и лишился ея только по случайнымъ, описаннымъ въ моихъ „Воспоминаніяхъ Дѣтства" поводамъ и несчастному для меня стеченію обстоятельствъ. Во всякомъ случаѣ я получилъ право на поступленіе въ университетъ безъ дальнѣйшей провѣрки и экзамена, за исключеніемъ греческаго языка, если вздумаю поступить на историко-филологическій факультетъ. Между тѣмъ именно объ этомъ факультетѣ и занятіи исторіей и древними языками — моими любимыми предметами, я наиболѣе всего мечталъ и въ гимназіи privatнымъ образомъ бралъ уроки греческаго языка и прочиталъ Анабазисъ. Очень можетъ быть, что мои знанія, какъ я послѣ слышалъ,

были бы почти достаточны, чтобы выдержать экзаменъ въ началѣ поступленія въ Московскій университетъ и обезпечить себѣ дальнѣйшее спокойствіе въ этомъ отношеніи, но я струсилъ и просилъ отложить, что часто дѣлалось, мой греческій экзаменъ на нѣсколько мѣсяцевъ.

Когда въ августѣ 1864 г. я подалъ въ университетъ соотвѣтвѣтствующее прошеніе съ приложеніемъ документовъ, то меня направили къ тогдашнему декану историко-филологическаго факультета, къ нашему почтенному историку *Серг. Мих. Соловьеву*, котораго я тутъ увидалъ первый разъ и отнесся, какъ совсѣмъ зеленый юноша, къ такой знаменитости съ особымъ благоговѣніемъ. Серг. Мих. объяснилъ на мою письменную просьбу, сопровождаемую словесными дополненіями, что никакого особаго экзамена изъ греческаго языка позднѣе августа мнѣ не можетъ быть назначено и не будетъ. Обычный способъ, принятый въ университетѣ въ подобныхъ моему случаяхъ, и который мнѣ можетъ быть разрѣшенъ, это путь *условнаго зачисленія*. Я долженъ поступить немедленно на другой какой-нибудь факультетъ, кромѣ историко-филологическаго, напр., хоть на юридическій, ближайшій къ нему, а затѣмъ въ виду моего заявленія я буду допущенъ прямо къ экзаменамъ на филологическій факультетъ на второй курсъ и по выдержаніи ихъ, включая латинскій и греческій, буду переведенъ на вышеозначенный курсъ этого факультета. При этомъ я буду пользоваться одинаково съ филологами немедленно же свободнымъ доступомъ на ихъ лекціи и практическія занятія.

Разумѣется, мнѣ ничего не оставалось иного, какъ согласиться съ рѣшеніемъ маститаго декана. Я записался тотчасъ на юридическій факультетъ, получилъ билетъ и въ то же время право доступа на свободное посѣщеніе всѣхъ лекцій вмѣстѣ съ филологами. Вскорѣ, однако, явились непредвидѣнныя обстоятельства, которыя совершенно измѣнили мои планы и дали другое направленіе и ходъ всей моей будущей жизни. Гимназистомъ я больше всего любилъ исторію и древніе языки; обратно съ моими товарищами, напр., я съ жаромъ занимался латинскимъ языкомъ, въ которомъ я достигъ въ свое время довольно большихъ успѣховъ; по всей вѣроятности изъ меня бы и вышелъ со временемъ спеціалистъ учитель или профессоръ по одному изъ этихъ предметовъ. Но вмѣсто того мнѣ пришлось—увы, отказаться отъ филологіи и остаться навсегда съ юристами, куда я записался лишь временно до перваго экзамена. Здѣсь главной виной явились два обстоятельства, совершенно разнаго характера: во-первыхъ, сильная болѣзнь—возвратный или брюшной тифъ, который случился со мною осенью того же года и на нѣ-

сколько мѣсяцевъ оторвалъ меня отъ возможности всякихъ занятій и едва не унесъ на тотъ свѣтъ. Въ декабрѣ я нѣсколько оправился, началъ посѣщать лекціи филологическаго факультета и, къ своему ужасу, увидѣлъ ту огромную пропасть, которая образовалась для меня въ моихъ занятіяхъ, благодаря продолжительному отсутствію; особенно важны были пропуски для греческаго языка, изъ котораго я былъ слабѣе всего, и экзаменъ являлся для меня особенно серьезнымъ. Предстояло напречь усилія и усердно работать, чтобы нагнать товарищей и съ честью выдержать предстоящій въ маѣ экзаменъ, но тутъ какъ разъ съ начала слѣдующаго 1864 г. случилось событіе, которое разстроило мои планы и разбило въ прахъ мои филологическія мечтанія: въ моемъ настоящемъ возрастѣ и положеніи мнѣ особенно стыдно даже сознаться въ этой задержкѣ къ успѣшному ходу моихъ занятій, опредѣлившихъ все мое будущее: я тогда всего лишь 18-ти лѣтній мальчикъ по возрасту, довольно развитой и начитанный, но совершенно невинный по своимъ чувствамъ и мыслямъ, въ первый разъ сильнѣйшимъ образомъ влюбился. И это перевернуло вверхъ дномъ всю мою дальнѣйшую жизнь и судьбу.

Необходимы, однако, нѣкоторыя предварительныя объясненія о моемъ семейномъ положеніи и обстановкѣ, чтобы лучше понимать послѣдующее изложеніе моей біографіи. Я былъ сыномъ весьма бѣдныхъ родителей изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ. Отецъ мой, капитанъ Иванъ Гавриловичъ Янжулъ, вѣрой и правдой прослужившій въ военной службѣ около 25 лѣтъ, человѣкъ для своего времени довольно замѣчательный и образованный (былъ на двухъ факультетахъ въ Кіевскомъ и Харьковскомъ университетахъ); у насъ было огромное семейство (не менѣе 8 человѣкъ живыхъ дѣтей, не говоря о ранѣе умершихъ); я — одинъ изъ младшихъ; и позднѣе даже къ описанному періоду оставалось не менѣе 6 человѣкъ. Отецъ, и особенно мать, изъ кожи лѣзли дать намъ всѣмъ приличное образованіе. Между тѣмъ матеріальное положеніе семьи было довольно незавидно: отецъ за большую рану во время турецкой войны, въ которой участвовалъ, получалъ пенсію въ 700 р. асс., а мать владѣла небольшимъ, сто съ чѣмъ-то десятинъ, имѣньицемъ въ Коломенскомъ уѣздѣ Московской губ. Когда мы начали подростать и понадобилось намъ подыскивать учителей и учебныя заведенія, и для этого порядочныя средства, то выяснилось, что дальше жить въ деревнѣ невозможно и лишь съ трудомъ, кое-какъ, опредѣлили старшихъ сестеръ въ институтъ и пансіоны. Отцу пришлось оставить мѣсто по дворянскимъ выборамъ старшаго засѣдателя, которое онъ занималъ въ г. Коломнѣ и, продавши

имѣньице матери, переселиться въ Москву въ поискахъ лучшаго будущаго для дѣтей и себя.

Переселеніе нашего семейства въ Москву, что̀ совершилось въ моемъ отсутствіи въ Рязани, гдѣ я обучался, не принесло, однако, ничего хорошаго. Года два или около года отецъ не могъ найти себѣ рѣшительно никакого занятія и несмотря на свое, повторяю, сравнительное образованіе и способности, получалъ отовсюду отказы и издерживалъ свои небольшія средства, привезенныя изъ деревни. Нѣкоторой какъ бы передышкой явилась случайная должность смотрителя казенной дачи Студенецъ въ Обществѣ садоводства, которую онъ занималъ нѣсколько лѣтъ; но эта должность почему-то сама по себѣ исчезла или была закрыта или соединена съ какой-то новою обязанностью, доставшейся новому лицу, и наша семья стала опять бѣдствовать, пока отецъ не нашелъ совсѣмъ скудно вознаграждаемую должкость и непріятное занятіе надзирателя извѣстнаго въ Москвѣ Юсупова Дома или надзирателя „Работнаго Дома для лицъ просящихъ милостыню". Должность эта давала совсѣмъ ничтожное жалованье, что-то около 20 р. въ мѣсяцъ и небольшую казенную квартиру. Тифъ свилъ себѣ постоянное гнѣздо въ этомъ неблагоустроенномъ тогда общественномъ учрежденіи, благодаря чему я и всѣ члены семейства переболѣли тамъ жесточайшимъ образомъ, и затѣмъ въ апрѣлѣ 1864 г., какъ разъ наканунѣ моего окончанія въ гимназіи, умерла отъ этой же болѣзни моя мать, а ровно черезъ годъ и мой отецъ, до болѣзни котораго я выздоровѣлъ всего лишь за 3—4 мѣсяца. Но домъ былъ полонъ больныхъ почти постоянно въ лицѣ моихъ сестеръ.

Само собой разумѣется, что при такой обстановкѣ и крайней нуждѣ часто въ простомъ обѣдѣ, я не могъ успѣшно заниматься греческимъ языкомъ, столь для меня важнымъ; но тутъ подоспѣло другое вышеупомянутое мною событіе, которое еще болѣе разстроило правильный ходъ моихъ занятій; въ предшествовавшее лѣто сестра моя, нынѣ уже давно умершая, Евгенія, мною особенно любимая, какъ сверстница моихъ дѣтскихъ игръ, получила приглашеніе погостить въ деревнѣ у одной тетки Авдуловой, въ Коломенскомъ уѣздѣ Московской губ., гдѣ была для нея подруга въ лицѣ двоюродной или троюродной сестры. Я захотѣлъ ее проводить и по приглашенію доброй тетушки также остался временно на ея хлѣбахъ, утѣшаясь деревенскими удовольствіями. Въ это именно время я имѣлъ несчастіе въ деревнѣ встрѣтить одну молодую дѣвицу, соотвѣтствующаго юнаго возраста, нѣкую В. В., знакомство съ которою составило самую несчастную страницу моей жизни: я страстно и

слѣпо, какъ можетъ только, вѣроятно, юноша, влюбился въ нее и забылъ обо всемъ на свѣтѣ.

Въ качествѣ человѣка далекаго отъ желанія преувеличивать и стоя только на почвѣ правды, я не могу рѣшительно отвѣтить, были ли мои чувства къ ней обычны въ этомъ возрастѣ или нѣтъ, могу лишь сказать, что теперь даже черезъ 50 лѣтъ я не могу безъ душевнаго страданія вспомнить, что я тогда испытывалъ; всѣ занятія и науки у меня, чрезвычайно прилежнаго юноши, съ блескомъ шедшаго въ гимназіи, вылетѣли изъ головы, и я не въ состояніи былъ владѣть собой. Даже смерть матери меня не отрезвила, и на ея похоронахъ я почти не плакалъ, весь поглощенный мыслью о своей несчастной любви. Какъ разъ зимой 64—65 г.г., вскорѣ послѣ моей продолжительной и жестокой болѣзни, появилась въ Москвѣ эта фатальная для меня личность В. В. Греческій языкъ пошелъ на смарку, и я пересталъ надъ чѣмъ-либо работать и ничего не могъ сдѣлать надъ собой, несмотря на сильную волю, которой славился между товарищами и дѣйствительно, повидимому, обладалъ; напр., еще въ гимназіи я захотѣлъ и выучился въ 3 мѣсяца англійскому языку 13-лѣтнимъ мальчикомъ. Пользуясь знакомствомъ и близостью къ моимъ сестрамъ, В. В. бывала у насъ довольно часто, когда только бывало возможно и, кокетничая со мной, съ несчастнымъ мальчикомъ, она въ то же время устроила обширную и весьма выгодную атаку на сердце одного купеческаго дурня и большого милліонера Т. Увѣряя меня постоянно въ любви, она въ то же время такъ успѣшно, съ помощью и указаніемъ своей старшей сестры, вела свою марьяжную игру съ этимъ купцомъ, что черезъ какихъ-нибудь 3—4 мѣсяца она исчезла временно изъ Москвы и, какъ мы узнали стороной, чуть ли не изъ газетъ, сдѣлалась женой этого крупнаго капиталиста, несчастье котораго также составила: черезъ нѣсколько лѣтъ ея замужество кончилось огромнымъ скандаломъ, о которомъ оповѣстили всѣ газеты: она съ громомъ и шумомъ сначала развелась съ мужемъ, а затѣмъ затѣяла при помощи знакомыхъ адвокатовъ процессъ и едва не засадила своего бывшаго мужа и его матушку за лжесвидѣтельство и пр. въ тюрьму, но за то, конечно, и лишилась всего состоянія, пріобрѣтеннаго замужествомъ и новымъ положеніемъ, и сдѣлалась прямо авантюристкой.

Весной 1865 г. отъ того же ужаснаго тифа, господствовавшаго въ Юсуповомъ Домѣ невозбранно, скончался мой отецъ послѣ продолжительной и тщетной борьбы съ жизнью, оставивши меня съ двумя малолѣтними сестрами на рукахъ и лишеннымъ всякихъ матеріальныхъ средствъ и умѣнія зарабатывать себѣ хлѣбъ. Въ теченіе всего перваго года студенчества я не могъ добыть себѣ ни одного

урока и лишь какой-то несчастный переводъ, крайне неудачный. Сначала болѣзни, а затѣмъ описанное амурное дѣло и разбитое сердце мѣшали мнѣ думать и заниматься своимъ настоящимъ дѣломъ, между тѣмъ быстро приближалось время экзамена, а мнѣ въ буквальномъ смыслѣ нечего было ѣсть, и я распродавалъ по частямъ то жалкое имущество, которое осталось послѣ отца, чтобы прокормить себя и своихъ сестренокъ.

Такимъ образомъ явилась настоятельная необходимость, на этотъ разъ вызванная тяжелыми условіями, отложить всѣ экзамены. Надо было устроить сначала такъ или иначе судьбу сестеръ и пріискать себѣ занятія. По правилу я явился къ ректору университета, тогда къ извѣстному Сергѣю Ив. Баршеву, холодному и безчувственному формалисту. Когда я ему разсказалъ о моемъ тяжеломъ положеніи и о невозможности готовиться къ экзамену, который долженъ былъ начаться черезъ двѣ недѣли, профессоръ Баршевъ отнесся къ моему разсказу болѣе чѣмъ хладнокровно и спросилъ только: „А отца Вы похоронили?“ и на мой утвердительный отвѣтъ замѣтилъ: „ну чего вы въ такомъ случаѣ ко мнѣ лѣзете. Никакого основанія нѣтъ вамъ откладывать экзамены. Вотъ если бы вы обратились во время болѣзни и по болѣзни, тогда, можетъ быть, дѣло другое. Садитесь-ка лучше, заключилъ онъ, и пишите прошеніе объ оставленіи въ университетѣ на второй годъ...“ Опѣшенный, сконфуженный и смущенный я сѣлъ и написалъ, что требовалъ отъ меня г. ректоръ, и такимъ образомъ остался на второй годъ въ Московскомъ университетѣ, числясь на юридическомъ факультетѣ, вмѣсто желаннаго историко-филологическаго.

Такимъ образомъ съ весны 1865 г., со смерти отца, началась моя самостоятельная жизнь въ худомъ смыслѣ этого слова, а именно я самъ долженъ былъ заботиться о пропитаніи, какъ самого себя, такъ и двухъ сестеръ, что̀, разумѣется, являлось для меня, при тогдашней моей полной неопытности и незрѣлости, весьма затруднительной задачей. При отсутствіи личной работы или занятій, единственнымъ средствомъ существованія для меня служила распродажа того небольшого, можно сказать, жалкаго имущества, которое осталось послѣ родителей, въ видѣ домашней мебели и утвари. Правда, отецъ получалъ незначительную пенсію въ 700 руб. ассигнаціями въ годъ, за большую рану, какъ военный (еще на русско-турецкой войнѣ 1829—1830 г.). Я началъ хлопотать о продолженіи ея для сестеръ, но мнѣ заранѣе объявили, что хлопоты надо считать многими мѣсяцами. По совѣту кого-то изъ близкихъ знакомыхъ часть оставшихся вещей обѣщали мнѣ устроить и распродать въ формѣ лоттереи, но это вышло еще хуже, чѣмъ прямая

распродажа: въ большинствѣ случаевъ я не получилъ ни денегъ, ни вещей... Для меня съ сестрами начались, тяжко вспомнить до сихъ поръ, истинныя бѣдствія отъ этой временной безработицы и нищеты... Наша нужда была такъ велика, что мы считали себя счастливыми, когда намъ присылали порцію обѣда изъ Работнаго Дома отъ стола заключенныхъ...

Наконецъ, сестеръ удалось устроить: старшую—Евгенію, немного моложе меня, пригласили къ себѣ въ деревню, въ Рузскомъ уѣздѣ Московской губ., дядя съ теткой, у которыхъ она поселилась до поры до времени, занимаясь немного съ своими маленькими кузенами. Съ другой сестрой—Марьей, дѣвочкой 12 лѣтъ, мнѣ было гораздо труднѣе устроиться, и лишь благодаря вмѣшательству какихъ-то знакомыхъ удалось помѣстить, конечно временно, впредь до лучшаго, у одной богатой старой барыни, Бѣлавиной, гдѣ бѣдная дѣвочка присматривала за ея многочисленными и злыми собаченками и слушала воркотню старухи съ утра и до вечера... Позднѣе, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, пріѣхала въ Москву съ мужемъ замужняя моя сестра Снѣсарева и устроила дѣвочку на нѣсколько лѣтъ въ дѣтскій пріютъ, и такимъ образомъ я освободился отъ дальнѣйшихъ заботъ на время и могъ посвятить всѣ мои усилія на заботы о самомъ себѣ...

Въ концѣ мая отъ меня потребовали очистить казенную квартиру въ Юсуповомъ Домѣ, гдѣ я продолжалъ еще жить, а потому, размѣстивши уже сестеръ, перекочевалъ, въ первый разъ одинъ-одинешенекъ, послѣ крушенія моей семьи, на Патріаршіе Пруды, гдѣ тогда (вмѣстѣ съ Живодеркой и Грузинами) большею частію проживала (рядомъ съ цыганами) студенческая бѣднота... Въ это же время, несмотря на всѣ поиски и просьбы товарищей, вообще сочувственно относившихся къ моему трудному положенію, никакихъ ресурсовъ, въ видѣ уроковъ или иной вознаграждаемой работы, я никакъ не могъ найти... Помню, тщетно я послѣдніе гроши употреблялъ на публикаціи въ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ, ища какого угодно заработка и давая взятки газетнымъ разнощикамъ и наборщикамъ, чтобы они извѣщали меня раньше всѣхъ о спросѣ на трудъ... Изъ всѣхъ этихъ мѣръ ничего не выходило хорошаго: я оставался безъ заработка и задаромъ трепалъ свои старые и безъ того дырявые сапоги...

Можно сказать, что этимъ открылся или начался самый жестокій кризисъ и непріятнѣйшій періодъ въ моей жизни, въ буквальномъ смыслѣ слова — періодъ голодовки... Я распродалъ скоро рѣшительно все изъ моего имущества, что только можно было продавать, и заложилъ все, изъ болѣе необходимѣйшаго, что закладчики

принимали подъ залогъ, при чемъ, пользуясь моей неопытностью, меня, конечно, со всѣхъ сторонъ обманывали... Тѣмъ не менѣе, я долго не достигалъ ничего путнаго и не могъ выбиться изъ когтей злой нужды, не находя ни уроковъ, ни другой работы, а между тѣмъ я, какъ человѣкъ сильный физически отъ природы, несомнѣнно взялся бы, кажется, охотно за всякую даже физическую работу, которую стали бы вознаграждать и мнѣ предложили бы...

Цѣлое лѣто такимъ образомъ безъ опредѣленнаго занятія и средствъ для пропитанія я слонялся по опустѣвшей Москвѣ, откуда, какъ извѣстно, лѣтомъ выѣзжаетъ все, что только можетъ выѣхать... Я могъ платить только 5 руб. за квартиру въ мѣсяцъ и то рѣдко... добрые люди ждали отъ меня уплаты цѣлые мѣсяцы, совѣстясь и стѣсняясь очень притѣснить или прогнать студента, тѣмъ болѣе, что на первой моей квартирѣ дочка моей хозяйки вышла незадолго замужъ за моего товарища-студента... Главный вопросъ поэтому заключался для меня не въ помѣщеніи, а продовольствіи, гдѣ и что поѣсть... Въ этотъ періодъ безденежья я обѣдалъ случайно и гдѣ возможно и во всякой формѣ.., очень нерѣдко у товарищей, у того или другого, гдѣ было возможно получить ѣду, если не цѣлый обѣдъ. Нѣсколько недѣль мнѣ оказывалъ кредитъ одинъ мѣстный булочникъ, по рекомендаціи одного изъ друзей, французскими хлѣбами, которыми я и питался почти исключительно одно невеселое время, при чемъ съ товарищемъ, какъ-то раздѣлявшимъ со мной тогда такую строгую діэту воздержанія, утѣшались шуточками и прибаутками на тему извѣстнаго афоризма... „Науки юношей питаютъ, отраду старости даютъ...“ Отвѣтъ: „Питаютъ и даютъ!??“

Послѣдній годъ пребыванія въ Рязанской гимназіи я имѣлъ выгодный урокъ у одного портного и, пользуясь этимъ, какъ бы въ предчувствіи будущихъ бѣдствій, запасся у него въ кредитъ большимъ выборомъ носильнаго платья, которое въ данномъ случаѣ оказалось очень кстати, какъ объектъ залога, и помогало мнѣ частенько выходить изъ затрудненій, въ поискахъ за обѣдомъ... Я познакомился черезъ добрыхъ пріятелей весьма быстро, первый же годъ своего пребыванія въ университетѣ, съ извѣстнѣйшимъ тогда студенческимъ закладчикомъ въ Москвѣ—Харлампіемъ Поліевктовичемъ Чистяковымъ, принимавшимъ въ закладъ рѣшительно все, начиная съ дырявыхъ носковъ и кончая золотыми часами и „материнскимъ благословеніемъ“, у кого изъ студентовъ таковое оказывалось, въ видѣ шейнаго образка или креста... Увы, мнѣ весьма рано и часто пришлось знакомиться съ этими финансовыми операціями, много раньше, чѣмъ я приступилъ въ томъ же университетѣ къ изученію моей будущей ученой спеціальности — финансо-

ваго права... Мнѣ пришлось это время (т. е. 1864 и 65 гг.) особенно часто посѣщать Чистякова, оставляя ту или иную вещь изъ моего туалета, въ обмѣнъ на нѣкоторое количество презрѣннаго металла... Особенно жутко пришлось мнѣ въ глухой сезонъ, въ самую середину лѣта, конецъ примѣрно іюля; всѣ товарищи давно разлетѣлись по своимъ палестинамъ и не къ кому было уже обращаться за помощью. Все имущество, имѣвшее какую-либо цѣнность, уже давно переселилось къ Чистякову... Мнѣ оставался лишь одинъ исходъ (о вредѣ котораго я часто сообщалъ впослѣдствіи, на своихъ профессорскихъ лекціяхъ о косвенныхъ налогахъ) сократить свои издержки, ограничивши свое потребленіе... Около трехъ недѣль именно, я припоминаю, мнѣ пришлось просуществовать на діэтѣ, нисколько не превосходящей продовольствіе завзятыхъ героевъ Максима Горькаго. Очень часто по своему разсчету, котораго, какъ утопающій, хватаясь за соломенку, я старался держаться, я могъ издерживать въ день на пропитаніе не болѣе 3 коп. въ день, при чемъ на двѣ—покупалъ въ городѣ у разнощика 1 фунтъ печенки и на копѣйку чернаго хлѣба... Иногда эта діэта разнообразилась похожденіями въ „Обжорный рядъ“, гдѣ я спрашивалъ, помнится мнѣ, за двѣ копѣйки порцію щей, а за копѣйку или двѣ отдѣльно кусочекъ мяса... Разумѣется, въ такія тяжкія времена правильное регулярное питье чаю прекращалось, если только Богъ не посылалъ добрыхъ людей, которые предлагали по знакомству угостить меня чашкой этого нектара; память сохранила у меня нѣсколько трогательныхъ случаевъ, о которыхъ я умолчу... Какъ правило я всегда предпочиталъ обѣдъ изъ одной печенки и только, когда продажа ея прекращалась по случаю поста, я уже обращался къ „Обжорному ряду“, гдѣ, несмотря на сильный часто голодъ, было мнѣ очень противно ѣсть „купоросные щи“, какъ ихъ называли между собой ихъ потребители.

Въ августѣ мѣсяцѣ этого года пріѣхалъ въ Москву мой дядя И. Я. Колмаковъ, у котораго жила моя сестра Евгенія въ Рузскомъ уѣздѣ, чтобы лѣчиться у Захарьина (бравшаго въ тѣ времена всего 15 руб. за визитъ). Само собою разумѣется, я сталъ у него часто показываться съ цѣлью прикармливаться и усердно началъ просить его взять меня въ учителя къ его дѣтямъ, а моимъ кузенамъ. Но дядя мой, имѣвшій уже учителемъ одного хорошаго студента, нѣкоего Хайновскаго, не желая его обидѣть, не рѣшился на эту мѣру, несмотря на сожалѣніе къ моему бѣдственному положенію. Онъ обратился лишь къ Хайновскому съ просьбой, чтобы тотъ съ своей стороны, какъ старый студентъ, имѣвшій много уроковъ и знакомствъ, уступилъ одинъ мнѣ, или постарался пріискать. Хайновскій, дѣйст-

вительно, чтобы сохранить свое мѣсто у дяди, вѣроятно для него выгодное, употребилъ всѣ усилія и въ короткое время нашелъ мнѣ сначала работу, а именно переводъ съ нѣмецкаго метеорологіи Шмидта, но работа эта оказалась для меня во всѣхъ отношеніяхъ неудачной: во-первыхъ я недостаточно хорошо зналъ нѣмецкій языкъ, особенно спеціальный, не имѣвшій никакого отношенія къ моей подготовкѣ, а затѣмъ работа и вознагражденіе были весьма длительными: нельзя было скоро получить вознагражденіе, мнѣ же естественно требовалось дѣло, которое прежде всего давало бы немедленно средства на удовлетвореніе моего аппетита и пріисканіе пріюта...

Вскорѣ же тотъ же учитель у моего дяди пріискалъ мнѣ и другое болѣе подходящее занятіе, а именно урокъ, но не въ Москвѣ, а въ отъѣздъ—въ г. Ржевъ Тверской губ. Въ тѣ времена были весьма обычнымъ дѣломъ отлучки студентовъ изъ Москвы, чуть ли не на цѣлый годъ, кромѣ времени экзаменовъ, въ отъѣздъ на уроки („на кондиціи"), особенно съ многолюдныхъ факультетовъ, какъ юридическій. Никто за этимъ не слѣдилъ и не сокрушался, тѣмъ болѣе, что лекціи почти безъ исключенія литографировались и юристу легко было готовиться къ экзамену, не посѣщая совсѣмъ университета и проживая гдѣ-нибудь въ дали отъ своей „Alma mater"...

За неимѣніемъ лучшаго, я согласился въ принципѣ принять этотъ урокъ, дававшій 25 рублей въ мѣсяцъ у В. И. Кудрявцева, ржевскаго предводителя дворянства. Мой будущій хозяинъ мнѣ выслалъ вскорѣ задатокъ, спасшій меня во-время отъ дальнѣйшей голодовки; къ этому онъ увѣдомилъ, что я долженъ ждать до ноября пріѣзда въ Москву самой г-жи Кудрявцевой, супруги нанимателя, отъ которой я узнаю-де дальнѣйшія условія нашего договора, и вмѣстѣ съ ней долженъ и пріѣхать во Ржевъ.

Между тѣмъ время шло и приносило съ собой событія для меня весьма непріятныя. Именно мое имя появилось на объявленіи, вывѣшенномъ на стѣнахъ, среди университета, въ спискѣ студентовъ,—исключенныхъ изъ него за невзносъ платы. Далѣе, мнѣ давался льготный срокъ для взноса платы, иначе мнѣ предлагалось явиться и получить свои документы... Въ этомъ случаѣ задатокъ г. Кудрявцева—50 руб.—меня спасъ и оказалъ важную услугу для моего пребыванія въ университетѣ. Я немедленно половину этой суммы, что было въ то время вполнѣ достаточно, внесъ въ университетъ, получилъ опять студенческій билетъ и водворился такимъ образомъ вновь тамъ, на правахъ гражданства. Остальные 25 руб. были мной употреблены на нѣкоторое поновленіе и увели-

ченіе моего гардероба, сильно пострадавшаго во время безработицы. Помню, какъ теперь, смѣшныя и жалкія похожденія свои въ качествѣ неопытнаго мальчика (мнѣ было тогда около 18 лѣтъ) на Московскій Толкучій рынокъ для закупки разныхъ предметовъ одѣянія и обуви, по возможно дешевой цѣнѣ. Помню, какъ, въ виду рано наступившихъ въ томъ году сильныхъ морозовъ, я особенно заботился о пріобрѣтеніи глубокихъ и теплыхъ галошъ и купилъ таковыя по наружности хорошаго качества за 3 съ чѣмъ-то рубля... Но увы, раньше чѣмъ я дождался пріѣзда г-жи Кудрявцевой, черезъ какую-нибудь недѣлю, эти галоши оказались сдѣланными изъ маленькихъ кусочковъ кожи, искусно склеенныхъ и зачерненныхъ; поэтому ко времени своего путешествія во Ржевъ я опять очутился при жестокомъ морозѣ, безъ всякой обуви, кромѣ худыхъ сапогъ и въ бумажныхъ дырявыхъноcкахъ... Почти то же случилось и съ другими покупками для той же цѣли на Толкучкѣ...

Наконецъ г-жа Кудрявцева пріѣхала; важно, но довольно любезно со мной поговорила въ гостиницѣ Челышова, въ номерѣ, который моимъ неопытнымъ глазамъ показался верхомъ роскоши и богатства. Она объявила мнѣ, что поѣдетъ лишь черезъ нѣсколько дней, назначила точно время, и чтобы я явился прямо на Николаевскій вокзалъ къ условленному поѣзду, на который мнѣ будетъ выданъ билетъ 3-го класса до Твери. Отъ Твери на Ржевъ тогда желѣзной дороги еще не существовало, и мы должны были въ Ржевъ ѣхать около 100 верстъ на перекладныхъ. Это первое мое путешествіе въ городъ Ржевъ, которое совершенно неожиданно для меня повторилось въ моей жизни много разъ, памятно мнѣ болѣе всего отъ тѣхъ страданій, которыя я терпѣлъ тогда отъ холода; я не понимаю причины, по которой въ тѣ времена или вагоны совсѣмъ не топились, или топились очень плохо... Разумѣется, бѣдный студентъ въ этотъ студеный морозный день былъ одѣтъ, несмотря на 20 слишкомъ градусовъ, въ тотъ же костюмъ, какъ и лѣтомъ, т. е. въ довольно легкой парѣ и въ „продувномъ", какъ острили въ Москвѣ нѣкоторые пріятели, пальто... Изъяны моего костюма сначала замѣтила сама г-жа Кудрявцева и дала мнѣ великодушно свою лишнюю ей кофту. Я завернулъ въ нее свои ноги, больше всего страдавшія отъ холода. Но это все-таки мало помогало дѣлу: морозъ былъ такъ великъ, и я такъ озябъ и дрожалъ, что, вѣроятно, было замѣтно и на моемъ лицѣ, что какая-то сострадательная купчиха, видимо старовѣрка, сидѣвшая недалеко отъ меня, сжалилась надъ молодымъ человѣкомъ и пожертвовала ему на дорогу свою лисью кацавейку, которую безцеремонно помогла мнѣ натянуть на себя къ забавѣ окружающей публики: несомнѣнно

добрая душа спасла меня навѣрное, если не отъ замерзанія, то отъ сильной простуды... Въ Твери мы пробыли лишь короткое время, около часу. Напились чаю, немного закусили, отогрѣлись, и затѣмъ въ огромномъ возкѣ двинулись въ путь, при чемъ я заранѣе выпросилъ у кучера побольше наложить сѣна, чтобы было сидѣть теплѣе... Предварительно еще, въ комнатѣ, гдѣ мы пили чай, по совѣту кого-то изъ ѣхавшихъ, я досталъ большое количество газетной бумаги и обернулъ ею все тѣло... Такимъ образомъ я воевалъ съ дѣдушкой морозомъ и благополучно, главнымъ образомъ, вѣроятно, благодаря своей молодости одержалъ надъ нимъ побѣду и незамерзшимъ, въ лѣтнемъ пальто, доѣхалъ до Ржева...

Въ Ржевъ мы пріѣхали поздно вечеромъ, такъ что о никакомъ впечатлѣніи города говорить нельзя было... Могу только сказать, что городъ, по которому мы ѣхали довольно долго, прежде чѣмъ добрались до квартиры Кудрявцевыхъ, показался мнѣ для уѣзднаго очень обширнымъ, что дѣйствительно и было... Какъ извѣстно, Ржевъ расположенъ довольно красиво на двухъ противоположныхъ берегахъ рѣки Волги. Мнѣ пришлось поселиться на нагорной сторонѣ рѣки и внутри города, въ квартирѣ Кудрявцевыхъ, въ отличномъ каменномъ 2-хъ этажномъ домѣ, на городской площади, при чемъ домъ былъ такъ великъ, что Кудрявцевы нѣсколько разъ въ году въ отдаленныя времена, еще неиздержавшіе, подобно другимъ помѣщикамъ, свои выкупныя, могли задавать многолюдные балы и приглашать для нихъ оркестры музыки. Помѣщеніе, предназначенное для моего жилья, было чрезвычайно удобно тѣмъ, что расположено было совершенно отдѣльно отъ остальной квартиры и съ особымъ ходомъ подъ воротами около улицы. Это избавляло меня отъ всякаго домашняго шума и отвлеченія отъ дѣла, когда я хотѣлъ заниматься. Ко мнѣ нельзя было никому изъ своихъ пройти или попасть мимоходомъ, а надо было спеціально для этого ко мнѣ идти... Впослѣдствіи обнаружилось однако, благодаря вороватости ржевскихъ жителей, одно неудобство моей комнаты: у меня нѣсколько разъ крали изъ корридора, прилегавшаго къ ней, мои сапоги, выставленные на ночь для чистки, и пришлось совсѣмъ прекратить этотъ обычай.

Семья г-на Кудрявцева состояла изъ самого Василія Ивановича Кудрявцева, изъ его супруги, съ которой я пріѣхалъ изъ Москвы, двухъ довольно милыхъ, но шаловливыхъ мальчиковъ, моихъ будущихъ учениковъ, старшаго сына, уже юноши въ Москвѣ и наконецъ гувернантки (для французскаго языка), бывшей питомицы, кажется, Смольнаго института, къ сожалѣнію крайне несимпатичной, не только потому, что она была очень некрасива, но отличалась рѣз-

костію въ обращеніи и непозволительнымъ ханжествомъ. Не пропуская, кажется, никакой церковной службы, не исключая, въ теченіе всего Великаго Поста — даже заутрени въ ранніе часы, гувернантка эта безпрестанно пилила всегда кого-либо дома, или мальчиковъ (обязательно по-французски), или же прислугу (по-русски), а иногда даже подчасъ и меня (на обоихъ языкахъ) — за отсутствіе набожности и неисполненіе какихъ-либо религіозныхъ обрядовъ или формальностей. Напримѣръ, она стучала сердито ко мнѣ въ окно, когда шла къ заутренѣ рано утромъ и видѣла у меня еще свѣтъ, — я занимался или писалъ, — объясняя на другой день съ жаромъ, совершенно мнѣ непонятнымъ, что разъ я такъ поздно сижу, я обязательно долженъ бы бросить все и идти молиться Богу, а не заниматься дальше своимъ грѣшнымъ дѣломъ... Разумѣется, это вело къ постояннымъ неудобнымъ объясненіямъ и столкновеніямъ.

Собственно своими учениками, какъ и хозяевами, я, впрочемъ, былъ вполнѣ доволенъ: мальчики оказались довольно добрыми, хотя и очень шаловливыми. Я съ ними легко ладилъ, и они постепенно и изрядно подготовлялись къ гимназическому экзамену. Г. г. Кудрявцевы ни во что не вмѣшивались въ обученіи, какъ это у насъ въ русскихъ семействахъ имѣетъ мѣсто въ большинствѣ, и только формально справлялись, доволенъ ли я дѣтьми, или не надо ли мнѣ ихъ наказать, къ чему вообще не приходилось прибѣгать, такъ какъ они учились у меня довольно порядочно...

У меня было впрочемъ другое горе во Ржевѣ, независимо до извѣстной степени отъ свойствъ того дома или семейства, гдѣ я проживалъ... Именно первое время моего пребыванія въ этомъ городѣ мнѣ недоставало общества и занятій, которыя бы меня интересовали и захватывали. Городъ Ржевъ того времени (т. е. безъ малаго около 50 лѣтъ тому назадъ) являлся типомъ довольно богатаго, отчасти торговаго, отчасти промышленнаго, но мало культурнаго, раскольничьяго города, съ весьма малымъ количествомъ образованныхъ жителей; такъ, мнѣ называли изъ университетскихъ лишь тогдашняго исправника, назовемъ его X, но въ то же время аттестовали его, несмотря на обычную привычку того времени къ чиновничьимъ грѣхамъ, какъ самаго отчаяннаго взяточника и человѣка вообще неинтереснаго, почему знакомства съ нимъ я не искалъ — и больше, въ домѣ Кудрявцева, мнѣ не могли назвать въ то время университетскихъ и часто ссылались для противоположности на сосѣдніе Зубцовскій и Новгородскій уѣзды, гдѣ многіе дворяне посѣщали университеты (Квашнины-Самарины, Ладыженскіе, Бакунины).

Дѣло въ томъ, что въ г. Ржевѣ безвыходно простоялъ тогда, свыше 30 лѣтъ, какой-то кавалерійскій полкъ, и почти всѣ помѣщичьи дѣтки дѣлались кавалеристами, для чего, конечно, университетскаго образованія не требовалось. Вслѣдствіе этой причины, какъ мнѣ объясняли, до университета ржевскіе помѣщики очень рѣдко доводили своихъ дѣтей, ограничиваясь преимущественно или домашнимъ образованіемъ, или нѣсколькими классами гимназіи, или же наконецъ обучали дѣтей въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Позднѣе, когда я познакомился со многими лицами въ городѣ и уѣздѣ, мнѣ между прочимъ бросилась въ глаза огромная разница тогдашняго поколѣнія дворянства отъ предшествовавшаго ему 30-хъ и 40-хъ годовъ. Большая часть тогдашнихъ дворянъ стараго поколѣнія почему-то были часто моряками и служили въ морской службѣ и, вѣроятно, по этой причинѣ были гораздо образованнѣе своихъ дѣтей и внучатъ. Поэтому, посѣщая съ семьей Кудрявцевыхъ разныхъ родственниковъ и сосѣдей, я былъ немало удивленъ, найдя у многихъ отличныя старинныя библіотеки съ литературой 18 и начала 19 вѣковъ, на иностранныхъ отчасти языкахъ, при томъ не только французскомъ, но очень много и на англійскомъ,—языкъ, къ которому я всегда имѣлъ особое пристрастіе еще съ гимназіи. Напротивъ, насколько богаты были библіотеки старыя въ дворянскихъ усадьбахъ, настолько скудны современныя, благодаря новымъ, пониженнымъ, умственнымъ интересамъ и новому уровню образованія г. г. дворянъ... Въ большинствѣ семействъ библіотеки состояли только изъ одного или двухъ журналовъ и нѣсколькихъ романовъ. У г. предводителя дворянства В. И. Кудрявцева, помѣщика въ то время еще сравнительно достаточнаго, даже и такой библіотеки, помнится, не было. Я буквально оставался безъ чтенія и тосковалъ, ко всѣмъ приставая за книгами, нельзя ли что-нибудь получить для чтенія?... Особенно это повальное невѣжество ржевскаго общества, несмотря на богатство дворянъ и купечества и роскошные пиры и балы, ими задаваемые, бросалось мнѣ сильно въ глаза, сравнительно даже съ моей милой Рязанью, гдѣ я провелъ свое дѣтство и отрочество.

Кто-то изъ лицъ, посѣщавшихъ Кудрявцевыхъ, внезапно меня обрадовалъ извѣстіемъ, что въ Ржевѣ существуетъ городская библіотека, о чемъ я еще не слыхалъ отъ своихъ домашнихъ, и помѣщается-де при уѣздномъ училищѣ; я немедленно отправился на поиски и дѣйствительно нашелъ подъ этимъ именемъ библіотеку при квартирѣ смотрителя училища, весьма сухого и флегматичнаго человѣка, отъ котораго я долго не могъ получить никакихъ удовлетворительныхъ свѣдѣній о библіотекѣ. Увы, къ великому моему со-

жалѣнію, Ржевская городская библіотека меня сильно разочаровала и не могла удовлетворить моихъ стремленій къ чтенію. Почти исключительно она состояла изъ книгъ 18 и начала 19 в. в., напримѣръ, страшныхъ романовъ лэди Ратклиффъ, произведеній Сумарокова, Хемницера и пр.; впрочемъ, въ библіотекѣ имѣлось также и нѣсколько любопытныхъ ученыхъ книгъ, одинаково старыхъ и которыя вовсе не удовлетворяли мою пытливость, или не соотвѣтствовали моимъ вкусамъ и желаніямъ, напр., извѣстное сочиненіе академика Палласа „Народы Россіи" 18-го вѣка и нѣсколько другихъ имъ подобныхъ. Затѣмъ въ библіотекѣ получалось „Собраніе романовъ" Ахматовой, весьма бойкое, но безталантное изданіе, напичканное всякими, преимущественно французскими романами вродѣ „Похожденій Рокамболя", романовъ Густава Эмара и пр...: все очень занимательно при чтеніи и ничего не остается въ головѣ послѣ него... Но и изъ этого журнала новости получать было очень трудно, потому что единственный въ городѣ экземпляръ разбирался быстро и возвращался туго.

Совершенно неожиданно для меня самого скоро явилось однако такое развлеченіе, которое поглотило все мое вниманіе и любознательность и гораздо болѣе благороднымъ, при томъ, и полезнымъ образомъ; мало того, это новое занятіе оказало широкое воздѣйствіе даже на всю мою жизнь. Передъ самымъ отъѣздомъ своимъ во Ржевъ на немногія оставшіяся у меня деньжонки, я соблазнился и на той же Толкучкѣ купилъ за дешевую цѣну извѣстную „Соціальную Физику" знаменитаго бельгійскаго статистика Кеттле. Какъ извѣстно, въ данномъ трудѣ этотъ замѣчательный ученый, на основаніи цифръ по общественной статистикѣ населенія, констатируетъ и доказываетъ на всѣ лады закономѣрность всѣхъ соціальныхъ явленій, хотя бы повидимому самыхъ произвольныхъ по внѣшности, или неизмѣняемыхъ наоборотъ волей человѣка. Такъ, рождаемость, напр. или смертность, раздѣленіе того и другого по полу, степень смертности рождающихся, какъ въ брачныхъ союзахъ, такъ и внѣ ихъ и т. д. Точное время этихъ важныхъ соціальныхъ явленій, оказывается, подчинено какимъ-то намъ неизвѣстнымъ законамъ и совершается вовсе не случайно, а съ поразительной аккуратностію или регулярностью... Человѣкъ какъ бы обязательно платитъ извѣстную дань смерти и точно также производитъ извѣстное количество мальчиковъ и дѣвочекъ, изъ которыхъ опять таки опредѣленное количество съ удивительной устойчивостью или постоянствомъ должно умереть въ теченіе извѣстнаго времени. И всѣ эти явленія повторяются совершенно, повидимому, безъ вліянія свободной воли человѣка и на тѣхъ или иныхъ субъектахъ...

Книга Кеттле оказала на меня болѣе глубокое вліяніе, чѣмъ какая-либо иная, прочитанная мною до тѣхъ поръ. Она поразила мое воображеніе, измѣнивши всѣ представленія о возможности для человѣка свободно распоряжаться своими дѣйствіями, несмотря на соотвѣтствующую въ этомъ случаѣ оговорку самого Кеттле. Я, можно такъ выразиться фигурально, помѣшался тогда на цѣлесобразности и закономѣрности соціальныхъ явленій и вполнѣ былъ поглощенъ этимъ вопросомъ, который лишалъ меня сна и мѣшалъ думать о чемъ-либо другомъ. Одно меня сокрушало въ особенности нѣкоторое время, это то, что мнѣ не съ кѣмъ было подѣлиться своими мыслями и интересами по данному поводу: прежде всего у меня не было слушателя... Умственная жизнь моя между тѣмъ оживилась, несмотря даже на полное одиночество. Занятый пробудившими мою мысль новыми для меня идеями, я уже болѣе не скучалъ въ скучномъ Ржевѣ и ни чуточки не жалѣлъ о товарищахъ и соблазнительныхъ развлеченіяхъ Москвы; я всецѣло это время былъ поглощенъ удивительной перспективой общественныхъ явленій, открывшихся передъ моими умственными очами благодаря великому произведенію Кеттле.

Наконецъ я нашелъ и человѣка, который началъ снисходительно и сочувственно выслушивать всѣ мои толкованія и мечтанія, вызванныя трудомъ бельгійскаго ученаго, открывшаго передо мной такіе широкіе умственные горизонты... Этимъ лицомъ оказался соборный протоіерей въ городѣ Ржевѣ отецъ Димитрій (фамилію его забылъ). Онъ скоро явился повѣреннымъ моихъ интересовъ и даже непосредственнымъ помощникомъ для удовлетворенія моей любознательности и пытливости въ соціальныхъ законахъ. Отецъ протоіерей, насколько мнѣ помнится, состоялъ благочиннымъ для четырехъ церквей въ г. Ржевѣ, существовавшихъ подъ его ферулой; онъ былъ человѣкомъ весьма неглупымъ и добродушнымъ, а по своему развитію настолько выше окружающихъ, что при всякихъ затруднительныхъ для горожанъ случаяхъ, напримѣръ, послать изъ города Ржева какое-либо привѣтствіе властямъ или сказать пріѣзжему сановнику рѣчь, всегда въ этихъ случаяхъ вспоминали и обращались за помощью къ отцу Дмитрію: онъ всѣхъ лучше въ данномъ случаѣ могъ найтись и наилучшимъ образомъ исполнить желаемое... Въ семьѣ его, насколько помню, была молоденькая дѣвушка, дочь, которую онъ, видимо, заботился посильно развлекать, почему у него въ домѣ часто устраивались танцы, собиралась молодежь и веселыя непринужденныя вечеринки тянулись иногда за полночь, при чемъ я ихъ очень любилъ посѣщать, несмотря на опасность для меня изъ-за нихъ знакомиться ночью съ злыми ржевскими собаками, которыя самымъ

энергичнымъ образомъ всегда нападали на пѣшеходовъ и провожали ихъ до воротъ дома, несмотря на всѣ отмахиванія палками...

Я скоро полюбилъ отца Дмитрія и усердно его посѣщалъ, отчасти иногда танцуя съ дочкой, но еще болѣе сидя въ кабинетѣ, за стаканомъ чаю, и трактуя съ почтеннымъ папашей о достойныхъ удивленія соціальныхъ законахъ, открытыхъ Кеттле, при чемъ хозяинъ частенько прикладывался къ рюмочкѣ, а я за него закусывалъ копченой селедкой, какъ непившій еще тогда никакихъ крѣпкихъ напитковъ. Наконецъ эти толки привели насъ съ отцомъ Дмитріемъ къ мысли попытаться самимъ провѣрить выводы Кеттле, по возможности на данныхъ ржевской статистики, насколько они закономѣрны и въ дѣйствительности повторяются... Отецъ Дмитрій немедленно предложилъ мнѣ, вѣроятно въ качествѣ благочиннаго, сдѣлать распоряженіе по церквамъ, чтобы мнѣ доставили, кажется, за 30 лѣтъ всѣ ржевскія церковныя книги для моего пользованія, я на нихъ-де могу испытывать и провѣрять всѣ хитроумныя открытія и выдумки Кеттле. Сказано, сдѣлано...

Черезъ нѣсколько дней въ мою квартирку привезли цѣлый возъ толстыхъ книгъ, писанныхъ всевозможными почерками, о родившихся, умершихъ и брачащихся за длинный періодъ въ 30 лѣтъ въ г. Ржевѣ. Я почти немедленно отрѣшился отъ всѣхъ прочихъ интересовъ и весьма быстро вошелъ во вкусъ цифръ, одухотворенныхъ для меня сущностію великихъ законовъ Кеттле и до такой степени проникся ими и ихъ значеніемъ, что съ истинной досадой отвлекался отъ пыльныхъ книгъ и разныхъ выкладокъ надъ цифрами, чтобы идти на верхъ обѣдать или заниматься другимъ дѣломъ... Весьма скоро я привыкъ быстро считать, особенно когда на помощь призвалъ русскіе счеты и выучился ими пользоваться. За этой странной для молодого человѣка и по его доброй волѣ, работою, я буквально просидѣлъ всю зиму и весну, 6 или 7 мѣсяцевъ этого года (1865 г.), работая большую часть дня, за исключеніемъ 2 или 3 часовъ занятій съ мальчиками, или чрезвычайно рѣдкихъ отсутствій изъ дому, такъ, что отецъ Дмитрій началъ даже меня ревновать къ церковнымъ книгамъ, ибо я замѣтно рѣже сталъ посѣщать его собранія. Не довольствуясь однако днемъ, я занимался часто и ночью этимъ же цифирьемъ, къ особенному негодованію гувернантки, уличавшей меня въ позднемъ сидѣніи за писаніемъ во время заутрени... Я сдѣлался скоро совершенной „притчей во языцѣхъ" всѣхъ домашнихъ, которые не могли надивиться на мое чудачество и разсказывали о немъ со смѣхомъ всѣмъ посѣтителямъ, что ихъ студентъ проводитъ-де цѣлыя ночи надъ церковными книгами, отыски-

вая вѣрно какой-нибудь записанный въ нихъ кладъ или что-нибудь въ этомъ же родѣ...

При сказанныхъ условіяхъ этой находки мною себѣ дѣла по душѣ, зима и частью весна того года промелькнули для меня совершенно незамѣтно. Я собралъ огромный письменный матеріалъ разныхъ цифръ и выкладокъ надъ ними, характеризующихъ со всевозможныхъ сторонъ рождаемость и смертность города Ржева, набилъ имъ половину своего чемодана и въ апрѣлѣ, по условію съ Кудрявцевыми отпущенный на два экзаменаціонныхъ мѣсяца въ Москву, я весело уѣхалъ въ Бѣлокаменную, довольный собой, своей судьбой и даже городомъ Ржевомъ...

Мнѣ нетрудно было изъ массы собранныхъ цифръ состряпать цѣлое обширное изслѣдованіе „Статистика браковъ и рожденій"— первое мое, подъ этимъ нѣсколько пышнымъ названіемъ, твореніе, которому суждено было, какъ мы узнаемъ послѣ, быть напечатаннымъ впослѣдствіи и привязать меня къ профессурѣ и дальнѣйшей научной дѣятельности всю мою жизнь. Могу сказать утвердительно, что безъ вышеописанныхъ условій этой первой моей ученой работы и слѣдовательно безъ отца Дмитрія и ржевскихъ церковныхъ книгъ этого, весьма вѣроятно, не было бы никогда... Я вкусилъ впервые любовь къ наукѣ на этомъ несовершенномъ и во многомъ еще ребяческомъ изслѣдованіи... Ни въ одну, вѣроятно, работу, я не вложилъ столько души и усердія, какъ въ это юное свое созданіе. Я мнилъ провѣрить законы Кеттле, а потому все мое изслѣдованіе состоитъ изъ сопоставленія положеній и условныхъ законовъ Кеттле (т. е. его обобщеній по разнымъ сторонамъ соціальной жизни) съ соотвѣтствующими явленіями на основаніи ржевской статистики, при чемъ я указывалъ по временамъ на удивительное совпаденіе нашихъ выводовъ, или наоборотъ—различіе,—съ попытками объяснить это различіе тѣми или иными чисто мѣстными причинами. Это мое первое, такъ сказать, дѣвственное научное сочиненіе имѣло несомнѣнно много дѣтскаго, наивнаго и незрѣлаго, но, насколько я припоминаю (по тому, что цѣликомъ оно давно не существуетъ), оно въ то же время отличалось такой глубокой вѣрой и любовью въ силу науки, что несомнѣнно мой трудъ заслуживалъ, при юности автора, самой большой похвалы и поощренія его, въ интересахъ его будущихъ занятій и работъ.

Такъ какъ я отличался всегда весьма дурнымъ почеркомъ, то меня озабочивала мысль, какъ въ тогдашнее время, когда не существовала еще нынѣшняя пишущая машина, мнѣ переписать приличнымъ образомъ свое твореніе... Я не имѣлъ, разумѣется, средствъ заплатить хорошему переписчику, но скоро благой случай вывелъ

меня изъ затрудненія. Товарищъ мой по гимназіи Р., отличавшійся превосходнымъ по качеству почеркомъ, полѣнился въ теченіе года написать сочиненіе, тогда обязательное на всѣхъ курсахъ юридическаго факультета ежегодно, и вотъ мы съ нимъ вошли въ обоюдную сдѣлку... я вызвался въ нѣсколько дней написать за него на столько хорошее курсовое сочиненіе, что ему дадутъ за него приличную отмѣтку, а онъ въ свою очередь перебѣлитъ мое огромное статистическое твореніе, что въ недѣли двѣ мы въ дѣйствительности добросовѣстно и исполнили. Я ему представилъ новое сочиненіе о рентѣ по Рикардо, а онъ прекрасно переписалъ мое объемистое произведеніе со всѣми приложеніями...

Увы, однако авторская моя гордость въ концѣ концовъ жестоко пострадала... Я представилъ свое сочиненіе заблаговременно на его квартирѣ профессору статистики Ивану Кондратьевичу Бабсту, который обязанъ былъ его разсматривать и давать оцѣнку. Черезъ мѣсяцъ примѣрно, уже на экзаменѣ по статистикѣ, Бабстъ вынулъ мое сочиненіе изъ своего портфеля и возвратилъ мнѣ, не сказавши мнѣ ни одного слова по поводу его и видимо не прочтя его предварительно... перевернутый вверхъ ногами одинъ листъ такъ и остался назамѣченнымъ и перевернутымъ. Бабстъ не удостоилъ даже чести спросить что-нибудь объ условіяхъ или источникахъ моей работы, что̀ было бы непремѣнно, если бы онъ ее даже немного прочелъ. Онъ только взвѣсилъ ее въ рукахъ и замѣтилъ: „Очевидно, Вы много трудились“ и поставилъ мнѣ почти безъ экзамена 5, но такъ какъ онъ ставилъ почти всѣмъ желающимъ тотъ же баллъ, то, разумѣется, его 5 меня нисколько неудовлетворило. Я огорченный и раздосадованный на это почти полное равнодушіе профессора къ моей, во всякомъ случаѣ рѣдкой у студента, работѣ (около 50 кругомъ писанныхъ листовъ), ушелъ съ экзамена. Товарищи, на глазахъ у которыхъ все это совершалось, также не мало были удивлены такимъ неблаговиднымъ равнодушіемъ профессора къ своимъ обязанностямъ и всячески меня утѣшали.

Въ концѣ мая всѣ мои экзамены покончились и при томъ самымъ наилучшимъ образомъ. Благодаря прилежному изученію литографскихъ тетрадокъ, аккуратно получаемыхъ мною черезъ товарищей во Ржевѣ, я настолько хорошо подготовился къ испытанію, что по всѣмъ, кажется, предметамъ получилъ круглое 5 и спокойно, кромѣ горечи отъ невниманія къ моему статистическому труду со стороны Бабста, возвратился во Ржевъ къ своимъ учительскимъ обязанностямъ у г.г. Кудрявцевыхъ. На этотъ разъ я нашелъ своихъ учениковъ и семью хозяина уже не въ городѣ, а въ ихъ имѣніи, прекрасной усадьбѣ, верстъ 5 отъ г. Ржева. Большой господскій домъ

расположенъ былъ въ саду и недалеко отъ рощи, такъ что мы размѣстились еще удобнѣе городской квартиры; я, напримѣръ, получилъ въ свое владѣніе большую комнату, разгороженную на двѣ, въ нижнемъ этажѣ, въ двухъ шагахъ отъ выхода въ садъ, гдѣ я и проводилъ съ книгою большую часть дня.

Моя жизнь лѣтомъ въ деревнѣ Кудрявцевыхъ текла одинаково по образцу городской съ той впрочемъ существенной разницей, конечно, что я уже не имѣлъ болѣе статистической работы, такъ поглощавшей мое время и интересы зимой. Присылка лекцій изъ Москвы, вмѣстѣ съ самими лекціями на лѣто, конечно также прекратились, и я по временамъ, имѣя массу свободнаго времени, началъ скучать и болѣе и болѣе искать въ городѣ книгъ, которыхъ недоставало для удовлетворенія моей любознательности...

Случайно отъ кого-то изъ домашнихъ я узналъ, что много старыхъ книгъ валяется-де на чердакѣ, немедленно отправился туда и къ великому моему удовольствію открылъ въ пыли сложенные кучами и частію перевязанные веревками старые журналы (между прочимъ „Современникъ") за нѣсколько лѣтъ, которые въ свое время получались, частію читались, а затѣмъ за ненадобностію сосланы были на верхъ, иногда даже и въ неразрѣзанномъ видѣ... Между нѣсколькими журналами я открылъ настоящее для себя Эльдорадо, въ видѣ интересныхъ книжекъ „Современника" за цѣлыхъ три года, съ множествомъ любопытнѣйшихъ для того времени статей: такъ, сюда входила большая часть, напримѣръ, „Политической Экономіи" Д.-С. Милля съ примѣчаніями Чернышевскаго и многими другими интересными экономическими статьями, которыхъ я и зачитывался въ засосъ.

Я помню живо всю мою радость, которая меня охватила при этой находкѣ внезапно, подъ большимъ ворохомъ пыли и всякой бумажной макулатуры въ углу обширнаго чердака. Я немедленно, конечно, перетащилъ цѣлые вороха этихъ книгъ внизъ къ себѣ въ комнату и съ жадностію принялся за чтеніе, одинаково какъ экономическихъ статей, такъ и романовъ. Съ Политической Экономіей въ изложеніи Чернышевскаго я уже былъ немного знакомъ еще въ гимназіи, но въ первый разъ принялся за чтеніе этой прекрасной книги съ надлежащимъ вниманіемъ и прилежаніемъ, стараясь отдавать себѣ отчетъ въ каждомъ прочитанномъ словѣ: она несомнѣнно оказала полезное вліяніе на мои вкусы и развитіе и пріохотила меня къ чтенію такого рода, которое у насъ называется „серьезнымъ чтеніемъ". Многія мысли въ прочитанномъ тогда меня сильно заинтриговали, возбуждая спеціальный интересъ и желаніе ихъ провѣрить и сопоставить съ нѣкоторыми мнѣ извѣстными болѣе писа-

телями, но, увы! недостатокъ книгъ, наше всеобщее до сихъ поръ зло, дѣлало невозможнымъ подобныя сравненія и приходилось довольствоваться только тѣмъ, что было подъ руками или въ предѣлахъ достиженія.

Деревенская жизнь того времени въ домѣ предводителя дворянства, у котораго я проживалъ, отличалась отъ городской тѣмъ только, что прекратились званые обѣды и вечера и въ деревнѣ, несмотря даже на близость имѣнія отъ городу, замѣтно наѣзжало меньше гостей, а съ ними прекратились почти и развлеченія вродѣ танцевъ, игръ и т. д. Два чрезвычайныхъ событія, впрочемъ, внесли на короткое время нѣкоторое разнообразіе въ нашу лѣтнюю деревенскую жизнь, съ ея монотонностію... Во-первыхъ, въ одно прекрасное утро появился у насъ, сначала у хозяйки дома Е. П. Кудрявцевой—женщины вообще весьма набожной, какой-то заѣзжій изъ далека монахъ (собственно іеромонахъ). Онъ долго о чемъ-то совѣщался въ кабинетѣ хозяйки и, какъ я слышалъ потомъ, получилъ отъ нея, а также отъ благочестивой гувернантки—нѣкоторые вклады для его будто-бы монастыря, гдѣ-то въ Крыму... Затѣмъ монахъ зашелъ также къ хозяину В. И. Кудрявцеву, откуда впрочемъ вышелъ скоро, какъ впослѣдствіи хвастался хозяинъ, что называется „не солоно хлебавши“, т. е. не получилъ ничего и зашелъ по его твердому желанію въ комнату къ студенту, т. е. ко мнѣ. Здѣсь съ глазу на глазъ со мной монахъ оказался очень простымъ, общительнымъ и веселымъ человѣкомъ, сыпалъ каламбуры, анекдоты даже нескромнаго свойства и первымъ дѣломъ попросилъ курить, при чемъ, съ моего дозволенія, заперъ дверь, т. к. не хотѣлъ-де подавать соблазна... Проболтавши у меня съ четверть часа, онъ любезно простился и ушелъ, или уѣхалъ въ городъ...

Вообразите огорченіе и конфузъ нашихъ дамъ, когда на другой день явился къ намъ на традиціонной тройкѣ съ бубенчиками, самъ ржевскій исправникъ, съ разспросами объ этомъ посѣтителѣ, что онъ у насъ дѣлалъ и говорилъ... По его словамъ, онъ только-что получилъ по телеграфу увѣдомленіе изъ Петербурга, что изъ Сибири бѣжалъ какой-то важный преступникъ и въ настоящее время разъѣзжаетъ по Россіи, одѣтый монахомъ, и собираетъ довольно щедрыя даянія на нужды якобы своего фиктивнаго монастыря, и что несомнѣнно по описанію и пр. нашъ монахъ былъ тотъ самый, о которомъ его увѣдомляли, но его слѣдъ уже простылъ... Разумѣется, монахъ исчезъ безслѣдно, мы объ немъ ничего больше не слыхали... Потомъ долго, однако, продолжали подсмѣиваться надъ дамами-благотворительницами и благочестіемъ, съ которымъ онѣ щедро надѣляли этого ловкаго плута своими даяніями на дорогу и съ благоговѣніемъ прикладывались къ ручкѣ... подходя подъ благословеніе...

Другое приключеніе въ это же лѣто, взбудоражившее насъ въ имѣніи Кудрявцева, было болѣе плачевнаго свойства. Воры глубокой ночью забрались въ довольно богатую хозяйскую кладовую въ верхнемъ этажѣ обширнаго дома и очень основательно очистили ее отъ многихъ запасовъ разнообразныхъ снѣдей, тамъ хранившихся... Для меня лично это нашествіе воровъ сдѣлало большую непріятность, именно, ночью о присутствіи воровъ первый услышалъ камердинеръ хозяина Александръ, спавшій въ той части дома, гдѣ лежала кладовая, но, не имѣя храбрости самому поднять тревогу или проникнуть во взломанную кладовую, гдѣ натолкнулся бы на воровъ, онъ отправился предварительно ко мнѣ, разбудилъ меня и упросилъ сдѣлать экспедицію въ поискахъ воровъ сообща... Неодѣтый, въ одномъ бѣльѣ (а ночь была довольно холодная), я отправился съ нимъ вмѣстѣ на другую половину дома, оба вооруженные примитивнымъ образомъ—кочергой и палкой. Въ результатѣ воры успѣли услыхать тревогу и скрылись съ частью награбленнаго, часть же бросили на дорогѣ около дома: въ кладовой воры оставили разнообразные непріятные слѣды своего пребыванія, напр., многочисленныя банки съ вареньемъ были вскрыты и изъ нихъ видимо черпали сладкое содержимое руками, которыя тутъ же и вытирали потомъ объ стѣну, покрытую къ нашему удивленію явными знаками утиранія пальцевъ съ сладкимъ сокомъ... Исчезли разнообразные предметы, которые только имъ попались подъ руки, въ томъ числѣ, къ огорченію моихъ учениковъ, большое количество домашней яблочной пастилы. Всю пропажу хозяйка оцѣнивала, помнится, невысоко, около 100 руб., но для меня лично это приключеніе имѣло весьма непріятное послѣдствіе: я сильно простудился и заболѣлъ чѣмъ-то вродѣ горячки, отъ которой я промаялся, лежа въ постели, недѣли двѣ и сокрушался близостью экзаменовъ для моихъ учениковъ и опасеніемъ за ихъ участь...

Но все прошло, слава Богу, благополучно... Съ маленькимъ опозданіемъ я успѣлъ ихъ подготовить достаточно въ требуемыхъ предметахъ и, торжественно простившись съ хозяевами, самолично отвезъ ребятъ въ Москву, гдѣ они и сдали свой экзамены вполнѣ удовлетворительно. Такимъ образомъ произошла ликвидація моего продолжительнаго урока у г.г. Кудрявцевыхъ, который, какъ было объяснено раньше, далъ мнѣ возможность, во-первыхъ, выйдти изъ весьма затруднительнаго экономическаго кризиса, равнаго полной нищетѣ, возвратилъ меня въ университетъ, временно утерянный, и доставилъ мнѣ косвенно возможность въ первый разъ съ роду испытать сладость научныхъ занятій, при томъ занятій въ самой сухой формѣ, надъ массами цифръ, извлеченныхъ изъ обильныхъ церков-

ныхъ книгъ г. Ржева за много лѣтъ. Объ этомъ результатѣ своей жизни во Ржевѣ я до сихъ поръ вспоминаю съ истинной благодарностію, такъ какъ трудъ мой во Ржевѣ послужилъ до нѣкоторой степени основаніемъ всей моей послѣдующей ученой дѣятельности, несмотря даже на непозволительное отношеніе къ своимъ прямымъ обязанностямъ г-на профессора Бабста. Съ окончаніемъ уроковъ у Кудрявцевыхъ, всякія мои отношенія со Ржевомъ, совершенно чуждымъ для меня городомъ, прекратились. Но волѣ судебъ угодно было, чтобы черезъ 6 лѣтъ спустя я вновь вступилъ въ сношенія со Ржевомъ и началъ его посѣщать, но уже не въ роли учителя: далеко собственно ото Ржева, за границей, какъ объ этомъ будетъ сообщаться дальше подробно, я нашелъ себѣ жену, ржевскую уроженку, и такимъ образомъ вновь у меня завязались связи со Ржевомъ, на другой почвѣ, но за то и болѣе прочно...

Первое время моей возобновившейся московской жизни, осенью 1866 года, я устроился опять самостоятельно въ студенческомъ кварталѣ, т. е. на Патріаршихъ Прудахъ, и пользовался маленькими сбереженіями, уцѣлѣвшими отъ ржевской жизни; небольшой частью ихъ приходилось, впрочемъ, дѣлиться съ сестрами. Большій опытъ и знакомства доставили мнѣ однако возможность скоро найти уроки и вообще съ этого времени, можно считать, мой пролетарски-студенческій образъ жизни прекратился на продолжительное время, т. е. другими словами—я уже получалъ далѣе такой изрядный заработокъ (и помимо того маленькую стипендію отъ университета, что-то около 8 руб. въ мѣсяцъ), что не только могъ существовать безъ нужды, но даже дозволять по временамъ нѣкоторую относительную роскошь, какъ, напр., обзавелся одно время золотыми часами, хорошимъ костюмомъ, которые въ трудные минуты жизни отправлялись вновь къ тому же Чистякову впредь до лучшихъ временъ „учиться закладному праву", какъ мы острили тогда надъ своей нуждой и безалаберностію... Лишь въ одинъ дальнѣйшій періодъ моей студенческой жизни, но гораздо позднѣе, незадолго передъ моей командировкой за границу, мнѣ опять пришлось нѣсколько мѣсяцевъ испытать нужду и бѣдность, но далеко уже не въ такихъ размѣрахъ, какъ въ раннее время университетской жизни...

Если молодость, несмотря даже на случайныя лишенія и невзгоды, вродѣ мною описанныхъ выше, представляетъ лучшую пору жизни, то и воспоминанія о ней, въ свою очередь, невольно вызываютъ въ моемъ постарѣвшемъ сердцѣ лишь одну радость и умиленіе... Главный центръ и условія пріятности жизни въ это счастливое время, помимо здоровья, которымъ я вообще пользовался, въ видѣ цѣннаго подарка отъ природы, заключались въ обществѣ моихъ милыхъ това-

рищей... Какъ у рязанца по гимназіи, гдѣ я получилъ воспитаніе, естественно кругъ моихъ товарищей въ Московскомъ университетѣ, главнымъ образомъ, состоялъ также изъ рязанцевъ, по крайней мѣрѣ изъ пріятелей, наиболѣе короткихъ, хотя при той легкости, съ которой завязываются всѣ связи и знакомства между молодыми людьми, много тоже друзей и пріятелей было пріобрѣтено мною въ дни студенчества между лицами и изъ другихъ краевъ Россіи, какъ бывшими гимназистами, такъ и семинаристами... (напр. костромичъ М. О. Перфильевъ, тверитянинъ изъ семинаристовъ Д. Сиверцовъ, симбирецъ И. Е. Цвѣтковъ и мн. др., нѣсколько кавказцевъ-армянъ и грузинъ, черкесъ и нѣсколько поляковъ изъ Западнаго края и пр., не помню только евреевъ, которыхъ въ мое время вообще было въ университетѣ весьма мало).

Въ Рязанскомъ кружкѣ студентовъ собственно сближенію сильно содѣйствовало такъ называемое „рязанское землячество", т. е. взаимно-благотворительное общество бывшихъ воспитанниковъ Рязанской гимназіи, ибо въ мое время рѣшительно никакой политикой мы *не занимались*, мало интересовались ею и не знали ее, обратно съ теперешней молодежью, которая изъ-за политики забываетъ свое настоящее дѣло и обязанности... Очень долго старостой или казначеемъ у насъ былъ высокоуважаемый нынѣ сенаторъ Вл. Ник. Варваринъ, извѣстный судебный дѣятель... Мы собирали деньги, добываемыя и присылаемыя изъ Рязани для бѣдныхъ товарищей, и дѣлили ихъ между собой, удовлетворяя наиболѣе насущной потребности, въ общемъ, на сколько помню, наиболѣе справедливымъ образомъ... Между прочимъ въ очень тяжелое время моего собственнаго пребыванія въ университетѣ первый годъ, я обязанъ былъ землячеству, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, маленькой стипендіей, которая, можетъ быть, дала мнѣ возможность—не умереть съ голоду...

Назову имена моихъ ближайшихъ друзей и товарищей, преимущественно изъ Рязанской гимназіи въ первые годы моей студенческой жизни. На первомъ мѣстѣ надо поставить Николая Игнатьевича *Родзевича*, съ которымъ я былъ уже друженъ въ гимназіи и о которомъ много говорилъ въ своихъ воспоминаніяхъ дѣтства („Вѣст. Восп."). У него былъ братъ Игнатій, моложе насъ, съ которымъ я сблизился уже въ позднѣйшее время, на старшемъ курсѣ и во время приготовленія къ профессурѣ. Н. И. Родзевичъ очень рано сдѣлался достаточно прилежнымъ и исправнымъ юристомъ, не задаваясь, подобно мнѣ, какими-либо мечтаніями заниматься спеціально науками, или посвятить себя той или иной отрасли знанія; въ то время какъ я уже въ гимназіи въ шутку иногда именовался профессоромъ и

часто питалъ дерзкія мысли впереди сдѣлаться таковымъ, Н. И. Родзевичъ усердно занимался профессорскими курсами и изучая преимущественно Судебные Уставы и X томъ, онъ отличался большой основательностію и знаніемъ статей закона по всѣмъ важнымъ поводамъ и случаямъ. Экзамены его сходили въ срокъ благополучно, и онъ кончилъ отлично кандидатомъ, съ надлежащей подготовкой для своей будущей практической дѣятельности въ качествѣ присяжнаго повѣреннаго (нынѣ онъ состоитъ, какъ извѣстно, по выборамъ городскимъ головой Рязани). Изъ другихъ товарищей назову Меркулова, Шубина, Рожественскаго, Поспѣлова и Алексѣевыхъ, которые въ большей или меньшей степени вращались въ нашемъ кружкѣ, или поддерживали пріятельскія отношенія.

Михаилъ Моисеевичъ *Меркуловъ*, сынъ крестьянина, былъ вообще очень хорошимъ ученикомъ въ гимназіи и остался такимъ же студентомъ, но почему-то къ концу университетскаго курса отдалился отъ нашего кружка. Сначала онъ сдѣлалъ на службѣ быстро большую карьеру, за участіе свое въ политическихъ слѣдствіяхъ и процессахъ (подъ руководствомъ извѣстнаго Жихарева), очень быстро получилъ постъ саратовскаго прокурора, а затѣмъ почему-то покинулъ судебную службу и превратился въ администратора, сначала правителя дѣлъ канцеляріи кіевскаго генералъ-губернатора, а затѣмъ занялъ мѣсто, кажется, волынскаго губернатора и скоро скончался еще въ полной силѣ лѣтъ...

Н. И. *Шубинъ* и Г. Г. *Рожественскій* (послѣдній кончилъ курсъ на математическомъ фак.) посвятили себя также практической службѣ и оба, кажется, принадлежали къ прокуратурѣ... Алексѣй Ив. *Поспѣловъ*, сынъ нашего гимназическаго и пансіонскаго врача, изучилъ основательно въ Москвѣ и за границей одинъ изъ отдѣловъ медицины и сдѣлался въ Москвѣ извѣстнѣйшимъ врачемъ—практикомъ по накожнымъ болѣзнямъ и профессоромъ этой спеціальности... Изъ другихъ рязанцевъ, болѣе или менѣе соприкасавшихся съ нами, назову лишь двухъ *Алексѣевыхъ*: Семена Михайловича и Николая Петровича; первый Алексѣевъ былъ извѣстнымъ въ Москвѣ адвокатомъ-присяжнымъ повѣреннымъ,—второй поступилъ на службу въ Министерство Государственныхъ Имуществъ и рано какъ-то потерялъ связь съ прочими товарищами... Изъ другихъ лицъ по Рязанской гимназіи, отчасти державшихся въ нашемъ кружкѣ, слѣдуетъ упомянуть также двухъ *Соколовыхъ*, *Кочергина и Трескинскаго*... Въ нашу же компанію случайно попалъ одинъ псковитянинъ, всѣми любимый за свое добродушіе, Александръ Петровичъ *Квашнинъ-Самаринъ*, юристъ (нынѣ членъ окружнаго суда въ Ригѣ), *Кедровъ*, изъ бывшихъ семинаристовъ, *Богдановъ*, *Сакульскій*, *Джаксонъ* (совершенно обру-

сѣвшій англичанинъ), одинъ вятичъ, Василій Ѳедоровичъ *Клячинъ*, особенно сблизившійся на послѣднихъ курсахъ съ Н. И. Родзевичемъ и мной, и мн. др. Къ числу моихъ товарищей по университету однокурсниковъ принадлежали также Н. П. *Боголѣповъ*, несчастный министръ народнаго просвѣщенія, и старше меня нѣсколькими курсами Вячеславъ Константиновичъ *Плеве* и Алек. Ив. *Чупровъ*... Въ университетѣ я съ ними однако не былъ знакомъ и сблизился, по крайней мѣрѣ съ первыми двумя, гораздо позднѣе, почему и буду говорить о нихъ много дальше.

Всѣ выше переименованные мои товарищи жили между собой болѣе или менѣе согласно и почти никогда не ссорились серьезно. Кромѣ помянутаго раньше рязанскаго землячества, мы не имѣли болѣе какихъ-либо обществъ, или благотворительныхъ учрежденій, но охотно съ полной готовностію помогали другъ другу, такъ что критическое положеніе, въ которомъ я находился зеленымъ новичкомъ на первомъ курсѣ лѣтомъ 1865 г., уже сдѣлалось далѣе рѣдко возможнымъ, ибо почти всегда въ минуту жизни трудную представлялась вѣроятность перехватить что-либо у товарищей, если даже и истощились собственные денежные ресурсы. По мысли М. М. Меркулова, помнится, мы пытались образовать у себя „потребительное товарищество“, но, вѣроятно, вслѣдствіе неудачнаго выбора предметовъ потребленія изъ этой затѣи не вышло ничего путнаго и ее скоро бросили: наша потребительская лавочка въ лицѣ завѣдующаго ею Меркулова, для перваго начала, выбрала три ходкихъ между студентовъ товара—водка, колбаса и табакъ, на пріобрѣтеніи которыхъ по мелочамъ приходилось особенно сильно переплачивать... Въ результатѣ, однако, у насъ начался такой быстрый оборотъ торговли, и развилось скоропалительное пьянство, что мы испугались послѣдствій, а Меркуловъ отказался хозяйничать, и дѣла быстро ликвидировали...

Очень въ ходу въ нашемъ студенческомъ кружкѣ между прочимъ былъ довольно странный способъ помощи ссуженіемъ подходящими закладами. Такъ я помню, напр. на урокѣ у одного зажиточнаго священника въ Замоскворѣчьѣ, я однажды получилъ въ подарокъ за успѣшные уроки и усердіе старинный золотой въ 10 рублей, который я очень берегъ за его рѣдкость... Золотой этотъ скоро сдѣлался, какъ говорится въ нашихъ сказкахъ, „неразмѣннымъ“ на очень продолжительное время. Я его отпускалъ часто кому-либо изъ нуждавшихся товарищей, или пользовался самъ, отправляя его для временнаго обладанія Чистякову подъ вѣрную ссуду въ нѣсколько рублей. Другой случай заклада на моей памяти, болѣе непріятный, произошелъ относительно моего весьма цѣннаго имущества, случайно

пріобрѣтеннаго уже на 4-мъ курсѣ. Я имѣлъ рѣдкое счастье, взявши за полтинникъ билетъ въ лотерею какихъ-то дѣтскихъ пріютовъ, выиграть на него *одинъ* билетъ *внутренняго займа* (стоимостью тогда уже болѣе 200 руб.). Этотъ билетъ немедленно почти поступилъ въ выше описанный кредитный оборотъ, т. е. добрые товарищи и я самъ начали при нуждѣ занимать подъ его залогъ деньги, на этотъ разъ даже у банкировъ, минуя посредничество Чистякова... Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока одинъ мой пріятель, для котораго билетъ однажды былъ заложенъ, оказался несостоятельнымъ сразу внести сто съ чѣмъ-то рублей и сталъ расплачиваться со мною по мелочамъ, ну, а я, разумѣется, не могъ по частямъ его выкупать, и мой счастливый выигрышъ пропалъ въ залогѣ.

Еще важнѣе была впрочемъ помощь отъ любезныхъ товарищей дѣломъ, чѣмъ деньгами; за немногими исключеніями, всѣ почти уроки, корректуры, переводы, которые я получалъ въ теченіе моей продолжительной борьбы съ бѣдностію, большею частію получались мной именно отъ товарищей или черезъ товарищей и только въ видѣ исключенія отъ лицъ постороннихъ.

Наконецъ товарищи были для меня, сверхъ сказаннаго, главными поставщиками новыхъ книгъ и новыхъ журналовъ въ дни моего студенчества. Правда, это не исключало необходимости личныхъ заботъ и тратъ по этому поводу. Я между прочимъ отличался всегда большой жадностію къ чтенію и потому большею частію всегда былъ подписчикомъ какихъ-нибудь летучихъ библіотекъ и даже не одной (всегда Ушаковыхъ), а цѣлыхъ двухъ. Для залога въ обезпеченіе чтенія у меня служили обыкновенно мои подарочныя книги изъ гимназіи, выданныя мнѣ на актахъ заведенія за успѣхи и благонравіе, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣли большую цѣну. Въ особенномъ ходу для этой надобности было два весьма толстыхъ фоліанта въ прекрасныхъ переплетахъ—какое-то сочиненіе въ двухъ томахъ проф. *Буслаева*; это многоцѣнное сочиненіе вездѣ охотно принимали въ обезпеченіе, пока, наконецъ, къ моему великому сокрушенію, оно въ библіотекѣ Алалыкина пропало, и я такимъ образомъ теперь лишился сочиненія цѣннаго вдвойнѣ (хотя я даже его названіе забылъ—„Очерки"), по воспоминанію и какъ важнаго оборотнаго средства для полученія книгъ изъ частныхъ библіотекъ... Товарищи, впрочемъ, хотя и не всѣ, изрѣдка покупали особенно ходкія и модныя книги, или даже въ складчину выписывали журналы, или лично или ихъ родственники, а потому очень часто можно было пополнить заимствованіями у нихъ дефекты, недостающіе для чтенія изъ частныхъ библіотекъ, Казенныя же библіотеки, спеціально уни-

верситетская, всегда страдали худосочіемъ и отсутствіемъ нужныхъ руководствъ и общихъ сочиненій...

Само собою разумѣется, что помимо своего рязанскаго кружка, котораго я преимущественно держался все время своего студенчества, мнѣ приходилось попадать и въ другіе кружки студентовъ, но большею частію лишь мимолетно, и долго я въ нихъ не оставался, не завязывая прочныхъ связей и симпатій. Такъ на первомъ еще курсѣ и на одной изъ первыхъ лекцій, мною посѣщенныхъ, извѣстнаго историка нашего Сергѣя Михайловича *Соловьева*, я познакомился съ маленькимъ студентомъ, мнѣ любезно уступившимъ мѣсто для сидѣнія, въ которомъ я нуждался. Это оказалось впослѣдствіи былъ нѣкто *П. Г. Успенскій*, получившій скоро широкую извѣстность, что по тогдашнимъ временамъ было еще рѣдкостію, какъ революціонный дѣятель (по извѣстному процессу Нечаева)... Наше знакомство, которое началось съ этой лекціи, поддерживалось нѣсколько лѣтъ, но въ сближеніе, къ счастію моему, не перешло... Г. Успенскій былъ любезенъ и милъ со мной всегда: такъ года черезъ два послѣ первой встрѣчи, я его случайно встрѣтилъ, къ моему удивленію, въ качествѣ приказчика въ книжной торговлѣ и библіотекѣ Черкесова, открывшейся въ Москвѣ на Лубянкѣ и очень бойкой по своему обороту и множеству книжныхъ новостей... Успенскій немедленно меня узналъ (обратно со мной), и тотчасъ предложилъ, какъ добрый товарищъ, брать книги изъ ихъ библіотеки *безъ всякаго залога* и на самыхъ льготныхъ условіяхъ... (а я въ это время уже лишился Буслаева и нуждался въ залогѣ, безъ котораго ни одна библіотека книгъ не довѣряла). Тутъ же онъ меня познакомилъ съ лицами, не помню точно, или служившими также у Черкесова, или имѣвшими только личное отношеніе къ Успенскому, именно: *Волховскимъ*, *Прыжовымъ* (котораго кстати я ни разу, кажется, вполнѣ трезвымъ не видѣлъ) и другими также попавшими черезъ нѣсколько лѣтъ въ крупный политическій процессъ, въ дѣло т. н. Нечаева, о тайной организаціи и убійствѣ студента Иванова въ Петровско-Разумовской академіи... Я началъ было изрѣдка по ихъ приглашенію посѣщать ихъ въ свободные вечера, но насколько мнѣ нравился лично самъ Успенскій, на столько же претили его товарищи, напримѣръ, вѣчно пьяный Прыжовъ и особенно Волховской—большой фатъ, который, усѣвшись на стулъ верхомъ среди комнаты, въ присутствіи молоденькихъ дѣвицъ, излагалъ съ паѳосомъ о фаланстерахъ французскихъ соціалистовъ, съ видомъ знатока сопровождая ихъ критикой, похвалами или замѣчаніями самаго общаго свойства; мнѣ, какъ лицу уже довольно начитанному въ подобной литературѣ и знавшему относительно порядочно французскій

языкъ, всѣ его объясненія и выходки отдавали ложью и скоро дѣлались противными... Въ концѣ концовъ, несмотря на всѣ зазыванія и приглашенія Успенскаго, я черезъ нѣкоторое время совсѣмъ перестaлъ къ нему ходить и даже кончилъ абонементъ у Черкесова, какъ разъ во время, вскорѣ оказалось, незадолго передъ арестомъ служащихъ книжной торговли Черкесова и закрытіемъ самой библіотеки...

Другое знакомство и весьма пріятнаго для меня свойства, съ лицами изъ студентовъ-нерязанцевъ совершилось совсѣмъ при другой обстановкѣ. Также новичкомъ на первомъ курсѣ, я получилъ приглашеніе отъ своего старшаго товарища, такъ же рязанца, студента 4-го курса юрид. факультета Константина Дмитріевича Анциферова—приглашеніе принять участіе въ юридической комедіи, которую затѣвало устроить недавно передъ тѣмъ учрежденное юридическое общество. Какъ извѣстно, въ 1864 году прошли наши Судебные уставы, и введенъ впервые судъ присяжныхъ.,. Московское юридическое общество, открывая свою дѣятельность, задумало познакомить публику, а кстати ближе познакомиться и самимъ со всей процедурой судоговоренія и новаго судебнаго порядка. Для этой цѣли оно назначило нѣсколько засѣданій и нѣсколько уголовныхъ дѣлъ, и вотъ въ первомъ изъ нихъ именно мнѣ и пришлось участвовать. Юридическое общество вытребовало или выпросило себѣ изъ архива стараго Сената, находившагося въ Москвѣ, нѣсколько уже совсѣмъ законченныхъ дѣлъ и одно изъ нихъ назначило для перваго раза. На сколько помню, это было дѣло объ ограбленіи какого-то злосчастнаго совѣтника въ городѣ Симферополѣ, въ собственномъ домѣ, при чемъ онъ былъ найденъ утромъ, связаннымъ по рукамъ и ногамъ на собственной его кровати и собственными веревками, взятыми на дворѣ изъ его собственной же старой палатки; въ то же самое время все цѣнное имущество изъ квартиры было унесено ворами, въ числѣ которыхъ между прочимъ сильно подозрѣвались въ соучастіи преступленію собственная же прислуга, или точнѣе служанка этого титулярнаго совѣтника, нѣкая Юлія Жадовская, одинъ изъ любовниковъ которой попался здѣсь съ поличнымъ...

Дѣло это велось цѣлый длинный вечеръ подъ предсѣдательствомъ почтеннаго предсѣдателя общества Василія Николаевича Лешкова. Позднѣе, на другихъ засѣданіяхъ, какъ я слышалъ, предсѣдателемъ бывалъ также и проф. С. И. Баршевъ. Другими главными дѣйствующими лицами въ этой оригинальной юридической комедіи были также разные господа изъ служащихъ юристовъ, но весь остальной персоналъ комедіи велся исключительно студентами, т. е.

подсудимые, присяжные, свидѣтели, а равно и публика, однимъ словомъ, всѣ, кромѣ защиты и обвиненія. Мнѣ назначена была роль довольно легкая: *свидѣтеля*-дворника Ѳомы *Кирюшкина.* Уважаемый и извѣстный нынѣ всей Россіи, какъ почтенный судебный дѣятель и ученый—Анатолій Ѳедоровичъ *Кони,* тогда московскій студентъ 4-го курса, выбралъ себѣ въ этой комедіи, почему и какъ—не знаю, весьма неблагодарную роль, именно обвиняемой служанки Жадовской... Ему и пришлось все время говорить въ женскомъ родѣ, почему онъ безпрестанно ошибался, и путалъ съ мужскимъ „я видѣлъ", „я видѣла", „я говорилъ", „я говорила" и т. п. Кромѣ того бѣдному Анатолію Ѳедоровичу приходилось также отвѣчать на множество крайне неудобныхъ для мужчины разспросовъ, по поводу, напр., своего бѣлья, отношеній къ одному изъ господъ подсудимыхъ, что̀ прерывалось постояннымъ громкимъ хохотомъ публики, несмотря на усердный звонокъ предсѣдателя... Кто глядя на этого маленькаго студентика, серьезно игравшаго забавную роль Жадовской, могъ бы предсказать тогда, что онъ превратится со временемъ въ такого *крупнаго* общественнаго дѣятеля, талантливаго оратора и популярнѣйшаго публициста?!

Что очень характерно для нашего будущаго тогда суда присяжныхъ, что это фиктивное дѣло кончилось, несмотря на очевидныя улики и обвиненія, поголовнымъ оправданіемъ всѣхъ подсудимыхъ. Мнѣ лично пришлось въ немъ играть, какъ было уже упомянуто, небольшую, весьма наивную роль, отвѣчая почти на всѣ вопросы классическимъ „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю"... Студентъ А. Ѳ. Кони, съ которымъ я познакомился наканунѣ этого судилища у К. Д. Анциферова, произвелъ на меня уже тогда глубоко-симпатичное впечатлѣніе своимъ умомъ, знаніями, живой рѣчью и наблюдательностію; онъ первый, напр., въ моей жизни познакомилъ меня съ содержаніемъ лекцій извѣстнаго историка Н. И. Костомарова, весьма почитаемаго тогда молодежью, въ Петербургѣ, въ Городской Думѣ и слышанныхъ имъ тамъ, послѣ временнаго закрытія университета. Кони былъ въ Петербургѣ собственно на математическомъ факультетѣ и потомъ въ Москвѣ уже, къ счастію, несомнѣнно, для Россіи, перешелъ на юридическій...

Рядомъ съ товариществомъ важную роль въ жизни студентовъ играютъ (въ учебно-научномъ отношеніи, конечно, еще выше) наставники, профессора, но такъ какъ я по просьбѣ редакціи обѣщалъ по возможности учебной части не касаться, то я ограничусь относительно своихъ преподавателей однимъ лишь переименованіемъ ихъ и краткими характеристиками лицъ, изъ нихъ особенно выдававшихся въ какую-либо сторону. Буду ихъ называть по времени

ознакомленія съ ними, начиная съ перваго курса. Конечно, изъ профессоровъ на первомъ курсѣ первое мѣсто занимаетъ всеобщій профессоръ для всѣхъ четырехъ факультетовъ — *Богословія* — въ мое время почтенный протоіерей *Сергіевскій*, несомнѣнно человѣкъ весьма образованный и корректный, ровный, спокойный, съ хорошимъ даромъ слова, но который, къ сожалѣнію, не могъ справиться съ своей трудной задачей — знакомить многочисленную молодежь, вовсе не проникнутую, какъ это встрѣчается за границей, хотя бы въ Англіи, религіознымъ чувствомъ и вовсе не желавшую учиться. Мнѣ неизвѣстно, какъ Богословіе преподается въ другихъ нашихъ университетахъ, но въ Московскомъ — въ мое время оно преподавалось исключительно почти въ полемической формѣ. Въ виду безбожія, развитаго тогда особенно сильно въ русскомъ обществѣ и пропагандируемаго въ печати, московскій профессоръ взялъ на себя непосильную Сизифову работу воевать и опровергать не только противниковъ православія, но всякихъ безбожниковъ, гдѣ бы они ни оказались, — въ философіи, естественныхъ наукахъ, наконецъ, въ русской журналистикѣ. Сегодня онъ воевалъ, напримѣръ, съ Шопенгауеромъ или Фихте, завтра съ Дарвиномъ или Геккелемъ, послѣ завтра съ Бюхнеромъ и Фейербахомъ и затѣмъ съ выходками „Современника" или „Русскаго Слова" и т. д. и пр. Отсюда получался понятный результатъ: почтенный нашъ богословъ не въ состояніи былъ справиться съ столькими противниками и лжеучителями, и въ концѣ концовъ „ослабъ и изнемогъ"... т. е. все оставалось незаконченнымъ, а собственно въ области Богословія, пройдя университетъ, мы не получали никакого понятія и только задавались тщетно вопросомъ — зачѣмъ у насъ убито было столько времени безъ всякой существенной пользы для нашихъ знаній??..

Собственно изъ юристовъ-профессоровъ на первомъ курсѣ (нѣсколько филологовъ, которые преподавали, каждогодно мѣняя отдѣльные курсы, какъ Соловьевъ, Тихонравовъ и пр. — въ счетъ нейдутъ), важнѣйшее мѣсто по числу часовъ занятій и, пожалуй, своему вліянію занималъ добрѣйшій и милѣйшій старецъ Иванъ Дмитріевичъ Бѣляевъ, преподававшій Исторію Русскаго Права... Обладая крайне невзрачной наружностію и какъ бы изломаннымъ тѣломъ, онъ не ходилъ, а ковылялъ изъ стороны въ сторону, размахивая руками („побывалъ подъ двумя жерновами", острили студенты). Иванъ Дмитріевичъ обладалъ такой теплой душой и искренной любовью къ своей наукѣ, что невольно, несмотря ни на что, привлекалъ симпатіи почти всѣхъ слушателей и сообщалъ имъ даже интересъ и расположеніе къ самой Исторіи Рус-

скаго Законодательства, преимущественно въ ранній періодъ нашей исторіи.

Главный трудъ Бѣляева, „Крестьяне на Руси“, клалъ сильный отпечатокъ на его курсъ, гдѣ крестьяне, по крайней мѣрѣ, въ его изложеніи, играли всегда большую роль, имъ давалось много мѣста... Иванъ Дмитріевичъ былъ всегда дома для студентовъ и готовъ имъ помогать, чѣмъ можетъ. Позднѣе мнѣ придется говорить, какъ усердно эта добрая душа искала для меня лично заработка въ одинъ изъ позднѣйшихъ, временныхъ періодовъ безработицы, какъ онъ ввелъ меня въ Литературный кружокъ Юрьевской „Бесѣды“... Замѣчая, вѣроятно, у меня, во время разговоровъ съ нимъ, нѣкоторые проблески любви къ старинѣ, И. Д. Бѣляевъ, уговорилъ меня начать слушать курсъ профессора Анатолія Петровича Богданова, который предполагалъ читать въ университетѣ о своихъ курганныхъ раскопкахъ и результатахъ изученія найденныхъ череповъ. Я пріобрѣлъ немедленно черепъ и одно время усердно занялся краніологіей, чтобы лучше разбирать и понимать со словъ изслѣдователей „долихоцефальные“, „брахицефальные“ и другіе черепа разныхъ этнографическихъ особей. Самъ лично наконецъ я раскопалъ ближайшее лѣто, проживая на урокѣ въ Зарайскомъ уѣздѣ, одинъ курганъ, строго по наставленіямъ въ книжкѣ Богданова, изданной для этой цѣли (кажется, пер. *Брока*), въ деревнѣ Перевитской Зарайскаго у. Рязанской губ. (древнемъ городищѣ Перевитебскѣ по словамъ Ивана Дмитріевича) и все это, т. е. кости, доставилъ Бѣляеву, къ его величайшему удовольствію. Добрѣйшій старикъ всѣми мѣрами старался также сдѣлать меня археологомъ, но тщетно и, совѣтуя наиболѣе всего заняться исторіей старыхъ русскихъ финансовъ, подарилъ мнѣ нѣсколько своихъ тетрадей съ матеріаломъ по этому предмету и обѣщалъ впослѣдствіи передать и другія. Къ сожалѣнію, скоро наступившая смерть помѣшала ему выполнить благое намѣреніе: подаренныя тетради были вытребованы у меня обратно его братомъ и наслѣдникомъ, а затѣмъ разнородныя причины отвлекли меня на всю жизнь отъ выполненія его прекраснаго совѣта заняться исторіей русскихъ финансовъ...

Самой крупной величиной на первомъ курсѣ Юридическаго факультета въ Москвѣ 1860-хъ годовъ являлся, по распространенному мнѣнію, знаменитый Никита Ивановичъ *Крыловъ*, „солнце“,—какъ его назвали въ рѣчахъ на его похоронахъ,—Юридическаго факультета, но таковое, впрочемъ, далеко не безъ пятенъ во всѣхъ отношеніяхъ... Несомнѣнно, Н. И. Крыловъ, много лѣтъ занимавшій каѳедру римскаго права въ Москвѣ, былъ человѣкъ талантливый, весьма хорошо

усвоилъ суть и духъ римскаго права и умѣлъ его хорошо передавать, ловкимъ, образнымъ языкомъ, уснащая множествомъ наглядныхъ примѣровъ, сопоставленій, смотря по характеру передаваемыхъ институтовъ. Его лекціи посѣщались охотно, какъ спектакль какой-нибудь хорошей комической труппы, съ цѣлью прежде всего посмѣяться, а мимоходомъ, глядишь, что-нибудь въ головѣ и останется...

Въ своемъ стремленіи смѣшить Н. И. очень часто, впрочемъ, переходилъ предѣлы дозволительнаго, не стѣсняясь скабрезными подчасъ примѣрами и произвольно неприличными сравненіями. Науку свою онъ давно уже оставилъ втунѣ, вѣроятно, еще задолго до знаменитыхъ статей Бай-Бороды въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, временъ Каткова-Леонтьева, доказавшимъ всю его отсталость и малознаніе... Когда старые ученики соберутся, вспоминая и говоря о Никитѣ, то непремѣнно на языкѣ ихъ прежде всего вертятся и припоминаются какіе-либо смѣшные анекдоты, а вовсе не пробужденіе любви и любознательности, какъ бы слѣдовало, подъ вліяніемъ его чтеній, къ этой болѣе точной и обработанной наукѣ на всемъ юридическомъ факультетѣ. Въ этомъ послѣднемъ, можетъ быть, заключаются главнымъ образомъ, какъ значеніе и цѣнность, такъ и причины большой популярности этого даровитаго, несомнѣнно, старца для Московскаго университета. Нельзя также не сказать правду, что Н. И. былъ съ давнихъ поръ морально грязноватъ, и эта сторона вовсе не составляла секрета для его слушателей моего времени. Не говоря о старыхъ, распространенныхъ разсказахъ о его будто-бы нѣкогда взяточничествѣ, подъ видомъ „нахлѣбниковъ“ и прочее въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, достаточно напомнить, а многіе еще изъ наличныхъ его учениковъ могутъ засвидѣтельствовать, его непозволительную нетерпимость и невѣжливость къ „жидамъ“ и „армяшкамъ“, какъ онъ безъ церемоніи въ глаза, одинъ разъ въ моемъ присутствіи обзывалъ представителей этихъ расъ...

Если не ограничиваться перечисленіемъ профессоровъ на первомъ курсѣ только, а называть всѣхъ болѣе извѣстныхъ, то нельзя, разумѣется, прежде всего не упомянуть о такомъ блестящемъ представителѣ науки, какъ былъ Борисъ Николаевичъ Чичеринъ, извѣстный столько же, какъ спеціалистъ по государственному праву, сколько и русскій историкъ. Ограничусь, согласно взятой мною программѣ, лишь немногими словами объ этомъ замѣчательномъ нашемъ ученомъ. Онъ читалъ, начиная со второго курса, государственное право и политическія ученія, и то и другое серьезно и увлекательно. Всегда щегольски одѣтый, въ лаковыхъ сапожкахъ, онъ поражалъ всегда насъ студентовъ, между прочимъ, своимъ

джентльменствомъ, что особенно рѣзало глаза рядомъ съ такими великими неряхами, какъ И. Д. Бѣляевъ и Н. И. Крыловъ. Лекціи его какъ-бы соотвѣтствовали его внѣшности, были красиво отдѣланы и изобиловали множествомъ фактовъ и требовали значительнаго вниманія и вдумчивости, чтобы постигнуть духъ и цѣль излагаемаго имъ. Въ то либеральное время мы, юноши, были настроены на самый либеральный камертонъ. До нашего свѣдѣнія уже дошло извѣстіе, какъ Чичеринъ ѣздилъ въ Лондонъ къ Герцену и какъ онъ разошелся съ нимъ во взглядахъ, а такъ какъ А. И. Герценъ въ то время былъ еще полубогъ, то мы натурально относились къ Борису Николаевичу съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ, или по крайней мѣрѣ недовѣріемъ... Но вотъ онъ излагаетъ свой обширный и серьезный курсъ. Насколько мы при этомъ понимаемъ, онъ ничего не искажаетъ и не подводитъ непремѣнно подъ желательный ранжиръ, а въ каждомъ мнѣніи взвѣшиваетъ нелицепріятно доводы обѣихъ спорящихъ сторонъ, приводя ихъ часто къ извѣстному компромиссу и при томъ иногда вовсе не консервативнаго свойства. Такъ какъ Чичеринъ начиналъ читать с второго курса, а конституціонное право—Дмитріевъ—лишь на четвертомъ, то собственно мы довольно рано въ университетѣ знакомились тогда отъ Чичерина со всѣми выгодными сторонами и важностію для государства *представительныхъ учрежденій*; Чичеринъ своими серьезными и спокойными лекціями, idem per idem, повторяя множество разъ, сдѣлалъ гораздо больше для пропаганды и популярности между тогдашнихъ студентовъ—конституціонализма,—чѣмъ всѣ остальные—въ университетѣ, не говоря уже о придавленной печати того времени, которая старательно, по неволѣ, подобныхъ вопросовъ избѣгала...

Впослѣдствіи, много лѣтъ спустя, когда Б. Н., сдѣлавшійся, какъ извѣстно, московскимъ городскимъ головой, былъ внезапно и такъ несправедливо удаленъ отъ этой должности, которую съ честью занималъ, за невинные намеки на конституцію въ своей извѣстной рѣчи передъ пріѣзжими братьями славянами, мы, бывшіе ученики Чичерина, крайне соболѣзновали объ этомъ и тщетно надѣялись, что будутъ какіе-либо рѣзкіе протесты противъ этого отъ славянъ; но увы! тутъ мы ничего не дождались!.. и способный и дѣятельный Б. Н. вмѣсто московскаго благоустройства занялся въ деревнѣ химіей!..

Изъ другихъ извѣстныхъ профессоровъ-юристовъ моего времени назову еще В. Н. Лешкова, С. И. Баршева, В. А. Легонина, М. Н. Капустина, Ф. Б. Мильгаузена и И. К. Бабста. Первый изъ перечисленныхъ — В. Н. Лешковъ — извѣстнѣйшій по своему чрезвычайному добродушію и привязанности къ наукѣ, полицейскому праву,

которое онъ до гроба не хотѣлъ называть такимъ противнымъ именемъ, обратно съ огромнымъ числомъ представителей этой науки въ Европѣ и Америкѣ, а именовалъ всегда „общественнымъ правомъ“ и старался подвести подъ нее всю ту разнообразную дѣятельность (что̀, разумѣется, въ сущности представляло невозможную невыполнимую задачу), которая совершается въ странѣ не государственной властію и не исключительно частной иниціативой. Онъ былъ всю свою жизнь, вмѣстѣ съ Сергѣемъ Андреевичемъ Юрьевымъ, поклонникомъ „общественнаго духа“ и „хорового начала“ у русскаго народа и большой также защитникъ земельной общины, безъ которой видимо не могъ себѣ представить русскаго мужика. Можно не соглашаться со многими его взглядами, но отнюдь нельзя отказать ему въ послѣдовательности, въ стремленіи къ оригинальности и добрыхъ намѣреніяхъ, которыя оказывали вліяніе на его воззрѣнія и приводили иногда, можетъ быть, къ страннымъ заключеніямъ. Во всякомъ случаѣ я не могу соглашаться съ рѣзкимъ мнѣніемъ, которое громогласно и почти публично объ этомъ почтеннѣйшемъ старикѣ высказывалъ когда-то на раутѣ у Я. П. Полонскаго въ моемъ присутствіи Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ, о чемъ я буду сообщать въ настоящихъ своихъ запискахъ позднѣе...

Другой старецъ на нашемъ факультетѣ, современникъ Никиты Крылова и его сотоварищъ по происхожденію, Сергѣй Ивановичъ *Баршевъ*, довольно извѣстенъ во всей Россіи своею дѣятельностью, чтобы о немъ много распространяться; скажу только, что онъ никогда не принадлежалъ и не относился къ числу порядочныхъ профессоровъ Московскаго университета по своей узкости и ограниченности. Лекціи его въ мое время представляли собой довольно скудный и краткій курсъ изложенія немногихъ теоретическихъ началъ уголовнаго права, а главное уголовныхъ уложеній, и все это было обильно уснащено ради развлеченія анекдотами съ той разницей отъ пріемовъ и пристрастія къ анекдотамъ Никиты Крылова, что у того приводимыя имъ подчасъ остроумныя сопоставленія и исторійки были дѣйствительно смѣшны сами по себѣ, per se, тогда какъ анекдоты и остроты Баршева были лишь смѣшны по отношенію къ разсказчику, который былъ такъ наивенъ, что не замѣчалъ, что слушатели смѣются собственно надъ нимъ, а не отъ его разсказа, какъ напримѣръ, въ извѣстномъ и любимомъ его анекдотѣ о „тайномъ совѣтникѣ“, захваченномъ полиціей подъ воротами дома, когда онъ лѣзъ на любовное свиданіе (а когда подъ той же подворотней захваченъ „неизвѣстный подозрительный субъектъ“ какого-либо низкаго званія, то можно заключить, что онъ лѣзъ для воровства!?!).

Несмотря на добросовѣстное отношеніе къ его лекціямъ и интересъ къ самому предмету уголовнаго права, у меня съ окончаніемъ курса ровно ничего не осталось въ головѣ, кромѣ нѣсколькихъ подобныхъ анекдотовъ. Какъ смотрѣли на Баршева его товарищи-профессора, изъ которыхъ двое наилучшихъ были вынуждены удалиться изъ университета благодаря этому самому Баршеву во времена его ректорства, можно судить по остротѣ чрезвычайно популярной въ Москвѣ профессора Дмитріева, когда Баршевъ былъ назначенъ почетнымъ опекуномъ Воспитательнаго Дома: „наконецъ-то университетъ подкинулъ Баршева въ Воспитательный Домъ!!“ Московскому университету Баршевъ оставилъ на память одно: упадокъ юридическаго факультета и портретъ Филарета, вывѣшенный въ Актовомъ залѣ по его иниціативѣ при шиканьѣ студентовъ.

Михаилъ Николаевичъ Капустинъ, нашъ профессоръ энциклопедіи права и международнаго права, былъ впослѣдствіи директоромъ Ярославскаго лицея и попечителемъ сначала Юрьевскаго, а потомъ Петербургскаго учебнаго округа. Добрѣйшій Василій Николаевичъ Лешковъ, о которомъ мы говорили, неспособный, повидимому, убить мухи, при мнѣ, однако, два раза острилъ надъ тѣмъ, что фамилія М. Н. Капустина, нѣтъ сомнѣнія, происходитъ отъ двухъ русскихъ словъ „какъ пусто“, и дѣйствительно нельзя по совѣсти не согласиться съ этимъ предположеніемъ. Изъ двухъ предметовъ юридическаго факультета, читанныхъ Капустинымъ, я рѣшительно не сохранилъ ничего въ головѣ ни въ то время, когда учился, ни впослѣдствіи, не усваивая также ничего изъ преподаваемаго имъ въ своихъ книжкахъ. Я нѣсколько разъ впадалъ въ отчаяніе, приписывая это обстоятельство собственному недомыслію, скажемъ — тупости, но изъ разспросовъ всѣхъ моихъ товарищей, которыхъ я успѣлъ спросить, получалось въ отвѣтъ то же самое. Никто почти ничего изъ курса Капустина не могъ усвоить, и долженъ былъ, какъ и я, взять на память. И дѣйствительно, я помню, одолѣлъ настолько его курсъ энциклопедіи права, что цѣлыя страницы могъ говорить не останавливаясь, въ то же время, ничего не понимая. Собственно говоря, Михаилъ Николаевичъ, если оставить въ сторонѣ его ученую дѣятельность, былъ человѣкомъ весьма доброжелательнымъ, готовымъ, насколько отъ него зависитъ, быть полезнымъ всѣмъ и каждому. Онъ стоялъ въ Москвѣ весьма долго во главѣ разныхъ благотворительныхъ начинаній и учрежденій въ пользу студенчества, какъ-то: „частныхъ общежитій, кассъ, временныхъ пособій“ и т. д. Каждый студентъ могъ смѣло къ нему явиться въ положенное время, съ надеждой, что онъ выслушаетъ или даже сдѣлаетъ что-нибудь.

Впрочемъ, я долженъ сказать, что я нѣсколько разъ лично обращался къ нему съ просьбами, онъ всегда принималъ очень любезно и давалъ мнѣ рекомендацію уроковъ, но почему-то ни разу ни изъ одной рекомендаціи не вышло толку.

Намъ остается охарактеризовать изъ болѣе видныхъ преподавателей, которыхъ пришлось слушать въ Московскомъ университетѣ, двухъ лицъ, до нѣкоторой степени соспеціалистовъ: профессора финансоваго права Мильгаузена, моего бывшаго патрона, Ивана Кондратьевича Бабста, профессора политической экономіи и статистики и В. А. Легонина, профессора судебной медицины.

Ѳедоръ Богдановичъ Мильгаузенъ представлялъ собой весьма почтенный типъ профессора добраго, стараго времени. Человѣкъ безспорно очень умный, съ огромнымъ энциклопедическимъ образованіемъ, онъ могъ, кажется, читать по желанію любой предметъ юридическаго факультета и читалъ ихъ по временамъ въ своей жизни нѣсколько разъ, и въ то же время получилось какъ-то весьма мало видимыхъ результатовъ отъ всей его обширной энциклопедичности и учености. За исключеніемъ одной лишь актовой рѣчи о подоходныхъ налогахъ (но въ которой, я долженъ теперь сознаться, я ему нѣсколько помогалъ), онъ рѣшительно не написалъ ни одной печатной строки въ жизни. Его страшила даже самая мысль что-нибудь печатать. Когда-то, въ его молодости, кажется въ 40-хъ годахъ, профессоровъ преслѣдовали въ Россіи, если они много писали, и съ тѣхъ поръ почтенный Ѳедоръ Богдановичъ какъ бы выставилъ своимъ правиломъ: „учись, но не показывай, по возможности, своей учености, ничего не печатай!“—что̀ онъ и сдѣлалъ; между тѣмъ въ дѣйствительности Ѳедоръ Богдановичъ происходилъ изъ очень почтенной и образованной нѣмецкой семьи въ Москвѣ (отецъ его былъ извѣстный врачъ), родная сестра его, Елисавета Богдановна сдѣлалась супругой знаменитаго Грановскаго, въ домѣ котораго отчасти и проводилъ свою юность Ѳедоръ Богдановичъ; все вмѣстѣ, однимъ словомъ, предзнаменовало для него блестящую ученую будущность. Посланный за границу на нѣсколько лѣтъ, онъ объѣхалъ лучшіе германскіе университеты, учился довольно долго въ Англіи, но вернулся въ Москву и занялъ каѳедру, при чемъ никто и не подумалъ, какъ отъ насъ грѣшныхъ въ мое время потребовать диссертаціи, вообще видимыхъ знаковъ его работоспособности для замѣщенія должности профессора.

Собственно въ области своей науки финансовъ Мильгаузенъ обладалъ весьма обширными свѣдѣніями и составилъ курсъ столь большой, что никогда не въ состояніи былъ прочесть его цѣликомъ, при чемъ курсъ этотъ годъ-отъ-году мѣнялся и обновлялся новыми

отдѣлами или экскурсіями въ побочныя науки, хорошо знакомыя профессору. Такъ, одно время Ѳ. Б. читалъ студентамъ древнюю исторію, другое—части науки полицейскаго права и т. д. Вообще, обратно, со многими изъ тогдашнихъ профессоровъ, Мильгаузенъ, подъ руководствомъ котораго пришлось мнѣ готовиться къ каѳедрѣ, отличался истинно нѣмецкимъ трудолюбіемъ, былъ занятъ постоянно и при томъ самымъ разнообразнымъ образомъ. Одно время, напримѣръ, онъ очень долго изучалъ новѣйшія путешествія по „Черному континенту“ Африки и очень охотно любилъ бесѣдовать обо всѣхъ, въ этомъ отношеніяхъ, открытіяхъ. Большой помѣхой, впрочемъ, для его занятій въ университетѣ являлась одна извѣстная русская слабость, которой онъ былъ преданъ—любилъ выпить и, къ сожалѣнію, много въ этомъ грѣшилъ. Но намъ придется о немъ говорить еще разъ далѣе по поводу оставленія моего при университетѣ и приготовленія къ профессурѣ.

И. К. Бабстъ, извѣстный одинаково съ Мильгаузеномъ по своей слабости къ рюмочкѣ, отличался отъ него, къ своей невыгодѣ, очень многими качествами, которыя вовсе не окупались многими достоинствами прекраснаго курса и учености Ѳедора Богдановича. Обратно съ нимъ Бабстъ заботился только видимо о томъ, чтобы поменьше дѣлать и побольше зарабатывать денегъ, потому все его время профессуры при мнѣ онъ весьма мало посвящалъ своимъ профессорскимъ обязанностямъ и очень много постороннимъ занятіямъ, дававшимъ ему, вѣроятно, большія деньги. Курсъ политической экономіи и статистики, имъ читаемой, по моему убѣжденію, былъ крайне низкопробнымъ. Политическая экономія представляла собою какой-то скудный конспектъ науки, изложенный, правда, понятнымъ языкомъ, но безъ всякой попытки къ полнотѣ ея изложенія и къ оригинальности. Статистика же была отрывкомъ географіи съ большой примѣсью при томъ этнографическихъ свѣдѣній о народахъ, населяющихъ Россію, особенно вдоль Волги. Изъ этого курса отъ студентовъ требовалось самое легкое знаніе: достаточно было разинуть ротъ и сказать два слова, чтобы Бабстъ ставилъ уже 5 и отпускалъ. Сочиненія же, которыя писались, какъ мы говорили о личномъ примѣрѣ, имъ совершенно не читались, и всегда ставились безъ разговоровъ высшія отмѣтки, чтобы скорѣе сплавить экзаменующагося домой. Естественно поэтому, Бабстъ получалъ студенческихъ сочиненій больше всѣхъ другихъ профессоровъ юридическаго факультета.

Перейдя на 2-й курсъ, я не оставилъ еще охоты добросовѣстно заниматься наукой, что̀, очевидно, въ то время не всѣми профессорами считалось за обязанность студентовъ. Я выбралъ другую тему

для годичнаго сочиненія, которая мнѣ очень приглянулась, въ виду начавшихся тогда русскихъ военныхъ дѣйствій въ Средней Азіи, предшественниковъ будущихъ завоеваній ея и присоединенія къ Россіи. Я намѣтилъ темой „Торговые пути Россіи съ Средней Азіей“ и добросовѣстно сталъ изучать литературу, сюда относящуюся; главнымъ образомъ русскую историческую часть по Соловьеву и Карамзину, а географическую—по многимъ русскимъ описаніямъ и путешествіямъ, отчасти и по послѣднимъ англійскимъ источникамъ. Къ концу года у меня составилась весьма изрядная работа, которая знакомила основательно съ этимъ вопросомъ со всѣхъ сторонъ, и я подалъ ее опять Бабсту. Повторилось то же, къ сожалѣнію, что и съ первымъ моимъ трудомъ: ни отвѣта, ни привѣта. Бабстъ, видимо, не прочелъ работы, не говорилъ со мной о ней ни полслова, спросилъ, кажется, только, въ какой гимназіи я воспитывался, и поставилъ мнѣ 5, что̀ ставилъ и всѣмъ моимъ товарищамъ несомнѣнно ниже меня по знанію и своей работѣ. Этотъ индифферентизмъ и равнодушіе профессора къ прямой его обязанности, тѣмъ болѣе, что въ одно время со мной, насколько мнѣ извѣстно, никто ему такихъ большихъ и оригинальныхъ сочиненій не подавалъ, подѣйствовалъ на меня убійственно,—у меня совершенно опустились руки къ продолженію моихъ дальнѣйшихъ занятій и штудій.

Весьма рано, еще въ Рязанской гимназіи, когда я отличался своими отвѣтами на экзаменахъ, напримѣръ, или ученическими сочиненіями, и наставники серьезно поощряли меня къ дальнѣйшему труду и прилежанію, у меня уже мелькала въ головѣ гордая честолюбивая мысль, а почему бы мнѣ не сдѣлаться со временемъ профессоромъ, какъ шутя называли меня иногда товарищи и даже директоръ Ѳедюкъ?! Въ университетѣ эта мысль еще чаще и непрестаннѣе приходила мнѣ въ голову, когда я изучалъ иностранные языки, поглощалъ цѣлые ворохи книгъ и писалъ свои сочиненія; но дважды повторенный опытъ небрежности и недобросовѣстнаго отношенія И. К. Бабста ко всѣмъ моимъ трудамъ рѣшительно охладилъ всѣ мои планы и разбилъ надежды. Я невольно пришелъ къ заключенію, что ничего путнаго изъ моихъ мечтаній о профессурѣ быть не можетъ, и я никогда не добьюсь, при полной невнимательности профессора, этого высокаго положенія. Я въ заключеніи сложилъ руки, и переставъ заниматься, началъ понемногу, подражая другимъ товарищамъ, чаще вспоминать о хлѣбныхъ предметахъ и долбить X т. Гражданскихъ законовъ и Судебные Уставы. „Увы, прощайте, науки, вмѣстѣ съ мечтами о профессорствѣ, болѣе недостижимомъ!?!“

Изъ старыхъ профессоровъ, еще заслуживающихъ вниманіе, назову лишь двухъ: Викторъ Алексѣевичъ Легонинъ, бывшій продолжительные годы секретаремъ юридическаго факультета и вполнѣ добросовѣстно относившійся къ молодымъ людямъ вродѣ меня, впослѣдствіи сдѣлавшимся его товарищами; онъ помогалъ, гдѣ можетъ, словомъ и дѣломъ. Такое же значеніе имѣлъ и профессоръ каноническаго права Н. А. Соколовъ, который, къ сожалѣнію, пробылъ при мнѣ лишь короткое время и совершенно неожиданно, къ общему сожалѣнію, скончался.

Что, наконецъ, касается, до такъ называемыхъ молодыхъ профессоровъ Московскаго университета 70-хъ и 80-хъ годовъ, моихъ сверстниковъ и товарищей, какъ А. И. Чупровъ, Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ, Максимъ Максимовичъ Ковалевскій, и проч., то о нихъ будетъ мною упомянуто впереди, въ слѣдующихъ главахъ моихъ записокъ.

Вторая половина моего студенчества, 3-ій и 4-ый курсъ не принесли мнѣ, къ сожалѣнію, ничего хорошаго. Надежды и вѣра въ затаенный планъ возможности посвятить себя наукѣ и сдѣлаться когда-нибудь профессоромъ были у меня разбиты объясненнымъ выше образомъ, и я не видѣлъ никакой возможности что-либо сдѣлать для ихъ осуществленія.

Между тѣмъ мои ближайшіе товарищи замѣтно опережали меня въ знаніяхъ чисто юридическихъ предметовъ, необходимыхъ для будущей ихъ дѣятельности въ судѣ. И вотъ, подражая имъ, и я забросилъ политическую экономію со всѣми ея отраслями и началъ почитывать книги по юриспруденціи, вникать въ тонкія построенія римскаго права и критиковать съ важностью X томъ, въ то же время не имѣя болѣе никакихъ занятій, которыя бы захватывали мою умственную жизнь и возбуждали интересъ, я уменьшилъ значительно чтеніе, началъ чаще съ товарищами покучивать и усердно посѣщать театръ и разныя увеселительныя собранія и мѣста. То, что сначала претило, скоро вошло во вкусъ, и на третьемъ курсѣ я уже сдѣлался весьма изряднымъ кутилой, который часто шелъ впереди своихъ товарищей во всякихъ дурачествахъ, тѣмъ болѣе, что фортуна за это время мнѣ благопріятствовала, я имѣлъ хорошіе уроки и большіе заработки, получая въ мѣсяцъ доходу иногда болѣе ста рублей. Несмотря на всѣ хорошіе задатки моей прежней жизни, окружающая тина меня мало-по-малу, видимо, затягивала. Исчезли прежніе честолюбивые импульсы о профессурѣ въ будущемъ, а затѣмъ ослабѣло какъ-то самолюбіе и самоуваженіе. Я уже не стыдился скоро своей пустой безсодержательной жизни и въ товарище-

скихъ пирушкахъ не отставалъ отъ другихъ въ глупой похвальбѣ количеству выпитаго и разныхъ выходокъ!

Весь третій курсъ прошелъ самымъ печальнымъ образомъ, безъ серьезныхъ занятій. Наступили экзамены, надо было опомниться и быстро наспѣхъ готовиться, чтобы не провалиться и не потерпѣть всѣхъ неудобныхъ отсюда послѣдствій. Но я уже давно убѣдился по опыту, что университетскіе экзамены несравненно, въ сотни разъ, легче и снисходительнѣе гимназическихъ и при моей хорошей памяти, изъ многихъ предметовъ мнѣ требовалось только нѣсколько часовъ для отвѣта на цѣлыхъ пять балловъ, но гораздо болѣе трудно рѣшить иной вопросъ относительно сочиненій, которыя продолжали требоваться и на третьемъ курсѣ. И вотъ, къ довершенію своего нравственнаго паденія, я рѣшился на прямой подлогъ — обмануть профессора. Проф. Бабстъ, которому я подавалъ такъ неудачно раньше свои труды, въ этотъ годъ (1867 г.) съ Е. В. Наслѣдникомъ, Николаемъ Александровичемъ, у котораго былъ преподавателемъ, уѣхалъ, если не ошибаюсь, путешествовать по Россіи, поэтому всѣ сочиненія по политической экономіи уже поступали къ почтеннѣйшему Ѳедору Богдановичу Мильгаузену, мною упомянутому профессору финансоваго права. И вотъ, основавши на этомъ разсчетѣ свой обманъ, я старое сочиненіе „О Торговыхъ путяхъ въ Средней Азіи“, разъ уже поданное Бабсту, предъявилъ вновь на третьемъ курсѣ профессору Мильгаузену. Но тутъ вышла совсѣмъ другая исторія, или какъ говоритъ поговорка „совсѣмъ изъ другой оперы“... Добросовѣстный нѣмецъ, обратно съ Бабстомъ, прочелъ мое сочиненіе, мало того, заинтересовался имъ и, когда я явился къ нему на экзаменъ, то, по окончаніи его, онъ вступилъ со мною въ длинный по поводу него разговоръ и изъявилъ желаніе, чтобы я пришелъ къ нему на квартиру объясниться и для дальнѣйшей бесѣды. Разумѣется, крайне озадаченный и пріятно возбужденный, я поспѣшилъ исполнить его желаніе и немедленно явился къ профессору Мильгаузену въ назначенное время. Оказалось, дѣйствительно, Мильгаузенъ внимательно, слово за слово прочелъ довольно объемистый трудъ мой о торговыхъ путяхъ и испестрилъ рукопись разными замѣтками, ссылаясь на то, что будто бы онъ этимъ вопросомъ не занимался, требовалъ отъ меня разъясненій и подтвержденій того или иного моего мнѣнія. Я ему охотно, съ великимъ удовольствіемъ, какъ человѣкъ, влюбленный въ свое дѣло, давалъ требуемыя объясненія, и въ результатѣ Мильгаузенъ объявилъ мнѣ, что сочиненіе мое настолько выдается между студенческими, что я такъ добросовѣстно и тщательно изучилъ выбранный мною матеріалъ и во всемъ отдаю отчетъ, что онъ считаетъ

своимъ долгомъ довести объ этомъ до свѣдѣнія юридическаго факультета и просить въ видѣ отличія и поощренія напечатать мое сочиненіе въ издаваемыхъ тогда „Университетскихъ Извѣстіяхъ“.

Итакъ, увы, оправдалось, къ сожалѣнію, іезуитское правило „ложь во спасеніе“ и благодаря моему обращенію къ Ѳедору Богдановичу, я сразу получилъ то, о чемъ такъ жадно мечталъ и чего не имѣлъ, вслѣдствіе недобросовѣстности профессора политической экономіи. Онъ обратилъ вниманіе на меня, на мой трудъ и просилъ меня, о чемъ ни разу даже не упомянулъ Бабстъ, если нужно, посѣщать его, чтобы брать книги изъ его библіотеки (особенно новыя нѣмецкія) и, если нужно, съ нимъ посовѣтоваться. При одномъ изъ слѣдующихъ свиданій онъ уже довольно непризрачно намекалъ мнѣ, что „если я такъ буду заниматься до окончанія университета, то онъ охотно такого студента можетъ предложить *для оставленія при университетѣ и приготовленія къ профессорскому званію*“. Вотъ что значитъ прямо „быка взять за рога!“

Не буду описывать своего восторга послѣ этого приключенія, при воспоминаніи о которомъ собственно я долженъ краснѣть... Этотъ случай подѣйствовалъ на меня отрезвляющимъ, въ буквальномъ и переносномъ смыслѣ, образомъ. Я задумался опять о необходимости возобновить свои занятія надъ политической экономіей и статистикой, началъ вновь усердно почитывать книги и особенно упражняться въ чтеніи по-нѣмецки,—языкъ, который я зналъ всегда слабѣе французскаго съ англійскимъ. Все шло благополучно, и сближеніе съ Мильгаузеномъ, несмотря даже на упомянутую выше его слабость, дѣйствовало на меня благодѣтельно. Я опять началъ больше думать о наукѣ и своими недоумѣніями нерѣдко безпокоить Ѳедора Богдановича. Какъ всѣ молодые люди, напримѣръ, я, разумѣется, также имѣлъ большую склонность и симпатію къ соціализму и не разъ по этому вопросу бесѣдовалъ съ Мильгаузеномъ. Спокойно, самымъ объективнымъ образомъ Ѳ. Б. мнѣ объяснялъ и выставлялъ на видъ слабыя стороны и возраженія противъ обобщенія орудій труда и принудительнаго раздѣленія имущества. Марксъ тогда не существовалъ, какъ извѣстный писатель, и мы о немъ ничего не знали. Точно также, другой разъ припоминаю, у меня происходила съ Мильгаузеномъ длинная бесѣда, на модный нынѣ вопросъ съ легкой руки Генри Джоржа и гр. Толстого, о такъ называемой „теоріи единаго налога“, противъ котораго рѣшительно и остроумно Мильгаузенъ возражалъ, и подобныя бесѣды естественно поднимали мой духъ, бодрость и увѣренность въ себѣ.

Между тѣмъ, перейдя на 4-й курсъ, я уже болѣе серьезно началъ думать о способахъ утвердить доброе мнѣніе Мильгаузена о моей персонѣ и написать что-нибудь хорошее для курсового сочиненія, которое на этотъ разъ являлось уже кандидатскимъ разсужденіемъ. Темой для своего труда я выбралъ сочиненіе „разсужденіе о незаконнорожденныхъ", для чего взялъ изъ своего стараго сочиненія, поданнаго на первомъ курсѣ Бабсту, ржевской статистики все, что относилось къ незаконнорожденнымъ, и написалъ совершенно вновь не существовавшій отдѣлъ, юридическій, о законахъ и правахъ незаконнорожденныхъ по международному и русскому законодательствамъ. Такимъ образомъ у меня образовалось совершенно новое, съ матеріаломъ отчасти старымъ, обширное „статистико-юридическое изслѣдованіе о незаконнорожденныхъ"; опять получилось что-то вродѣ 40 мелко исписанныхъ листовъ. Я уже смотрѣлъ свѣтлѣе на будущее и надѣялся, что Мильгаузенъ его одолѣетъ и заблаговременно подалъ ему въ концѣ мая, съ просьбой прочесть до августа, когда я явлюсь-де за отвѣтомъ, узнать о его достоинствѣ.

Четвертый курсъ окончился благополучно, я опять получалъ все пятки, чѣмъ никакъ не могу гордиться, ибо считаю, что университетская оцѣнка успѣховъ ниже всякой критики и отличается такой снисходительностью, о которой среднія учебныя заведенія и не знаютъ. Какъ бы то ни было, я очутился на распутьи, чувствовалъ, что знаній у меня мало и опредѣленнаго пути не было. Лишь однѣ мечты и надежды на Мильгаузена, которыя могли рухнуть. И дѣйствительно ли обращеніе къ этому источнику за помощью? Не надо забывать, что я окончилъ курсъ въ 1869 г., когда сравнительно огромное количество молодыхъ людей требовалось во вновь открытые и преобразованные суды, поэтому мѣста давали сравнительно съ послѣдующимъ довольно скоро и легко, особенно, кто хотѣлъ годикъ потерпѣть и начать со старыхъ учрежденій, гдѣ-нибудь въ провинціи. Мнѣ уже изрядно надоѣла бѣдность или вѣрнѣе необезпеченность заработка; то имѣешь много, то мало, и неизвѣстно, на что будешь обѣдать завтра. Правда, въ цѣломъ большая часть моего университетскаго курса прошла благополучно, я имѣлъ иногда заработокъ, даже превосходящій мои желанія и потребности, но были кратковременно и худыя времена. Помню, напримѣръ, какъ разъ мнѣ чрезвычайно нужно было скорѣе получить свой кандидатскій дипломъ, а для этого слѣдовало заплатить пошлины 6 р., и я очень долго затруднялся ихъ найти, пока внесъ и получилъ желанный дипломъ для поступленія на службу! У меня въ это время были опять до нѣкоторой степени сестры на рукахъ. Одна, младшая, должна была

скоро окончить въ пріютѣ и надо было найти ей мѣсто или обезпеченіе, другая, старшая, была безъ занятій, проживала у другой старшей сестры и чрезвычайно тяготилась безработицей, своимъ неопредѣленнымъ положеніемъ и всячески заклинала меня поскорѣй взять мѣсто и взять ее къ себѣ отъ занятій у чужихъ людей.

Я не могъ, конечно, оставаться глухъ ко всему этому и рѣшился одно время принести въ жертву мои мечты о профессурѣ и сдѣлаться практическимъ юристомъ. Почтенный прокуроръ окружнаго суда въ Москвѣ, въ это время извѣстный ораторъ, Михаилъ Ѳедоровичъ Громницкій, былъ мой добрый знакомый. Я обучалъ долго его племянника Сергѣя Михайловича Латышева (нынѣ помощникъ статсъ-секретаря). На мои просьбы помочь мнѣ пробить дорогу, М. Ѳ., всегда относившійся ко мнѣ очень добро, объявилъ, что охотно мнѣ можетъ обѣщать, что если я поступлю къ нему кандидатомъ, то въ концѣ года могу разсчитывать на мѣсто судебнаго слѣдователя, если же я хочу непремѣнно имѣть мѣсто немедленно, то это возможно только по старымъ учрежденіямъ и указалъ, между прочимъ, мнѣ на возможность совсѣмъ скоро занять мѣсто слѣдователя въ городѣ Астрахани. Я поблагодарилъ его, немедленно подалъ прошеніе о зачисленіи меня кандидатомъ при прокурорѣ Московскаго окружнаго суда, Громницкомъ. Я былъ утвержденъ кандидатомъ и поступилъ тотчасъ въ канцелярію прокурора для пріученія къ письмоводству, съ жалованіемъ въ 20 р. въ мѣсяцъ, которые къ несчастью тогда довольно долго были единственнымъ моимъ ресурсомъ.

Новая моя должность и занятіе, какъ оказалось, частью были весьма пріятны, потому что давали мнѣ лишній поводъ часто видѣть такого умнаго и милаго человѣка, какъ мой главный начальникъ Михаилъ Ѳедоровичъ, котораго я посѣщалъ еженедѣльно по нѣскольку разъ. Съ другой стороны, однако, оказалось, что я самъ человѣкъ весьма мало пригодный для исполненія принятыхъ на меня обязанностей. Прежде всего я обладалъ такимъ отвратительнымъ почеркомъ, что мнѣ долго не могли придумать въ канцеляріи соотвѣтствующаго занятія. Наконецъ, я обладалъ такой большой разсѣянностью и вольностью въ обращеніи съ разными узаконенными канцелярскими словечками, что безпрестанно путалъ, напримѣръ, „представленіе“ съ „предложеніемъ“ и посылалъ ихъ совсѣмъ по несоотвѣтствующему адресу. Напримѣръ, однажды навлекъ непріятность и выговоръ на своего милѣйшаго начальника Михаила Ѳедоровича, потому что вмѣсто „представленія“ его начальнику, прокурору судебной палаты Манасеину, я послалъ ему, ничто же сум-

няшеся, „предписаніе“ и т. д.; другой разъ перепуталъ срокъ для товарища прокурора явиться на Торговую площадь для исполненія судебнаго приговора о лишеніи званія и пр. Онъ понапрасну пріѣхалъ туда, ничего тамъ не нашелъ и явился къ намъ въ канцелярію, разнося на всѣ корки виновника этой, какъ онъ увѣрялъ, мистификаціи!..

Между тѣмъ какъ разъ въ это время моя любимая сестра Евгенія, больше всего уговаривавшая меня взять судебное мѣсто, скоропостижно скончалась отъ холеры. Горе мое было очень велико, но я понималъ въ то же время, что я сразу получилъ возможность совершенно свободнаго распоряженія своей особой. Такъ какъ младшую сестру Марію пригласила совсѣмъ къ себѣ жить моя старшая сестра Ал. Ив. Булашевичъ, только-что переселившаяся въ это время въ Москву изъ Черниговской губерніи, мнѣ не было далѣе необходимости стѣсняться болѣе никакими матеріальными соображеніями. Дѣло, которымъ я временно, но нѣсколько мѣсяцевъ все-таки долженъ былъ заниматься въ канцеляріи прокурора, было въ высшей степени не интересно. Какъ я говорилъ, я наносилъ лишь добрымъ людямъ вредъ скорѣе, нежели пользу. Какъ разъ въ это время, въ августѣ я навѣстилъ Мильгаузена въ Богородскомъ подъ Москвой; онъ чрезвычайно расхвалилъ на словахъ мое кандидатское разсужденіе о незаконнорожденныхъ, о которомъ гораздо раньше далъ хорошій письменный отзывъ. Онъ вновь, уже на этотъ разъ съ требованіемъ серьезнаго отвѣта, повторялъ предложеніе быть оставленнымъ при университетѣ, посвятить себя наукѣ. Мнѣ было въ высшей степени пріятно это слышать, и въ то же время я колебался, какъ рѣшить, что̀ лучше?!

Впослѣдствіи и начиная съ даннаго момента, я научился во всѣхъ затруднительныхъ въ жизни случаяхъ, по рекомендаціи въ одной книгѣ примѣра и совѣта знаменитаго американца Франклина, рѣшать вопросъ послѣ предварительнаго его обсужденія для себя письменнымъ образомъ: загнуть вдвое листъ бумаги, на одной сторонѣ писать все, что говоритъ за данное предложеніе, на другой—противъ, и въ результатѣ, взвѣсивъ обѣ стороны аргументацій, придти къ тому рѣшенію, на сторонѣ котораго больше вѣскихъ доводовъ.

Я въ первый разъ попытался примѣнить этотъ методъ именно здѣсь по данному случаю, и всѣ важные доводы были за принятіе предложенія Мильгаузена. Не довольствуясь этимъ, я рѣшилъ еще обратиться за совѣтомъ къ наиболѣе мною уважаемому тогда человѣку, какимъ являлся мой почтенный начальникъ прокуроръ М. Ѳ. Громницкій.

Едва я ему разсказалъ, въ чемъ дѣло, и спросилъ его мнѣніе, М. Ѳ., не колеблясь ни минуты, объявилъ мнѣ категорически, что тутъ и думать нечего, настолько выгодъ и преимуществъ имѣетъ предложеніе со стороны университета и университетская дорога передъ судебной. „Если бы даже, добавилъ онъ мнѣ, съ моимъ положеніемъ и семействомъ изъ нѣсколькихъ дѣтей, помимо жены, сдѣлали такое предложеніе, то я, очень можетъ быть, принялъ бы его безъ большихъ колебаній. Что же касается до Васъ, молодого человѣка, въ началѣ своей жизни, то я не могу себѣ представить, откровенно, болѣе лестнаго и выгоднаго предложенія, и—бѣгите скорѣй!—вотъ мое мнѣніе!“

Послѣ бесѣды съ Громницкимъ и рѣшенія его, я уже далѣе не колебался и немедленно, какъ теперь помню, въ прекрасный августовскій день вечеромъ я поѣхалъ со своимъ пріятелемъ и товарищемъ В. Ф. Клячинымъ въ Богородское, гдѣ объявилъ Мильгаузену о своемъ желаніи принять его предложеніе, и по студенческой привычкѣ мы вспрыснули окончаніе этого важнаго вопроса полдюжиной пива.

Вскорѣ же за этимъ рѣшеніемъ, какъ гласитъ одинъ оффиціальный документъ: „По ходатайству юридическаго факультета и Совѣта Московскаго университета 14 октября 1869 г. кандидатъ Иванъ Янжулъ оставленъ при университетѣ на 2 года для усовершенствованія въ наукахъ“. Такимъ образомъ моя прокурорская служба въ министерствѣ юстиціи продолжалась менѣе 4-хъ мѣсяцевъ. Мой жребій былъ брошенъ, и я сдѣлался профессорскимъ кандидатомъ.

ГЛАВА II.

Оставленіе при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію.—Выборъ предмета и главнѣйшія занятія.—Уроки.—Писаніе въ газетахъ.—„Всеобщая Газета" и „Русскія Вѣдомости".—Описаніе характерныхъ чертъ А. И. Чупрова.—Магистерскій экзаменъ.—Первоначальная неудача съ поѣздкой за границу.—„Бесѣда".—С. А. Юрьевъ, А. И. Кошелевъ, А. Н. Островскій, А. Ѳ. Писемскій, Н. М. Богомоловъ и другія встрѣчи и знакомства.—Преподаваніе статистики въ Имп. Техническомъ Училищѣ.—Командировка за границу на два года.—Дрезденъ.—Лейпцигъ и слушаніе лекцій въ тамошнемъ университетѣ.—Сближеніе съ А. И. Чупровымъ.—Мой романъ въ Дрезденѣ и благополучное окончаніе его женитьбой.

Такимъ образомъ опредѣлилась моя будущая жизнь и рѣшился вопросъ о моемъ оставленіи при университетѣ и выборѣ мной педагогической, вмѣсто чистоюридической профессіи.

Я явился въ нашемъ университетѣ въ нѣкоторомъ родѣ послѣднимъ изъ могиканъ по размѣру вознагражденія. Мнѣ назначена была университетомъ стипендія по старому, 400 рублей въ годъ, что было уже въ послѣдній разъ, ибо позднѣе она была повышена до 600 рублей, и всѣ остальные профессорскіе стипендіаты начали получать эту послѣднюю цифру. Но скажу откровенно, что и 400 рублей для меня казались прекраснымъ пособіемъ для существованія, ибо ничего близкаго къ этому я до тѣхъ поръ безъ особеннаго труда или заработка не получалъ. Отъ университета, какъ говорилъ раньше, я имѣлъ ничтожную стипендію, сначала около шести, затѣмъ около восьми рублей въ мѣсяцъ и, по совѣту пріятелей, находилъ болѣе удобнымъ въ началѣ года писать довѣренность закладчику на полученіе за меня этой стипендіи; разумѣется, со значительной скидкой, но получаемой единовременно отъ него суммы было достаточно, чтобы, напримѣръ, хорошо въ началѣ года обмундироваться, на что она чаще всего и употреблялась. Тридцать два руб. съ коп., которые я началъ получать ежемѣсячно послѣ своего оставленія, дали мнѣ возможность оплачивать квартиру и столъ; предстояло, слѣдовательно, добывать деньги только на потребности второго разряда и на прихоти.

Вообще, я держусь того мнѣнія въ вопросѣ о стипендіяхъ, что если малый размѣръ ихъ является нежелательнымъ явленіемъ, ибо на нихъ существовать нельзя, то въ свою очередь крупный размѣръ стипендіи, къ чему теперь такъ стремятся, является даже большимъ зломъ, такъ какъ лишаетъ стипендіатовъ необходимой энергіи для обезпеченія себѣ болѣе комфортабельнаго существованія. Знаменитый Робертъ Моль совершенно справедливо, мнѣ кажется, по вышеприведеннымъ соображеніямъ, рекомендуетъ умѣренность даже въ назначеніи вознагражденія всѣмъ университетскимъ преподавателямъ.

По существу дѣла мое новое положеніе оставленнаго при университетѣ, для „усовершенствованія въ наукахъ", какъ объ этомъ оффиціально выражались, весьма мало разнилось отъ стараго студенческаго положенія. Оно означало собственно новыя занятія при старой обстановкѣ. Вмѣсто заботъ объ ежегодномъ писаніи сочиненія, какъ прежде, и приготовленія къ ежегоднымъ экзаменамъ, я долженъ былъ за два года сразу сдать свой магистерскій экзаменъ изъ двухъ предметовъ, финансоваго права и политической экономіи со статистикой вмѣсто того, чтобы разбрасываться по множеству наукъ, изъ которыхъ прежде готовился къ экзамену. Кстати я объясню здѣсь, какимъ образомъ и почему я избралъ финансы моимъ главнымъ и спеціальнымъ предметомъ занятій. Собственно, какъ я говорилъ раньше и, какъ это даже видно изъ воспоминаній моего дѣтства и отрочества, напечатанныхъ нѣкогда въ „Вѣстникѣ Воспитанія", у меня очень рано развились вкусы экономиста. Я съ одинаковымъ почти жаромъ читалъ и интересовался сочиненіями по аграрному вопросу, по свободной торговлѣ и по налогамъ, и по вопросу о рождаемости въ какомъ-нибудь городѣ или странѣ. Скорѣе всего и ближе было бы мнѣ избрать своимъ главнымъ предметомъ политическую экономію и статистику, а не одинъ лишь отдѣлъ первой науки, который у насъ помѣщенъ въ университетской программѣ особо, подъ отдѣльнымъ наименованіемъ финансоваго права или науки о финансахъ. Когда Ф. Б. Мильгаузенъ второй разъ, по подачѣ мной кандидатскаго разсужденія, повторилъ свое предложеніе, не желалъ ли бы я избрать себѣ профессуру и быть оставленнымъ при университетѣ, то я прямо заявилъ ему, послѣ тѣхъ колебаній, которыя выше были описаны, что желаю и готовъ это сдѣлать, по предмету политической экономіи и статистикѣ. На это получилъ отъ него отвѣтъ, что, къ сожалѣнію, такъ какъ онъ этихъ наукъ въ университетѣ не представляетъ, а финансовое право, то и не можетъ меня предлагать по нимъ. „Ранѣе сдѣланное предложеніе относится-де исключительно къ финансовому праву и финан-

совымъ наукамъ, но что мнѣ нѣтъ никакого основанія по этому поводу колебаться или измѣнять свое рѣшеніе, ибо финансовая наука въ сущности представляетъ лишь одинъ отдѣлъ политической экономіи и, за исключеніемъ нѣмцевъ, у большинства образованныхъ народовъ входитъ непосредственно, какъ часть цѣлаго въ общую науку политической экономіи и народнаго хозяйства; наконецъ, если мой предметъ будетъ оффиціально ограниченъ финансовымъ правомъ, то второй по важности предметъ, изъ котораго потребуются также экзаменъ и обязательныя занятія, будетъ также политическая экономія и, Богъ вѣсть, въ будущемъ, не придется ли мнѣ, можетъ быть, даже ее читать по той или иной причинѣ. Кромѣ того не надо упускать изъ виду, что онъ-де, Мильгаузенъ, уже старъ, ему остается только 2 года до пенсіи, за которой непремѣнно по слабости здоровья ему придется уйти въ отставку. Напротивъ, Бабстъ, относительно человѣкъ молодой, пробудетъ еще въ университетѣ долго и о преемникахъ для себя вовсе не думаетъ". Такъ былъ рѣшенъ вопросъ о выборѣ предмета, и я сдѣлался оффиціальнымъ финансистомъ, питая всегда больше симпатіи къ занятіямъ и чтенію, въ широкомъ размѣрѣ, по наукѣ народнаго хозяйства и особенно ея прикладной части (Volkswirtschaftspolitik).

Главный вопросъ, который впрочемъ мнѣ предстоялъ, это трудъ по изученію иностранныхъ языковъ, ибо, какъ мнѣ было хорошо извѣстно, согласно установившемуся обычаю въ нашемъ университетѣ, въ теченіе 2-хъ лѣтъ я обязанъ былъ приготовиться къ магистерскому экзамену, а затѣмъ, по успѣшной сдачѣ его, университетъ начиналъ обыкновенно, если не было своихъ личныхъ средствъ, хлопотать передъ Министерствомъ о командированіи за границу, съ большимъ, относительно, содержаніемъ въ полторы тысячи рублей, также на два года—для приготовленія диссертаціи и полученія профессуры. Разумѣется, для этого путешествія и окончательной промоціи необходимо было знакомство съ иностранными языками, особенно съ нѣмецкимъ, такъ какъ мы всѣ ѣздили по преимуществу, если не исключительно, учиться къ нѣмцамъ въ Германскіе университеты, представляя полугодично, а сначала даже по 3 или 4 мѣсяца, отчетъ о своихъ занятіяхъ,—крайне убійственная и обременительная формальность, не достигавшая никакой цѣли, кромѣ отнятія дорогого времени. Еще въ Рязанской гимназіи, раньше всѣхъ другихъ иностранныхъ языковъ, тринадцати съ небольшимъ лѣтъ, я имѣлъ довольно странный поводъ и случай испытать себя, въ нѣсколько мѣсяцевъ выучившись довольно бойко читать по-англійски, не зная еще ни одного иностраннаго языка, какъ это подробно объяснено въ моихъ дѣтскихъ и отро-

ческихъ воспоминаніяхъ. Это произошло слѣдующимъ образомъ. На мое дѣтское воображеніе сильно повліялъ въ Шекспировскихъ пьесахъ заѣзжій американскій актеръ негръ Айра Ольриджъ, который игралъ главнѣйшія пьесы Шекспира во многихъ русскихъ городахъ, въ томъ числѣ, кромѣ столицъ, также и въ городѣ Рязани, гдѣ я учился въ гимназіи. Посѣщая его въ Москвѣ во время вакацій и очарованный донельзя его игрой, я сокрушался тѣмъ, что ничего, конечно, изъ его игры не понимаю, и зная хорошо черезъ знакомыхъ, что тотъ же Ольриджъ приглашенъ играть въ рязанскомъ городскомъ театрѣ черезъ три или четыре мѣсяца, рѣшился за это сравнительно короткое время направить всѣ усилія и изучить англійскій языкъ, хотя бы настолько, чтобы понимать большую часть его рѣчи, съ помощью книги въ рукахъ. Упорнымъ трудомъ и настояніями и къ моему великому удовольствію достигъ этой цѣли и черезъ три мѣсяца, съ книжкой Шекспира въ миніатюрномъ изданіи, отъ слова до слова почти понималъ, что говорилъ Ольриджъ. Поэтому, естественно, и выборъ мой для чтенія помимо русской литературы преимущественно тяготѣлъ къ англійской; но какъ разъ, какъ всѣмъ извѣстно, наша наука „финансы" преимущественно германскаго происхожденія, и нуженъ былъ нѣмецкій языкъ, болѣе трудный, чѣмъ англійскій и который я зналъ сравнительно слабо. По-французски я выучился въ гимназіи относительно недурно, обмѣниваясь съ товарищемъ, съ которымъ вмѣстѣ уговорился брать уроки у нашего француза, а за это состоялъ его репетиторомъ по другимъ предметамъ; но по-нѣмецки я ничего не сдѣлалъ въ этомъ родѣ и, поступивши въ университетъ, могъ читать развѣ самыя элементарныя нѣмецкія книжки; вотъ поэтому и было преимущественно направлено на этотъ языкъ мое вниманіе. Я постарался завести у себя главнѣйшіе учебники по финансовой наукѣ и политической экономіи и старательно читалъ ихъ съ лексикономъ, измѣняя иногда чтеніе на романы, которые, по правдѣ сказать, не исключая Шиллера и особенно Гёте, я читалъ не слишкомъ охотно, несмотря на все мое желаніе поскорѣе изучить языкъ. Всѣ нѣмецкіе классики мнѣ представлялись слишкомъ тяжеловѣсными и отвлеченными сравнительно съ любимыми мной англійскими поэтами и романистами, начиная съ Шекспира и оканчивая моими любимѣйшими писателями, Диккенсомъ, Томасъ Муромъ и Бёрнсомъ; изъ послѣдняго я зналъ очень много наизусть. Хорошей практикой въ нѣмецкомъ языкѣ для меня былъ довольно легковѣсный нѣмецкій экономистъ, Максъ Виртъ, котораго я перечиталъ нѣсколько разъ за хорошій языкъ, и извѣстный учебникъ Рау, который я штудировалъ, постоянно кон-

спектируя, чтобы отдавать себѣ отчетъ въ каждомъ положеніи и въ каждой отдѣльной мысли. По-французски я читалъ отрывочно, что придется, но языкъ этотъ всегда какъ-то давался особенно легко. Латинскій языкъ, въ которомъ я оказывалъ значительные успѣхи въ гимназіи, къ сожалѣнію, постепенно забывался, но тѣмъ не менѣе на своихъ экзаменахъ при отвѣтахъ по средневѣковой исторіи, гдѣ нерѣдко встрѣчались латинскія сентенціи, мнѣ приходилось поправлять ошибки студентовъ-классиковъ. Такимъ образомъ цѣль достигалась, и къ окончанію университетскаго курса я уже довольно свободно читалъ на нѣсколькихъ европейскихъ языкахъ, что и требовалось для занятій.

Какъ нарочно, во время моего оставленія при университетѣ, можетъ быть, даже благодаря самому званію магистранта, шли предложенія тѣхъ или иныхъ очень выгодныхъ и хорошо оплачиваемыхъ уроковъ, хотя въ финансовомъ отношеніи они даже для меня не играли теперь большой роли при полученіи хорошей стипендіи, но важны были лишь потому, что расширяли кругъ моихъ знакомствъ и доставляли пищу для моей житейской опытности и развитія. Такимъ урокомъ, напримѣръ, были весьма продолжительныя и хорошо оплачиваемыя занятія съ сыномъ извѣстной въ Москвѣ Минодоры Карловны Мухановой, имѣвшей обширную родню въ аристократическомъ мірѣ, съ которой мнѣ пришлось тогда сблизиться. Ея мужъ нѣкогда, если не ошибаюсь, былъ московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, а братъ губернаторомъ. Въ домѣ послѣдняго (гр. Сиверсъ), между прочимъ (противъ Англійскаго Клуба на Тверской), мнѣ пришлось въ качествѣ учителя его племянника, временно почему-то у него проживавшаго, участвовать въ одномъ интересномъ по какому-то поводу завтракѣ, на который былъ приглашенъ знаменитый тогда артистъ Малаго театра Провъ Садовскій, который безподобно разсказывалъ свой извѣстный юмористическій разсказъ объ англичанинѣ и русской „смѣкалкѣ“, вызывавшій непрерывный хохотъ присутствовавшихъ и памятный мнѣ до сихъ поръ. Урокъ этотъ былъ для меня очень труденъ, несмотря на всѣ его привлекательныя стороны, потому что ученикъ Я. Мухановъ, уже довольно великовозрастный, былъ малый не глупый, но очень лѣнивый и избалованный, и мнѣ нужно было очень сдерживаться и бороться съ собой, чтобы избѣжать вспышекъ гнѣва и заставить себя уважать. Любящая мать была слишкомъ слаба, чтобы съ нимъ справиться, и откровенно мнѣ заявляла, что Яшенька все-таки меня болѣе слушаетъ, потому что боится моей физической силы, очевидно, большей, чѣмъ его собственная!!..

Изъ другихъ родственниковъ г-жи Мухановой мнѣ пришлось

такъ же познакомиться съ вдовой ея умершаго сына, урожденной, если не ошибаюсь, княжной Голицыной, которая вышла второй разъ замужъ за извѣстнаго свѣтлѣйшаго князя Ливенъ, имѣя двухъ мальчиковъ отъ покойнаго Муханова, которыхъ мнѣ пришлось нѣсколько мѣсяцевъ обучать. Въ ея лицѣ я въ первый разъ увидѣлъ красивую и дѣйствительно свѣтскую даму, весьма умную и занимательную, которая умѣла очень интересно бесѣдовать. Двое ея мальчиковъ, имена которыхъ я забылъ, но помню—въ семьѣ были извѣстны подъ греческими именами, или точнѣе прозвищами въ воспоминаніе о Константинополѣ, гдѣ ея покойный мужъ служилъ въ посольствѣ,—Микро и Макро. Одинъ изъ нихъ умеръ отъ какой-то дѣтской болѣзни, и это положило конецъ моему уроку. Другой же выросъ и сдѣлался, если не ошибаюсь, черниговскимъ предводителемъ дворянства, который недавно сравнительно надѣлалъ столько шуму, сначала своими столкновеніями съ Плеве, а затѣмъ дѣятельностью въ политической партіи кадетъ. Вмѣстѣ съ ними принималъ участіе въ обученіи маленькій Ливенъ, сынъ второго супруга бывшей г-жи Мухановой, если не ошибаюсь, впослѣдствіи управлявшій крестьянскимъ и дворянскимъ земельными банками. Теперь всѣ они уже умерли и съ дѣтства мнѣ не пришлось больше никого изъ нихъ видѣть. Этотъ же случай далъ мнѣ возможность видѣть, хотя и мелькомъ, всю семью Ливенъ въ ихъ домѣ въ Москвѣ, гдѣ двое мальчиковъ изъ трехъ, по поводу какой-то эпидеміи, были отдѣлены и помѣщены у своего дѣдушки. Въ числѣ другихъ, я припоминаю, имѣлъ удовольствіе видѣть еще маленькую дѣвицу, одну изъ княженъ Ливенъ, Екатерину Александровну, впослѣдствіи супругу моего несчастнаго товарища Николая Павловича Боголѣпова, такъ фатально и рано кончившаго свою жизнь отъ руки убійцы.

Въ началѣ 70-хъ годовъ немаловажнымъ факторомъ въ моей жизни можетъ считаться сближеніе съ Игнатіемъ Игнатіевичемъ Родзевичемъ, младшимъ братомъ уже вышеупомянутаго товарища и друга Николая Игнатіевича. Большой несчастливецъ въ своей жизни, Игнатій Игнатіевичъ былъ прирожденнымъ литераторомъ и видимо предназначенъ былъ рано сдѣлаться имъ, владѣя хорошо перомъ и даже стихомъ. Но всѣ попытки его въ этомъ отношеніи, встрѣчая китайскую стѣну цензурныхъ запрещеній и стѣсненій, терпѣли фіаско и кончились ничѣмъ. Ему пришлось относительно недавно скончаться, гдѣ-то подъ Петербургомъ, по слухамъ въ значительной бѣдности и съ разбитымъ отъ неудачъ сердцемъ. Между тѣмъ, я мало зналъ въ жизни столь веселыхъ, жизнерадостныхъ людей въ ихъ молодости, какъ сравнительно былъ Игнатій

Игнатіевичъ. Мы съ нимъ сошлись и сблизились въ началѣ 70-хъ годовъ, именно на литературномъ поприщѣ. Я сдѣлалъ попытку пописывать статейки въ газетахъ; у меня начинался по временамъ какъ бы зудъ въ рукахъ попробовать, попытать свои силы. Какъ разъ въ это время я встрѣтился съ нимъ и настолько сблизился, что одно время, даже мы жили вмѣстѣ на Тверской въ большомъ домѣ надъ кондитерской Альбера. Онъ меня, между прочимъ, притянулъ впервые къ постоянному участію въ ежедневной, такъ называемой „Всеобщей Газетѣ“, издаваемой редакторомъ Иваномъ Николаевичемъ Кушнеревымъ, который не пріобрѣлъ ни особенной славы, ни денегъ газетной дѣятельностью и обратно имѣлъ значительный успѣхъ впослѣдствіи въ качествѣ одного изъ крупныхъ нашихъ типографщиковъ, основателя извѣстной книгопечатни, до сихъ поръ существующей въ Москвѣ.

Для меня имѣетъ интересъ воспоминаніе о Кушнеревской газетѣ потому именно, что я здѣсь познакомился впервые съ большимъ числомъ представителей литературной богемы, съ ихъ нравами и обычаями и образомъ жизни, которую пришлось бокъ о бокъ съ ними вести. Очень скоро по вступленіи въ редакцію этой газеты, гдѣ самъ почтенный Иванъ Николаевичъ Кушнеревъ ничего не писалъ, а Игнатій Игнатіевичъ писалъ наоборотъ очень много по литературнымъ вопросамъ и фельетону; мнѣ былъ предоставленъ экономическій отдѣлъ и статьи по разнымъ предметамъ, гдѣ я преимущественно и спеціализировался. Смѣшно теперь вспомнить, на какихъ условіяхъ мы тогда работали въ газетѣ, и какъ Иванъ Николаевичъ безцеремонно насъ прижималъ. Обоимъ, главнымъ одно время сотрудникамъ, Родзевичу и мнѣ, онъ платилъ, несмотря на довольно значительное распространеніе его газеты, по 20 рублей въ мѣсяцъ и сверхъ того, впрочемъ, отъ $1^1/_2$ до коп. за строчку съ обязательствомъ въ теченіе недѣли поставить, если память не измѣняетъ, по четыре большихъ статьи. Я помню, какъ моя фантазія очутилась первый разъ въ сильныхъ тискахъ выжать изъ себя тему для будущей статьи, и какъ я такую тему разыскивалъ вездѣ, бросаясь съ газеты на газету и отъ одного лица къ другому. Это было тѣмъ труднѣе, что Иванъ Николаевичъ очень скупился и кромѣ русскихъ газетъ, въ обмѣнъ, не выписывалось въ редакціи ни одной иностранной. Слѣдовательно, и кругъ заимствованій и компиляцій у насъ былъ съ Игнатіемъ Игнатіевичемъ весьма урѣзанъ и ограниченъ. Я помню, съ какой жадностью мы бросались на разрозненные №№ иностранныхъ газетъ, которые какъ-либо случайно къ намъ попадали въ руки отъ постороннихъ лицъ.

Газета Кушнерева издавалась съ перемѣннымъ счастьемъ, въ на-

чалѣ шла довольно бойко, но затѣмъ подписка и розничная продажа, которая давала хорошій доходъ, упали, можетъ быть отъ нашего неумѣлаго участія, а громовыя статьи по нѣкоторымъ вопросамъ, напримѣръ по университетскому, которыми отличался особенно Игнатій Игнатіевичъ, вызывали нѣсколько разъ административныя кары и предостереженія. Тогда Кушнеревъ, вмѣсто закрытой газеты, довольно быстро и ловко являлся на свѣтъ съ новой газетой и, помнится мнѣ, раза два просилъ Игнатія Игнатіевича и меня, когда дѣла болѣе и болѣе запутывались, писать прямо на предостереженіе!!

„Всеобщая Газета“ Кушнерева, и подъ другимъ названіемъ, которое она нѣсколько разъ мѣняла, несомнѣнно относительно была газетой честной, т. е. непродажной. Никакой умышленной лжи отъ насъ, молодыхъ сотрудниковъ, не могло выйти. Изъ другихъ сотрудниковъ припоминаю такихъ, напримѣръ, какъ покойный статистикъ Василій Ивановичъ Орловъ, московскій городской статистикъ Бочаровъ, мой рязанскій товарищъ Кочергинъ и другіе. Если газеты Кушнерева не были впрочемъ прямо не честны, то въ нихъ много было школьничества и молодого дурачества. Такъ во время франко-прусской войны, какъ и во всей почти русской печати, за исключеніемъ, кажется „Московскихъ Вѣдомостей“, общія симпатіи газетъ вторили голосу публики и были на сторонѣ французовъ. Съ нѣмцами мы поступали довольно безцеремонно. Такъ припоминаю я, напримѣръ, слѣдующій случай: разъ отъ г-жи Мухановой я принесъ послѣдній № Journal de St.-Pétersbourg. Не помню кто, Игнатій Родзевичъ или другой сотрудникъ, съ любопытствомъ набросились на него, нельзя ли что-нибудь извлечь изъ извѣстій помимо наскучившихъ русскихъ газетъ. И вотъ, какъ разъ, отыскивается тамъ мелкимъ шрифтомъ напечатанное сенсаціонное извѣстіе, заимствованное изъ какой-то маленькой мѣстной французской газеты, что при занятіи прусскими войсками такой-то французской крѣпости, и вступленіи въ нее войскъ, послѣдовалъ страшный взрывъ. „Прусскія потери исчисляются до ста тысячъ человѣкъ“... Мы сами сомнѣвались въ точности этого извѣстія, разумѣется, но одинъ изъ сотрудниковъ довольно резонно замѣтилъ: „что же намъ жалѣть пруссаковъ, въ особенности на бумагѣ“. На другой день московскіе бульвары и улицы оглашались громкими криками: крѣпость такая-то занята пруссаками, сто тысячъ пруссаковъ взлетѣли на воздухъ!“ Газета раскупалась на расхватъ, и къ 12-и часамъ продано было все изданіе!

Наконецъ „Всеобщая Газета“, подъ тѣмъ или инымъ названіемъ, я не помню, была пріостановлена уже на довольно продолжи-

тельное время, и мы съ Родзевичемъ остались такимъ образомъ вновь безъ литературной работы, къ которой привыкли. Я не помню, какъ поступилъ въ данномъ случаѣ Игнатій Игнатіевичъ, кажется, уѣхалъ въ Рязань, для меня же, до прекращенія моей магистрантской стипендіи, этотъ фактъ составлялъ еще полъ-бѣды. Я отнесся къ нему довольно легко, тѣмъ болѣе, что въ это время, черезъ посредство своего товарища Александра Сергѣевича Посникова (нынѣ профессора и директора Политехническаго Института въ Петербургѣ), я завелъ знакомство съ „Русскими Вѣдомостями“ въ лицѣ ихъ редактора Николая Семеновича Скворцова. Многіе сторожилы въ Москвѣ, вѣроятно, еще помнятъ этого извѣстнаго общественнаго дѣятеля, несомнѣнно обладавшаго значительными достоинствами и набившаго руку на газетномъ дѣлѣ. Изъ маленькой незначительной газеты, какими были прежде, во времена Павлова, „Русскія Вѣдомости“, онъ сумѣлъ первый сдѣлать весьма распространенный органъ съ извѣстной физіономіей, несмотря на всю трудность, благодаря цензурѣ, въ тогдашнемъ литературномъ дѣлѣ, и для его изданія была уже въ нѣкоторомъ смыслѣ проложена дорога для будущаго и навербованы привычные читатели. Но не отрицая этого достоинства почтеннаго редактора, нельзя не вспомнить также объ его извѣстныхъ всей Москвѣ недостаткахъ, какъ разсѣянность и безалаберность, вслѣдствіе которыхъ серьезно участвовать, какъ я слышалъ въ свое время, въ его газетѣ было дѣломъ весьма труднымъ. Онъ, какъ правило, напримѣръ, на письма никогда не отвѣчалъ, что я испыталъ на собственной своей шкурѣ въ бытность впослѣдствіи за границей сотрудникомъ этой газеты. Николай Семеновичъ, несомнѣнно, былъ человѣкъ честный, но что же толку въ этой добродѣтели, когда нельзя было, напримѣръ, вырвать изъ его кассы, часто впрочемъ, пустующей и помимо его вины, своего долга иначе, какъ явившись къ нему по этому поводу нѣсколько разъ лично (я вернусь къ этому вопросу позднѣе еще разъ)!!?.

„Русскія Вѣдомости“, въ то время, когда я ихъ узналъ, уже вращались въ рукахъ приличной публики и издавались довольно порядочно, хотя еще очень скудно, по недостатку часто денегъ въ кассѣ. Къ постояннымъ сотрудникамъ принадлежалъ Александръ Петровичъ Лукинъ, которому впрочемъ редакторъ почему-то ходу не давалъ. Одно время, близкое участіе принималъ извѣстный экономистъ Митрофанъ Павловичъ Щепкинъ; довольно рано въ нихъ начали участвовать такіе сотрудники, какъ А. С. Посниковъ и Александръ Ивановичъ Чупровъ, хотя они пописывали лишь изрѣдка. Въ это время, именно привлеченъ также и я былъ ими къ сотрудничеству въ газетѣ. Не набивши еще руку, не умѣя схватить живыхъ темъ изъ хода современной жизни, я

болѣе впрочемъ ограничивался разными компиляціями и статейками по личному указанію самого редактора. Обыкновенно я обращался къ самому Николаю Семеновичу съ просьбой, не будетъ ли какой-нибудь работы, и получалъ отъ него одинъ изъ многочисленныхъ отчетовъ, присланныхъ въ редакцію для разбора. Такъ первое время я написалъ, напримѣръ, тамъ нѣсколько извлеченій изъ извѣстнаго Военно-Статистическаго Сборника (т. V) и разныхъ отчетовъ Святѣйшаго Сунода и иныхъ правительственныхъ и особенно благотворительныхъ учрежденій. Собственно говоря лишь послѣ моего отбытія за границу я началъ присылать въ „Русскія Вѣдомости" самостоятельныя статьи по моему личному выбору; между прочимъ довольно много статеекъ по рабочему вопросу и государственному вмѣшательству—изъ Германіи и очерковъ по модному позднѣе вопросу о спиритизмѣ—изъ Лондона.

Къ этому же времени, къ началу 70-хъ годовъ, относится мое знакомство съ моимъ почтеннымъ товарищемъ Василіемъ Михайловичемъ Соболевскимъ, нынѣ редакторомъ этихъ самыхъ „Русскихъ Вѣдомостей", а тогда онъ еще въ нихъ участія не принималъ, хотя знакомъ со Скворцовымъ, кажется, уже былъ, вѣроятно, черезъ того же Посникова. Василій Михайловичъ былъ моимъ однокашникомъ по курсу и факультету, но знакомы мы съ нимъ въ стѣнахъ университета не были, а только познакомились въ это время, т. е. скоро по окончаніи курса и оставленіи моемъ для приготовленія къ магистерскому испытанію. Къ этому же, примѣрно, времени, или нѣсколько мѣсяцевъ позднѣе, относится и начало моего знакомства съ моимъ будущимъ тогда уважаемымъ другомъ и сотоварищемъ по профессурѣ Александромъ Ивановичемъ Чупровымъ.

А. И. Чупровъ такая крупная личность въ жизни русскаго образованнаго общества и спеціально Московскаго университета и моей личной, что, конечно, заслуживаетъ описанія и сообщенія всего, что я о немъ помню. Мы съ нимъ переписывались при томъ вплоть до его кончины (послѣднее письмо отъ него ко мнѣ изъ Мюнхена пришло за недѣлю до его смерти), и мнѣ придется нѣсколько разъ о немъ говорить, конечно, чтобы исчерпать все то, что я считаю заслуживающимъ вниманія въ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ. О немъ столько писали и говорили послѣ его внезапной кончины, что трудно, конечно, сказать что-либо новое или неизвѣстное. По неволѣ приходится повторять многое раньше сказанное, добавляя обратно съ некрологами, указаніями рядомъ съ его высокими достоинствами и на тѣ маленькіе недостатки, которые и ему были не чужды, какъ всякому человѣку, хотя бы и самому совершенному.

Странно сознаться, но я долженъ при всей моей искренней, глубокой любви и уваженіи къ покойному, заявить, что первое мое впечатлѣніе при первой нашей встрѣчѣ и знакомствѣ съ Александромъ Ивановичемъ было, обратно съ большинствомъ о немъ мнѣній, далеко и не всецѣло въ его пользу. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ или даже лѣтъ, прежде чѣмъ онъ завоевалъ прочно мою симпатію и затѣмъ, завладѣвая ею все болѣе и болѣе, сдѣлался мнѣ близкимъ и дорогимъ человѣкомъ, смерть котораго я оплакивалъ самымъ искреннимъ образомъ. Изложу вкратцѣ эти противорѣчія моихъ впечатлѣній. Александръ Ивановичъ, своимъ огромнымъ умомъ и умѣніемъ схватить каждый вопросъ съ его надлежащей и болѣе выгодной стороны, поражалъ, вѣроятно, всѣхъ рѣшительно. Для оцѣнки этого качества достаточно было самой небольшой бесѣды съ нимъ. Въ то уже время, благодаря своей опытности и наблюдательности, онъ умѣлъ, какъ самъ, помню, не однажды мнѣ сознавался, изъ каждаго своего собесѣдника обнаружить и извлечь его наиболѣе выгодныя стороны и свѣдѣнія. Этимъ онъ сразу, такъ сказать, по русской поговоркѣ, однимъ выстрѣломъ умѣлъ убивать двухъ зайцевъ и извлекалъ все наиболѣе интересное отъ лица, съ нимъ бесѣдующаго, въ то же время невольно этимъ привлекалъ къ себѣ симпатіи говорившаго, который, поощряемый интересной встрѣчей, выкладывалъ обыкновенно болѣе или менѣе быстро все, что имѣлъ за душой, и съ большой симпатіей начиналъ уже въ свою очередь ухаживать за Александромъ Ивановичемъ.

При множествѣ встрѣчъ Александра Ивановича съ различными людьми на моихъ глазахъ въ теченіе нашего продолжительнаго (почти 40-лѣтняго) знакомства и дружественной близости, я всегда замѣчалъ у него какъ бы одну и ту же тактику: для каждой особы былъ у него и особый разговоръ, и въ результатѣ онъ завоевывалъ вполнѣ чужое расположеніе. Приведу конкретный случай нашего послѣдняго съ нимъ свиданія въ 1906 году и прогулки (по моему приглашенію) изъ Висбадена на извѣстный Нидервальдъ, гдѣ находится знаменитая статуя „Германіи“ на берегу Рейна. Въ прекрасный лѣтній день мы доѣхали съ нимъ изъ Висбадена до вершины Нидервальда, пообѣдали хорошо въ извѣстномъ Jagdschlosshotel и оттуда пѣшкомъ старчески-неторопливо, останавливаясь на всѣхъ лучшихъ видахъ и пунктахъ надъ Рейномъ, дошли (версты 3) до знаменитой статуи „Германіи“, прослушали тамъ, подпѣвая извѣстный гимнъ „Die Wacht am Rhein“ и спустились внизъ въ Рюдесгеймъ по зубчатой дорогѣ. При этой послѣдней пріятнѣйшей прогулкѣ съ моимъ покойнымъ другомъ, я имѣлъ случай сотый разъ наблюдать рельефно выдававшіяся особенности характера милаго Александра Ивановича. Во

время обѣда, на терассѣ въ Jagdschlosshotel онъ такъ восторженно расхваливалъ знаменитый красный рейнвейнъ этой мѣстности „Асмансгейзеръ“, что хозяинъ гостинницы, оказавшійся однимъ изъ крупныхъ владѣльцевъ виноградниковъ въ Асмансгаузенѣ, не могъ удержаться, чтобы не подойти къ нашему столу и почтительно представиться профессору Чупрову изъ благодарности за лестное мнѣніе, которое онъ понялъ безъ языка, по однимъ его жестамъ съ рюмкой въ рукахъ. Александръ Ивановичъ Чупровъ видимо обрадовался случаю побесѣдовать по этому вопросу и немедленно перевелъ свой разговоръ на нѣмецкій языкъ, расхвалилъ до небесъ вино, почему вынудилъ взять для пробы еще нѣсколько бутылокъ краснаго рейнвейна и началъ подробно выпытывать и разспрашивать хозяина, какъ онъ въ своемъ огромномъ, какъ оказалось скоро, виноградномъ хозяйствѣ, оборачивается, какъ поддерживаетъ культуру этихъ прекрасныхъ Бургундскихъ лозъ, не вырождаются ли онѣ, не приходится ли въ борьбѣ съ филлоксерой совсѣмъ ихъ уничтожать, замѣняя чужими лозами, какъ онъ выдерживаетъ вино, какъ вообще великъ весь оборотъ рѣдкаго краснаго рейнвейна, и т. д., и т. д. Хозяинъ былъ совершенно очарованъ и все время непрестанно около насъ вертѣлся и занималъ Александра Ивановича сообщеніемъ свѣдѣній, обѣщалъ ему выслать письменные и печатанные матеріалы по виноделію, спеціально Рейнгау и т. д., и долго провожалъ насъ по дорогѣ отъ гостинницы къ статуѣ „Германіи“ съ снабженіемъ разныхъ свѣдѣній и указаній, поклонами и просьбами не оставить и еще разъ когда-нибудь оказать честь посѣтить его погреба внизу въ Асменсгаузенѣ, гдѣ торжественно обѣщался самымъ наилучшимъ образомъ познакомить Александра Ивановича со всѣмъ своимъ дѣломъ и сдѣлать также распоряженіе на случай своего отсутствія.

Слѣдующая наша остановка была въ башнѣ, въ искусственной руинѣ, недалеко отъ отеля, съ хорошимъ видомъ на Рюдесгеймъ и Рейнъ. И вотъ Александръ Ивановичъ немедленно, какъ пчела отыскиваетъ цвѣтокъ, находитъ себѣ интереснаго собесѣдника въ лицѣ сторожа этой башни, который оказался тоже владѣльцемъ маленькаго виноградника, какъ бы представляя собою другой полюсъ въ сравненіи съ хозяиномъ Jagdschlosshotel'я. И затѣмъ вновь сыплятся разспросы Александра Ивановича и охотная рѣчь расположеннаго уже къ нему нѣмца-крестьянина. Онъ подробно передалъ Александру Ивановичу свои радости и горе, сколько онъ получаетъ и въ чемъ опасность его занятія, какъ ихъ, мелкихъ виноградарей, притѣсняютъ при скупкѣ вина такіе крупные господа, какъ хозяинъ

Jagdschlosshotel'я, какъ ему приходилось бѣдствовать. когда посѣтила его филлоксера, какъ онъ распредѣляетъ силы своей семьи единовременно на разработку виноградника и для пріема посѣтителей башни, которая тоже доставляетъ ему небольшой доходъ, и т. д. и т. д. Оба до такой степени дружественно погрузились въ обмѣнъ своихъ мыслей и интересовъ, что стоило мнѣ большихъ усилій, а нашимъ дамамъ—смѣха, сдвинуть наконецъ Александра Ивановича съ мѣста, оторвать отъ собесѣдника, чтобы идти дальше...

Скоро мы дошли до знаменитой статуи „Германіи" съ ея очаровательнымъ Aussichtspunkt'омъ, полюбовались видомъ, пропѣли своими старческими фальшивыми голосами, по возможности въ унисонъ съ большой толпой нѣмцевъ-пѣвцовъ, рейнскій гимнъ; говорить Александру Ивановичу не пришлось ни съ кѣмъ, но вотъ, прошли мы нѣсколько шаговъ до станціи зубчатой дороги, гдѣ пришлось нѣсколько минутъ дожидаться отхода поѣзда, и Чупровъ уже поймалъ сторожа, обходившаго свой участокъ линіи и, провожая его, сталъ съ нимъ горячо объясняться; затѣмъ, подойдя къ дамамъ, онъ привлекъ вниманіе передачей сообщеній дорожнаго сторожа. Оказалось, что сторожъ получаетъ какое-то самое скудное вознагражденіе за много часовъ службы, требующей большой внимательности. На зиму движеніе этой горной линіи для туристовъ прекращается, а съ нимъ и заработокъ сторожа, а тѣмъ не менѣе онъ мечтаетъ съ удовольствіемъ, если бы на будущій годъ ему пришлось поступить на эту же самую дорогу. Александръ Ивановичъ усердно взвѣшиваетъ и обсуждаетъ, какимъ образомъ можетъ существовать такая аномалія, такой ничтожный заработокъ, едва-ли не ниже нашего русскаго, который постоянно осуждается, какъ ничтожный, что заставляетъ примиряться съ его размѣрами, и можетъ ли этотъ требующій большой осторожности трудъ, отъ котораго зависитъ жизнь многихъ пассажировъ, оплачиваться такъ низко?.. Сторожъ нѣсколько разъ кивалъ Александру Ивановичу, а тотъ привѣтливо ему что-то крикнулъ, когда мы усѣлись, наконецъ, въ открытые вагоны, и поѣздъ двинулся.

Вотъ реальный образчикъ отношенія Александра Ивановича Чупрова къ каждому лицу, съ которымъ онъ только встрѣчался. Онъ какъ-то умѣлъ сразу выбрать истинный штандпунктъ и завоевать вниманіе и симпатіи слушателя. Такимъ онъ былъ со студентами, такимъ со своими друзьями и товарищами, такимъ онъ былъ и съ лицами, совсѣмъ незнакомыми, при случайныхъ встрѣчахъ.

Эта черта характера Чупрова составляла его великую выгодную сторону въ отношеніи людей, а также и слабую; отыскивая въ обра-

щеніи къ человѣку, что̀ для него лично особенно важно и пріятно. Александръ Ивановичъ несомнѣнно проглядывалъ отрицательныя стороны своихъ слушателей и относился съ своей гуманной, неотразимо привлекательной искренностью и любовностью иногда къ людямъ, не стоющимъ такого довѣрія и искренности, а это въ свою очередь вызывало у другихъ лицъ, бывшихъ свидѣтелями и наблюдателями и недостаточно его знавшихъ, естественное сомнѣніе: „да полно, искренній ли Чупровъ человѣкъ, думаетъ ли онъ, дѣйствительно, то, что говоритъ"?!

По этимъ именно причинамъ первое время знакомства съ Александромъ Ивановичемъ я не могъ его такъ цѣнить и любить, какъ впослѣдствіи, когда постепенно и вполнѣ убѣдился и увѣровалъ въ каждое его слово и полное благородство его души. Меня невольно смущали въ то время одинаковые почти восторженные отзывы о немъ отъ лицъ самаго разнаго нравственнаго калибра и сложенія. Александра Ивановича хвалилъ и восторгался имъ Николай Семеновичъ Скворцовъ, человѣкъ несомнѣнно порядочный, но довольно легкомысленный, Александра Ивановича хвалилъ восторженно милый, добрый, но недалекій А. П. Лукинъ, Александра Ивановича одинаково хвалилъ практически-неглупый, но очень въ нравственномъ отношеніи неопрятный и подозрительный Иванъ Николаевичъ Кушнеревъ, его восхвалялъ мнѣ также умный и благородный Василій Юрьевичъ Скалонъ, его наконецъ хвалилъ, постоянно о немъ разспрашивая и видимо къ нему расположенный, Вячеславъ Константиновичъ *Плеве*, въ дни своего величія!... Спрашивается, какъ могутъ столь различныя и разнохарактерныя лица пѣть такъ согласно вмѣстѣ одинъ и тотъ же гимнъ похвалы? Это невольно возбуждало нѣкоторое сомнѣніе, и потребовалось нѣсколько лѣтъ близкой, бокъ о бокъ жизни совмѣстной работы, напримѣръ для меня, чтобы убѣдиться въ истинѣ и правдѣ этого общаго наблюденія и такого отношенія къ незабвенному Александру Ивановичу,—онъ умѣлъ побѣждать сердца всѣхъ людей!!...

Кромѣ „Русскихъ Вѣдомостей" въ началѣ 70-хъ годовъ началось мое участіе и въ другомъ органѣ журналистики, къ сожалѣнію, скоро окончившееся съ моимъ отъѣздомъ за границу. Я разумѣю прекрасный народный журналъ того времени „Грамотей", Николая Ивановича Алябьева, который смогъ, при всѣхъ въ то время трудныхъ условіяхъ цензурнаго существованія журналовъ, издавать порядочное чтеніе для народа, давая въ журналѣ интересное и поучительное чтеніе и для большой публики. Въ этомъ журналѣ я познакомился со своимъ бывшимъ, какъ оказалось, по году посту-

пленія въ университетъ, товарищемъ, вышеупомянутымъ В. Ю. Скалономъ, съ которымъ продолжалъ добрыя отношенія до самой его рановременной кончины. До какой степени были тогда трудны условія для печати, можетъ представлять примѣръ именно одна изъ первыхъ работъ Василія Юрьевича для „Грамотея". По порученію Алябьева онъ составилъ хорошую и вполнѣ невинную компилятивную статью объ артеляхъ, но, увы, несмотря на всѣ старанія почтеннаго редактора, статья эта никогда не появилась на свѣтъ и была по распоряженію начальства сожжена какъ вредная, хотя я бы затруднился въ настоящее время указать подобную ей по полной своей невинности въ литературѣ по этому предмету!?..

Какъ разъ въ описываемое время мнѣ пришлось, уже собственно не имѣя никакой надобности въ заработкѣ, воспользоваться однако чьей-то вѣской рекомендаціей и занять мѣсто учителя съ отличнымъ вознагражденіемъ у брата моего товарища по университету, графа Камаровскаго. Этотъ урокъ, продолжавшійся что-то около года, памятенъ мнѣ тѣмъ, что онъ доставилъ возможность близко сойтись съ почтенной зажиточной и образованной семьей Камаровскихъ и ближе сдружиться и оцѣнить моего добрѣйшаго коллегу по университету Леонида Алексѣевича Камаровскаго. Это было первое семейство изъ знакомыхъ мнѣ, которое бывало нерѣдко за границей и своими разсказами о тамошней жизни и обычаяхъ поддерживало и косвенно развивало во мнѣ страстное желаніе поскорѣй попасть за границу родины и посмотрѣть иныхъ людей, иные порядки, иную природу: Dahin, dahin, wo die Citronen blühen, что вскорѣ, какъ мы увидимъ, и удалось.

Какъ разъ въ это время имѣлъ мѣсто извѣстный Нечаевскій политическій процессъ объ убійствѣ студента Иванова въ гротѣ Петровской Академіи и тайной организаціи. Этотъ самый крупный политическій процессъ того времени на моей памяти замѣчателенъ былъ для меня еще тѣмъ, что въ него попало много моихъ знакомыхъ, о занятіи которыхъ политикой я не малѣйше не подозрѣвалъ, между прочимъ большинство служащихъ въ библіотекѣ Черкесова, начиная съ Успенскаго, Волховскаго и Прыжова. Мнѣ оставалось только благословлять судьбу, что я сравнительно задолго уже прекратилъ съ этой компаніей знакомство, и кое-что непонятное прежде изъ ихъ разговоровъ и дѣйствій явилось для меня уже теперь въ другомъ освѣщеніи, например, видимое желаніе привлечь мои симпатіи къ ихъ кружку, что̀ совершенно не удалось. За то, къ сожалѣнію, имъ удалось испортить судьбу все-таки многихъ изъ лицъ зеленой молодежи, совершенно случайно попавшихъ въ ихъ компа-

нію. Помимо политической подкладки дѣло это было весьма гнусное само по себѣ: убійство молодого человѣка Иванова самымъ измѣнническимъ образомъ вслѣдствіе опасенія за его вѣрность тайному обществу. Я бы никогда не могъ счесть пригоднымъ для такого дѣла добраго Успенскаго и полагаю, что его воля въ этомъ случаѣ была совершенно атрофирована и поглощена политическимъ фанатизмомъ. Въ нашемъ обществѣ еще не привыкли тогда къ политическимъ дѣламъ, и господствовало убѣжденіе, что чистыя дѣла надо дѣлать чистыми средствами, а потому это убійство вызвало всеобщее отвращеніе и негодованіе противъ смѣшенія съ политикой обычной преступности, къ чему, обратно съ нынѣшнимъ, тогдашнее общество еще не привыкло.

Между тѣмъ два года оставленія моего при университетѣ со стипендіей приближались къ окончанію. Осенью 1871 года я обязанъ былъ по обычаю держать экзаменъ на магистра. Первымъ предстояло испытаніе по финансовому праву, главному предмету, а вторымъ—по политической экономіи и статистикѣ. Въ виду того, что все время я усердно занимался, прочелъ, дѣлая конспекты, самые главнѣйшіе, напримѣръ, учебники по финансамъ, и тоже самое продѣлывая по Рошеру, Рау и Джону Стюарту Миллю для политической экономіи, я нашелъ, что зналъ уже общія начала науки достаточно и былъ въ себѣ увѣренъ, такъ что прежней иногда трусливости и нервности передъ экзаменомъ, какъ во времена студенчества, у меня теперь совсѣмъ не было. Я явился на первый экзаменъ изъ финансовъ, который по обычаю происходилъ въ общемъ засѣданіи юридическаго факультета, совершенно спокойный. Мнѣ предложено было три вопроса, которые я, къ сожалѣнію, теперь забылъ. Помню только, что сюда входило положеніе бюджета главнѣйшихъ государствъ Европы, при чемъ я видимо импонировалъ и поразилъ, какъ они это откровенно заявили, членовъ факультета своей обширной памятью на цифры. Я приводилъ цѣлыя колонны сравнительныхъ цифръ по разнымъ источникамъ дохода и расхода въ разныхъ государствахъ и въ случаяхъ сомнѣнія давалъ нужныя объясненія. Ту же самую игру въ цифры, которая мнѣ давалась легко, благодаря тогда хорошей памяти, мнѣ пришлось до нѣкоторой степени повторить на экзаменѣ у Бабста по политической экономіи, по поводу, кажется, данныхъ о сравнительномъ населеніи по разнымъ державамъ. Въ обоихъ случаяхъ экзамены мои были признаны вполнѣ удовлетворительными, и я дождался наконецъ давно желаннаго вопроса, который формально въ этомъ случаѣ всегда повторяется: „Не желаю ли я для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ и писанія диссертаціи отправиться за границу въ та-

мошніе университеты и библіотеки?“ Само собою разумѣется, что я немедленно самымъ радостнымъ и, помню даже, отъ волненія дрожащимъ голосомъ заявилъ факультету, что именно этого я и желаю и возможно скорѣе, и получилъ тотчасъ отъ факультета обѣщаніе, въ виду отсутствія своихъ спеціальныхъ средствъ, хлопотать немедленно объ этомъ передъ Министромъ. Но, увы, я убѣдился скоро, что въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, не надо забывать мудрой русской поговорки: „на всякое хотѣніе есть терпѣніе“!

Черезъ два или три мѣсяца послѣ послѣдняго экзамена, секретарь факультета Соколовъ, съ которымъ я началъ часто видѣться по поводу печатанія своего кандидатскаго „разсужденія о незаконнорожденныхъ“, сообщилъ мнѣ съ огорченіемъ неудовлетворительный отвѣтъ Министра Народнаго Просвѣщенія, что по неимѣнію и расходованію-де всѣхъ средствъ по смѣтѣ текущаго года ни одинъ кандидатъ изъ оставленныхъ университетомъ, по финансамъ (Янжулъ) и политической экономіи (Чупровъ) командированы въ будущемъ году за границу быть не могутъ. Излишне при этомъ описывать всю степень моего огорченія, достаточно напомнить, что отрицательный отвѣтъ Министерства былъ невыгоденъ для меня и даже опасенъ вдвойнѣ. Во-первыхъ, онъ задерживалъ мою дальнѣйшую, такъ сказать, промоцію въ профессорскомъ званіи и писаніи диссертаціи, необходимой для полученія ученой степени, и во-вторыхъ, съ прекращеніемъ содержанія, которое было во время оставленія назначено мнѣ лишь на 2 года, я остался неопредѣленное время безъ всякаго содержанія... Когда я толковалъ по этому вопросу съ профессорами и съ лицами изъ университетской канцеляріи, то мнѣ для утѣшенія сообщали, что мой случай не первый, и что на будущій годъ могутъ опять отказать, что вообще при тогдашнихъ порядкахъ никто не слѣдилъ за тѣмъ, чтобы профессорскіе кандидаты были непремѣнно обезпечены въ содержаніи, и всегда они могутъ разсчитывать на сюрпризъ подобно моему, т. е. выдержать экзаменъ, въ срокъ исполнить свою обязанность и остаться безъ всякихъ средствъ къ дальнѣйшему существованію; почему мнѣ назвали тогда, помнится, цѣлый рядъ очень почтенныхъ именъ изъ членовъ суда и адвокатовъ, которые подѣлались вполнѣ удачными магистрантами, оставленными при университетѣ, и лишились затѣмъ содержанія! Измѣна въ нѣкоторомъ родѣ наукѣ и университету была для нихъ необходимымъ средствомъ спастись отъ голодной смерти. Мнѣ тоже въ это время обѣщали протекцію для поступленія въ какой-то банкъ. Чупровъ, къ счастью для университета, лишь временно занялъ мѣсто секретаря отдѣленія мануфактурнаго совѣта...

Между тѣмъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, отказъ мнѣ и Чупрову къ командировкѣ проистекалъ изъ чисто формальнаго, лишеннаго смысла основанія. Когда именно я пріѣхалъ черезъ годъ въ Петербургъ для полученія денегъ на командировку послѣ того, когда она состоялась, то одинъ изъ чиновъ, завѣдующихъ этимъ дѣломъ (г-нъ Икорниковъ), крайне любезный съ молодыми людьми, объяснилъ мнѣ запросто, что Министерство въ то время назначало командировки за границу для усовершенствованія молодыхъ людей, будущихъ профессоровъ, вовсе не по соображенію необходимости и нуждамъ отдѣльныхъ университетовъ, а по общему числу каждой спеціальности для всѣхъ русскихъ университетовъ вмѣстѣ взятыхъ. На мое несчастье, какъ разъ по такому странному подсчету, оказалось, что экономистовъ и финансистовъ въ Россіи было достаточно, хотя Московскій университетъ, въ виду престарѣлости профессоровъ, и нуждался въ таковыхъ вскорѣ, и вотъ деньги, которыя должны были быть отпущены на содержаніе экономистовъ, пошли на усиленіе цивилистовъ, а мы съ Чупровымъ должны были съ голоду едва не перемѣнить свою спеціальность и назначеніе!!

И вотъ, съ прекращеніемъ стипендіи и отказомъ въ командировкѣ, начинается новая и, къ счастью, послѣдняя моя голодовка. Въ погонѣ за наукой и профессурой, какъ-то случайно, всѣ уроки отошли, можетъ быть, потому, что въ предшествующее время, въ виду экзаменовъ, я отъ нихъ отказывался, чтобы сосредоточиться на приготовленіи. Нѣсколько мѣсяцевъ всѣ мои поиски за оплачиваемымъ дѣломъ и занятіемъ были тщетны. Съ газетами, этимъ новымъ занятіемъ, тоже почему-то не ладилось и пришлось около полъ-года, вспоминая старину, заниматься лишь по-прежнему обученіемъ „закладному праву", т. е. спускать закладчику все то, что было пріобрѣтено въ эпоху прежняго благополучія, и доводить свой туалетъ и прихоти до возможнаго минимума. Помню какъ разъ въ это тяжелое время, мой новый знакомецъ, милый А. И. Чупровъ, нанесшій мнѣ визитъ, вѣроятно чутьемъ догадался о моемъ невзрачномъ тогда положеніи и потащилъ къ себѣ „ѣсть пирогъ съ морковью". По всей вѣроятности, я очень поразилъ тогда его почтенную супругу Ольгу Егоровну, меня усердно угощавшую, своимъ огромнымъ аппетитомъ!!.

Неожиданно тогда меня выручилъ добрѣйшій профессоръ Иванъ Дмитріевичъ Бѣляевъ. Онъ слышалъ, вѣроятно, отъ товарищей о моемъ безденежномъ положеніи, или я ему сказалъ, какъ бы то ни было, самъ лично сдѣлалъ мнѣ предложеніе, не хочу ли я съ нимъ отправиться къ извѣстному редактору новаго журнала „Бесѣда",

Сергѣю Андреевичу Юрьеву, который его давно зазывалъ къ себѣ въ одну изъ его пятницъ,—извѣстные всей Москвѣ журфиксы Юрьева; можетъ быть, тамъ найдется для меня какое-нибудь дѣло, добавлялъ Иванъ Дмитріевичъ. Само собою разумѣется, что я съ радостью ухватился за это предложеніе, во всѣхъ отношеніяхъ для меня выгодное и интересное, которое мнѣ доставляло, кстати, большое знакомство въ тогдашнемъ московскомъ литературномъ кружкѣ. Въ ближайшую пятницу я явился къ Ивану Дмитріевичу. Мы усѣлись съ нимъ на „Ваньку" и съ одного конца Москвы—Новинскаго бульвара, потащились медленно на другой конецъ, на Мѣщанскую, близъ Сухаревой. Поэтому, вѣроятно, мы ѣхали довольно долго и опоздали, гостепріимные хоромы почтеннаго Сергѣя Андреевича были уже наполнены народомъ при нашемъ прибытіи, и мнѣ сразу пришлось познакомиться съ десятками мнѣ неизвѣстныхъ, но болѣе или менѣе интересныхъ лицъ. Хозяинъ съ лобызаніями принялъ профессора Бѣляева, съ радушной улыбкой протянулъ мнѣ руку и далъ сейчасъ же обѣщаніе, что постарается непремѣнно найти подходящее дѣло для молодого человѣка. Такимъ образомъ судьба моя, по крайней мѣрѣ на словахъ, была обезпечена, и я началъ каждую пятницу аккуратно посѣщать интереснѣйшіе для меня вечера Юрьева.

С. А. Юрьевъ—лицо столь извѣстное въ нашей литературѣ и спеціально въ Московской жизни, кончая еще существующимъ изданіемъ „Русской Мысли", что едва-ли предстоитъ надобность его много описывать. Истинный человѣкъ 40-хъ годовъ, съ довольно широкимъ, хотя несвязнымъ образованіемъ и съ гуманной душой, Сергѣй Андреевичъ былъ болѣе или менѣе знакомъ, а иногда даже и близокъ со многими изъ лучшихъ людей—своихъ современниковъ и пользовался всеобщимъ уваженіемъ и симпатіей. Великій защитникъ мира и гармоніи въ народѣ, или какъ онъ выражался, „хорового начала", дѣятельности общими объединенными силами, Сергѣй Андреевичъ даже у своихъ противниковъ вызывалъ симпатію, хотя бы и съ видомъ снисходительной улыбки, но любопытно было послушать и посмотрѣть, какъ онъ любовно бесѣдовалъ и таялъ съ натурами однородными съ нимъ, вродѣ Александра Ивановича Чупрова!!.. Всѣ свидѣтели ихъ, напримѣръ, встрѣчъ вспоминаютъ о нихъ одинаково растроганные, хотя всегда и подсмѣиваются надъ ихъ чрезвычайной у обоихъ разсѣянностью и отрѣшеніемъ отъ окружающихъ интересовъ. Этой послѣдней чертой, какъ извѣстно, разсѣянностью, славился Сергѣй Андреевичъ въ Москвѣ, какъ никто, и давалъ обильную пищу всѣмъ сатирическимъ листкамъ многочисленными анекдотами о своемъ недостаткѣ, какъ, напримѣръ, онъ искалъ

въ своемъ письменномъ столѣ присланную статью рукопись, имъ же давно уже напечатанную; какъ онъ въ гостяхъ у Писемскаго въ кабинетѣ, вмѣсто своей мохнатой безобразной шапки, схватилъ мирно лежавшую на диванѣ кошку и хотѣлъ надѣть ее на голову, и т. д., и т. д.!!! Онъ былъ очень близокъ и товарищъ по университету Алексѣя Θеофилактовича Писемскаго, преслѣдовавшаго всегда его за разсѣянность, а также съ А. Н. Островскимъ, Александромъ Ив. Кошелевымъ и множествомъ разнообразныхъ лицъ изъ ученой и пишущей братіи.

Когда Бѣляевъ познакомилъ меня съ Сергѣемъ Андреевичемъ, тотъ состоялъ редакторомъ ежемѣсячнаго журнала „Бесѣда", незадолго основаннаго на средства бывшаго откупщика, а позднѣе министра Царства Польскаго, извѣстнаго Александра Ивановича Кошелева. Журналъ былъ либеральный, отчасти съ славянофильскимъ оттѣнкомъ. Въ числѣ сотрудниковъ состоялъ Л. Н. Толстой, Алексѣй Θеофилактовичъ Писемскій, Воропоновъ, Чаевъ, Веселовскій, одинъ изъ Майковыхъ и многіе другіе. Первоначально „Бесѣда" шла довольно гладко и пользовалась значительнымъ успѣхомъ, но столкновенія съ цензурой съ одной стороны и несогласованность мнѣній лицъ, составлявшихъ редакціонное бюро между собой, приводили къ частымъ препирательствамъ и подготовляли будущій крахъ журнала.

У Юрьева началось у меня знакомство, во-первыхъ съ Кошелевымъ, который немедленно пригласилъ меня на свои вторники, гдѣ чинно собирались разные литературныя силы того времени, и познакомилъ также съ Писемскимъ, чему, впрочемъ, впослѣдствіи былъ другой поводъ въ лицѣ его второго сына юриста, нѣсколькими годами моложе меня. Тамъ же я познакомился съ Алексѣемъ Николаевичемъ Веселовскимъ, будущимъ моимъ хорошимъ пріятелемъ, А. А. Майковымъ, С. П. Миропольскимъ, съ Николаемъ Владиміровичемъ Лысцевымъ и наконецъ съ столь извѣстнымъ нынѣ въ Петербургѣ, какъ предсѣдатель Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, Николаемъ Яковлевичемъ Сонинымъ, тогда подобно мнѣ молодымъ магистрантомъ, математикомъ, годомъ, кажется, кончившимъ раньше меня, и впослѣдствіи продолжительное время состоявшимъ профессоромъ Варшавскаго университета, изъ котораго очень желалъ уйти. Изъ всѣхъ этихъ лицъ особенно важно для меня было знакомство съ Писемскимъ, котораго я съ тѣхъ поръ началъ регулярно посѣщать и охотно съ нимъ бесѣдовалъ о разныхъ литературныхъ вопросахъ и его воспоминаніяхъ. У него же я нѣсколько разъ обѣдалъ съ А. Н. Островскимъ, познакомился съ историкомъ Н. И. Костомаровымъ и извѣстной нашей

дѣятельницей въ Лондонѣ г-жей Новиковой, которая, узнавши, что я навѣщаю часто Лондонъ, усердно къ себѣ зазывала, хотя я, къ сожалѣнію, этимъ приглашеніемъ не воспользовался.

Какъ оказалось вскорѣ, во время Герцоговинскаго возстанія и сербской войны съ Турціей, у насъ явился довольно неожиданно съ Писемскимъ пунктъ сближенія. Обратно съ С. А. Юрьевымъ и съ компаніей Кошелева, Алексѣй Ѳеофилактовичъ очень усердно говорилъ противъ всякаго русскаго вмѣшательства въ славянскія дѣла, доказывая, что таковое составляетъ грубую опасную ошибку и можетъ привести Россію, какъ это впослѣдствіи и подтвердилось, лишь къ невыгоднымъ для нея войнѣ и большимъ потерямъ. Я горячо всю свою жизнь стоялъ за такое же „laisser faire—laisser aller“ въ славянскихъ дѣлахъ и очень обрадовался, найдя въ сравнительно старомъ представителѣ литературы единомышленника. Но, какъ извѣстно, старыя ошибки не только очень часто имѣютъ свойство повторяться, но и приносятъ долго самые вредные плоды. Въ настоящее время на нашихъ глазахъ произошло присоединеніе Босніи и Герцоговины къ Австрійской Имперіи, т. е. одинъ изъ самыхъ для насъ постыдныхъ результатовъ ошибокъ нашего вмѣшательства въ чужія дѣла въ 70-хъ годахъ; и тѣмъ не менѣе въ прошломъ только году это не помѣшало забавному славянскому съѣзду въ Прагѣ съ братаніями и фантастическими, крайне опасными для насъ, ни на чемъ не обоснованными завѣреніями фиктивной славянской взаимности и несуществующей любви, которая ссоритъ насъ съ сосѣдями и вредитъ многимъ нашимъ существеннымъ интересамъ!!. Изъ-за славянъ до сихъ поръ мы ничего, кромѣ крупныхъ расходовъ деньгами и кровью, не имѣли, никакой же выгоды или пользы рѣшительно не получили!!. А. Ѳ. Писемскій въ то время, утверждаю я, былъ со мной солидаренъ, и это очень тѣшило молодого человѣка.

Помимо моихъ знакомствъ, я получилъ также въ „Бесѣдѣ“ работу и интересное знакомство съ самимъ С. А. Юрьевымъ, отъ котораго я узналъ и услышалъ весьма многое. Особенно памятны его собесѣдованія о Шекспирѣ, всегда близкомъ моему сердцу, и о игрѣ въ Шекспировскихъ пьесахъ особенно знаменитаго нѣкогда артиста Московскаго театра Мочалова. Здѣсь С. А. былъ незамѣнимымъ безцѣннымъ разсказчикомъ, трогалъ своими вспоминаніями до слезъ и хотя никакой фальши или ломки онъ себѣ не позволялъ, но описаніе его игры Мочалова въ „Гамлетѣ“ глубоко потрясало слушателей.

Кромѣ „Бесѣды“ у меня какъ разъ въ это время образовалось весьма тѣсное знакомство съ однимъ интереснымъ человѣкомъ,

именно Николаемъ Михайловичемъ Богомоловымъ, литераторомъ, замѣчательно способнымъ и энциклопедически образованнымъ. Мы съ нимъ сошлись, вѣроятно, черезъ Лысцева, сотрудника „Бесѣды" или черезъ извѣстнаго народника и разсказчика Нефедова, впослѣдствіи редактора „Русскаго Курьера". Знакомство съ Николаемъ Михайловичемъ изъ всѣхъ моихъ сближеній того времени едва-ли не являлось наиболѣе удачнымъ (не говоря о Чупровѣ, съ которымъ я сближался очень медленно). Н. М. былъ человѣкъ въ высшей степени интересный по своей наблюдательности и знанію жизни и всякихъ житейскихъ отношеній вмѣстѣ съ хорошей научной подготовкой въ своей молодости. Происходя изъ богатой купеческой семьи, онъ отлично былъ подготовленъ въ смыслѣ знанія языковъ и велъ довольно широкій образъ жизни, пока не постигла катастрофа его родителей. Они внезапно обанкротились, и онъ явился уже скромнымъ студентомъ Харьковскаго университета, но и тутъ горячая вспыльчивая натура, а можетъ быть и раннія привычки помѣшали покойной жизни; за какой-то скандалъ противъ попечителя онъ былъ изгнанъ изъ университета, а затѣмъ, какъ бывшій стипендіатъ, назначенъ въ маленькій захолустный городокъ Тамбовской губерніи уѣзднымъ учителемъ. Нѣсколько лѣтъ пробывши въ этой должности, онъ возненавидѣлъ провинцію и свое занятіе и едва отъ него былъ освобожденъ, какъ отправился въ столицу и перемѣнилъ тамъ цѣлый рядъ профессій самыхъ разнообразныхъ, пока въ концѣ концовъ сосредоточился на одномъ, на журналистикѣ.

Сдѣлавшись газетчикомъ, Богомоловъ скоро пріобрѣлъ въ этомъ званіи значительный успѣхъ и извѣстность. Онъ создалъ и долго велъ, напримѣръ, въ извѣстномъ „Голосѣ" спеціальный земскій отдѣлъ, для чего постоянно читалъ массу провинціальныхъ газетъ и поражалъ знаніемъ всякихъ безобразій, происходящихъ по широкому лицу Россіи. Въ общемъ онъ перемѣнилъ много редакцій и много газетъ, уже въ короткое время нѣсколькихъ немногихъ лѣтъ знакомства со мной, и умеръ относительно рано, оставивши по себѣ всеобщее сожалѣніе и хорошую память. Во время такъ называемой Политехнической выставки въ Москвѣ въ 1872 году Н. М. Богомоловъ состоялъ въ созданной по его иниціативѣ первой народной читальнѣ на Лубянской площади около перваго народнаго театра покойнаго Ѳедотова. Разумѣется, теперь иниціатива и обязанности такого рода въ народной читальнѣ не представляютъ ровно ничего особеннаго, но тогда, въ то мрачное вообще время, которое Россія переживала, всеобщей боязни въ правительственныхъ кругахъ народнаго образованія, дѣятельность Н. М. по народной читальнѣ, стремленіе ее создать, улучшить, если возможно, превратить въ постоянную;—несомнѣнно подтвер-

дятъ всѣ знавшіе его,—являлось до нѣкоторой степени подвигомъ.

Участіе мое въ „Бесѣдѣ“ Юрьева продолжалось всего только нѣсколько мѣсяцевъ, преимущественно весной 1872 года, такъ какъ я скоро началъ подходящій заработокъ и не могъ много посвящать времени на писаніе статей. Главный мой трудъ въ „Бесѣдѣ“ имѣлъ до нѣкоторой степени образовательное значеніе для меня самого; приводя нѣсколько въ порядокъ изложеніе и содержаніе очень солидной вышедшей тогда книги, „Прусскіе финансы“ Заблоцкаго-Десятовскаго параллельно съ русскими финансами, при полномъ въ тѣ времена молчаніи большей частью обо всѣхъ серьезныхъ финансовыхъ и экономическихъ вопросахъ въ Россіи, мои экскурсіи по этому поводу были не безъ значенія и обращали въ свое время вниманіе, хотя большинство не знаетъ до сихъ поръ автора ихъ. Всѣ мои статьи въ „Бесѣдѣ“ подписывались вмѣсто псевдонима именемъ „*Всеволодъ Юргановъ*“, имя и фамилія мужа младшей сестры моей Маріи, въ это время только что вышедшей замужъ за лицо, съ которымъ я очень подружился и искренно полюбилъ. Это собственно и было моей наибольшей работой въ журналѣ; сверхъ того были помѣщены, помнится, нѣсколько статей по статистикѣ и по разнымъ вопросамъ болѣе мелкимъ.

Но помимо развившихся литературныхъ связей и литературной работы, послѣдніе годы моего пребыванія въ Москвѣ передъ командировкой за границу, у меня неожиданно явилось чисто педагогическое дѣло, очень полезное для моей будущей дѣятельности въ качествѣ университетскаго профессора. Однажды въ началѣ 70-хъ годовъ, зашелъ ко мнѣ внезапно одинъ изъ моихъ пріятелей, студентъ естественнаго факультета Прокудинъ, хорошо знакомый съ проф. Архиповымъ, и передалъ мнѣ отъ него приглашеніе посѣтить его для бесѣды по одному дѣлу. Именно, слыша обо мнѣ съ разныхъ сторонъ, какъ объ юномъ начинающемъ экономистѣ, недурно знакомомъ съ статистикой, Архиповъ хотѣлъ предложить мнѣ отъ имени Московскаго Техническаго училища занять временно каѳедру по статистикѣ. Каѳедра эта хотя и существовала, но въ штатъ не входила, а лишь по вольному найму и оплачивалась очень умѣренно, что-то 300 или 400 рублей, что̀ могло быть достаточно лишь для молодого человѣка, вродѣ меня.

Я немедленно явился на приглашеніе и, видимо, понравился Архипову и посѣтилъ съ нимъ тотчасъ директора тогдашняго училища Де-ла-Воза, извѣстнаго ученаго техника. Оказалось, дѣла у меня тамъ предстояло собственно не много, лишь 2 часа въ недѣлю и при томъ на одинъ день, но надо было составить курсъ статистики,

по возможности промышленной, и два раза, кажется не менѣе, въ годъ посвящать нѣсколько часовъ на репетиціи. Я принялъ предложенныя мнѣ условія вознагражденія и вскорѣ же открылъ свой курсъ въ послѣднемъ классѣ передъ маленькой сравнительно аудиторіей въ 10—15 человѣкъ, совершенно взрослыхъ юношей вродѣ меня самого, если не старше.

Я оставался преподавателемъ, или, какъ для пышности называли, профессоромъ Техническаго училища вплоть до самой командировки во второй половинѣ 1872 года, что-то около 2-хъ лѣтъ. Я считаю, что принятіе на себя этихъ занятій въ Императорскомъ Техническомъ училищѣ оказалось въ высшей степени плодотворнымъ и полезнымъ для моей будущей роли университетскаго профессора и даже до нѣкоторой степени предопредѣлило характеръ моей спеціализаціи. Во-первыхъ, я выучился нѣсколько говорить и держать себя передъ публикой, что̀ было очень удобно въ виду малаго количества въ училищѣ слушателей; во-вторыхъ, я научился вдумчиво относиться къ слушателямъ; по ихъ лицамъ и изъ бесѣдъ съ ними въ антрактахъ и на репетиціяхъ, я скоро и быстро узнавалъ, что для нихъ полезно и интересно и что нѣтъ, и сообразно съ этимъ передѣлывалъ, добавлялъ или измѣнялъ свое изложеніе и направленіе курса. Въ виду спеціальной цѣли Техническаго училища выпускать дѣятелей промышленности, за необходимымъ лишь сокращеннымъ изложеніемъ популиціонистики, преимущественно обратилъ вниманіе на промышленность въ строгомъ смыслѣ слова, сопровождая свое изложеніе изрѣдка картами и діаграммами. Въ цѣломъ, казалось мнѣ, мой курсъ имѣлъ у молодежи нѣкоторый успѣхъ, вызывая ихъ интересъ къ бесѣдамъ и объясненіямъ.

Кромѣ того чтеніе лекцій статистики заставило меня для скудной тогда библіотеки училища покупать довольно много книгъ и самому читать ихъ, а черезъ это расширялась моя собственная спеціальность и общая подготовка и знаніе. Я болѣе и болѣе заинтересовывался вопросами промышленности и торговли и въ этомъ смыслѣ удержалъ соотвѣтствующіе вкусы въ области финансовъ и экономіи на цѣлую мою жизнь.

Наконецъ, занятія мои въ Техническомъ училищѣ принесли мнѣ неожиданно извѣстную пользу въ моемъ будущемъ дѣлѣ, о которомъ я не могъ предвидѣть тогда, а именно, когда впослѣдствіи я сдѣлался московскимъ фабричнымъ инспекторомъ, то мнѣ пришлось нѣсколько разъ встрѣчать на разныхъ фабрикахъ своихъ бывшихъ учениковъ, которые добро ко мнѣ относились и тѣмъ облегчали исполненіе моихъ инспекторскихъ обязанностей и расширяли знакомство съ фабричнымъ бытомъ.

Къ сожалѣнію, въ жизни часто оправдывается русская поговорка: „Не бывать бы счастью, да несчастье помогло“, и несчастье другого лица совершенно измѣняетъ нерѣдко чужую судьбу! Какъ я упомянулъ раньше, мнѣ было отказано Министерствомъ въ стипендіи, потому что Министерство нашло желательнымъ употребить эту сумму на командировку цивилиста магистранта Умова по гражданскому праву, какъ внезапно въ Московскомъ университетѣ умеръ профессоръ этого предмета Никольскій, и по просьбѣ факультета, ввиду важности этого предмета, отнюдь невозможнымъ оказалась какая-либо манкировка и пропуски, почему Умовъ, получившій стипендію, отказался отъ нея ради немедленнаго вступленія исправляющимъ должность профессора и замѣщенія каѳедры; такимъ образомъ сумма, необходимая для командировки молодого человѣка за границу, освободилась этимъ путемъ, и университетъ опять повторилъ свою просьбу и указаніе, во-первыхъ, на меня, а во-вторыхъ, Чупрова на какую-то другую подобнымъ образомъ освободившуюся стипендію. И вотъ благодаря такой случайности наконецъ Министерство Просвѣщенія было поставлено въ необходимость исполнить ходатайство университета, и въ августѣ 1872 г. мы оба, я и Чупровъ, однимъ указомъ, были командированы на два года за границу.

Я помню, я сладко спалъ утромъ, когда меня разбудилъ внезапно мой пріятель, студентъ Макаровъ, наканунѣ поздно ночью гдѣ-то видѣвшій въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, случайно попавшихъ ему въ руки, объявленіе о моей командировкѣ. Рано утромъ онъ успѣлъ найти номеръ этой газеты и съ радостнымъ извѣстіемъ въ рукахъ появился въ моей квартиркѣ, въ Леонтьевскомъ переулкѣ. Это былъ одинъ изъ самыхъ счастливыхъ дней моей жизни, такъ какъ моя мечта о заграничномъ путешествіи и университетахъ волновала меня чуть не цѣлую жизнь. Удостовѣрившись черезъ секретаря факультета о всѣхъ тѣхъ формальностяхъ, „Сциллахъ“ и „Харибдахъ“, которыя предстояло мнѣ пройти, раньше, чѣмъ я получу заграничный паспортъ по случаю командировки и необходимыя деньги, я узналъ, что наилучшій способъ сократить хлопоты, „взять быка за рога“, отправиться прямо въ Петербургъ и явиться въ Министерство. Такъ я и сдѣлалъ, устроивши весьма легко свое несложное студенческое имущество и ликвидировавши свои обязанности въ Техническомъ училищѣ (уроковъ въ это время у меня уже не было); я повидался съ Чупровымъ и условились, что встрѣтимся съ нимъ въ началѣ зимняго семестра, въ октябрѣ, въ Лейпцигѣ, гдѣ раньше пріѣхавшій долженъ отыскивать другого. Я отправился затѣмъ въ Петербургъ.

Появленіе мое въ Министерствѣ оказалось по такому случаю

довольно обычнымъ. Завѣдующій этимъ дѣломъ, помнится мнѣ, г. Икорниковъ, былъ добрѣйшимъ лицомъ, который съ большой охотой возился съ выполненіемъ всѣхъ формальностей, необходимыхъ для полученія третного жалованья впередъ (полторы тысячи въ годъ) и иностраннаго паспорта. Послѣднее мнѣ дало возможность, ради быстроты дѣла, представиться и просить ускоренія процедуры у Трепова, тогдашняго градоначальника, который отнесся ко мнѣ вполнѣ прилично и обязательно. Первое происходило, кажется, въ Государственномъ Казначействѣ, гдѣ я получалъ деньги, и гдѣ нашлись какіе-то, будто бы, мои товарищи, московскіе студенты между служащими помогавшіе и ускорявшіе также процедуру полученія. Тутъ произошло смѣшное „qui pro quo“, вызванное разницей, очевидно, Петербургскихъ и Московскихъ нравовъ. На радостяхъ я пригласилъ бывшихъ товарищей въ ближайшій трактиръ выпить и закусить, предполагая по Московскому студенческому обычаю, что выпивка можетъ состоять только изъ водки или изъ пива. Вообразите же мое удивленіе и даже ужасъ, когда мои гости, вмѣсто невинныхъ студенческихъ напитковъ, стали преспокойно заказывать нѣсколько бутылокъ разнаго шампанскаго, котораго я никогда въ тѣ времена еще не пробовалъ, по крайней мѣрѣ, на собственныя деньги. Разумѣется, такое угощеніе сразу значительно сократило бы возможность моей командировки и полученныя маленькія деньжонки скоро растаяли бы. Мнѣ пришлось первый разъ съ роду быть настойчивымъ и рѣзкимъ съ подобными нахалами и отказаться отъ такихъ Петербургскихъ товарищей на чужой карманъ, и случай этотъ долго меня волновалъ.

Окончивши въ нѣсколько дней всѣ свои хлопоты въ Петербургѣ и обдумавши заранѣе весь ходъ своего предстоящаго путешествія, я вернулся радостный и счастливый въ Москву. Согласно выданной мнѣ, да и Чупрову, кажется, инструкціи отъ факультета для нашей заграничной командировки, мы оба обязаны были начать наши занятія съ главы исторической школы Рошера въ Лейпцигѣ, затѣмъ на выборъ посѣтить еще одинъ изъ указанныхъ Германскихъ университетовъ, съ болѣе извѣстными профессорами, напримѣръ, Книса въ Гейдельбергѣ, Бемерта въ Цюрихѣ и т. д., заняться писаніемъ диссертаціи въ библіотекахъ и изученіемъ соотвѣтствующихъ учрежденій въ Лондонѣ и Парижѣ. Въ общемъ программа была весьма широкая и предоставляла намъ большую свободу. Первымъ этапомъ нашего путешествія необходимо былъ Лейпцигъ. Послѣднее имѣло для меня особенное удобство, хотя я тогда и не могъ предвидѣть, какое огромное вліяніе и значеніе на всю мою жизнь будетъ имѣть это путешествіе. Какъ извѣстно, Лейпцигъ находится въ 2-хъ, 3-хъ

часахъ разстоянія отъ столицы Саксоніи, Дрездена, гдѣ у меня былъ мой знакомый по „Бесѣдѣ" упомянутый выше Лысцевъ, недавно туда уѣхавшій на урокъ. Онъ писалъ мнѣ самыя соблазнительныя письма съ восхваленіемъ „Сѣверныхъ Аѳинъ", какъ саксонцы называютъ иногда свою столицу, прелести ея окрестностей, богатыхъ собраній искусствъ, дешевизны жизни и разнородныхъ удобствъ.

Всего лишь за мѣсяцъ до моей собственной поѣздки, я случайно встрѣтилъ на улицѣ одного моего знакомаго по Ржеву, помѣщика Клокачева, которому сдѣлалъ однажды маленькое одолженіе, напечатавъ въ защиту его противъ интригъ, поднятыхъ мѣстными ретроградами, небольшую корреспонденцію въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" по хорошо извѣстному мнѣ случаю и лицамъ. Николай Павловичъ Клокачевъ, пріѣхавши въ Москву, счелъ долгомъ вѣжливости мнѣ нанести визитъ въ моемъ скромномъ студенческомъ обиталищѣ, чтобы поблагодарить за эту помощь въ его дѣлѣ, и пригласилъ въ то же время сдѣлать честь, отобѣдать у него въ гостиницѣ. Я исполнилъ его желаніе и явился въ московскую гостиницу, гдѣ онъ остановился, гдѣ мы должны были обѣдать, и гдѣ нашелъ его вдвоемъ съ неизвѣстнымъ мнѣ пожилымъ господиномъ, который былъ мнѣ отрекомендованъ Клокачевымъ, какъ его хорошій пріятель, землякъ, тверской помѣщикъ и адвокатъ Вельяшевъ. Мы вмѣстѣ отобѣдали и провели очень пріятно нѣсколько часовъ, бесѣдуя, при чемъ г. Вельяшевъ оказался лицомъ много путешествовавшимъ, разсказывалъ мнѣ за обѣдомъ много интереснаго о загряницѣ. Между прочимъ онъ сообщилъ, что его семья, ради болѣе удобнаго и хорошаго воспитанія дѣтей, проживаетъ постоянно въ Дрезденѣ, и очень восхвалялъ этотъ городъ, какъ оказалось, ему хорошо извѣстный. Послѣдствія показали, сколь для меня важнымъ оказалось это случайное знакомство!

Вскорѣ же послѣ моего возвращенія въ Москву, я былъ готовъ съ ней опять проститься и отправиться въ свое двухлѣтнее путешествіе за границу, но тутъ случилось маленькое обстоятельство, которое задержало мой окончательный отъѣздъ, или скорѣе выѣздъ изъ Россіи. Вмѣстѣ съ моимъ братомъ Николаемъ (нынѣ отставной генералъ-лейтенантъ) я отказался незадолго до свадьбы моей младшей сестры Маріи съ г. Юргановымъ отъ своей доли въ наслѣдствѣ въ ея пользу, послѣ процесса, который велся много лѣтъ въ Малороссіи съ дядей и передъ этимъ закончился. Надо было вступить во владѣніе наслѣдствомъ, безъ чего нельзя было продать имѣнія; и вотъ по настоятельной просьбѣ Юргановыхъ я рѣшился пожертвовать нѣсколькими недѣлями своего времени и поѣхать первый разъ съ

роду въ нашу „Дидовщину“, Черниговской губерніи, въ село Янжуловку, Новозыбковскаго уѣзда, по этому дѣлу.

Я не буду описывать своихъ судебныхъ и дорожныхъ приключеній въ уголкѣ Малороссіи, которыя не представляютъ ничего особеннаго и для насъ русскихъ неизвѣстнаго, вродѣ мелкихъ взятокъ служащимъ, еврейскихъ корчемъ съ тараканами и клопами и ужасныхъ рытвинъ на дорогахъ, особенно въ Рославльскомъ уѣздѣ, черезъ который пришлось мнѣ проѣзжать продолжительное время. Прошло въ дѣйствительности не менѣе трехъ недѣль, пока я не продѣлалъ канцелярскихъ и иныхъ формальностей по вводу во владѣніе, по писанію довѣренностей и т. д., по распоряженію наличнымъ имуществомъ и вступилъ юридически во владѣніе своимъ наслѣдствомъ, чтобы передать всѣ права на хлопоты съ нимъ моему зятю В. И. Юрганову.

Дальше я тронулся прямо въ путь, въ столь желанную заграницу, хотя изъ Малороссіи собственно путь былъ вовсе не прямымъ. По какой-то причинѣ, мнѣ теперь неясной, вѣроятно, по несоотвѣтствію поѣздовъ изъ Рославля, вмѣсто того, чтобы ѣхать на Смоленскъ и по Варшавской дорогѣ черезъ Варшаву въ Дрезденъ, куда я намѣревался отправиться, я поѣхалъ нѣсколько окружнымъ путемъ на Динабургъ и оттуда уже свернулъ на Варшавскую дорогу. Припоминаю, какъ уже въ Западномъ краѣ и Царствѣ Польскомъ многое меня поражало, особенно въ архитектурномъ отношеніи, постройка домовъ и черепичатыя крыши. Съ переѣздомъ русской границы, въ Сосновицахъ, гдѣ впослѣдствіи мнѣ пришлось бывать много разъ и даже временно проживать, особенно широко открылось поле для моей наблюдательности и первыхъ попытокъ объясняться по-нѣмецки, чему оказывали помощь всесвѣтные граждане, евреи попутчики, одинаково бѣгло говорившіе на обоихъ языкахъ. Помню, вечеромъ, въ августѣ, пріѣхалъ я въ Дрезденъ и остановился въ маленькой гостинницѣ, по указанію своего пріятеля Лысцева, съ которымъ предварительно списывался и затѣмъ, по привычкѣ къ экономіи, немедленно отыскавши его, принялся пріискивать болѣе прочное и дешевое помѣщеніе въ видѣ меблированныхъ комнатъ, что вскорѣ и нашелъ. Согласно данной мнѣ университетомъ инструкціи, я долженъ былъ, какъ упомянуто выше, штудировать первоначально въ Лейпцигскомъ университетѣ, но съ августа по начало октября въ Германіи продолжаются феріи, т. е. университетскій вакатъ, и я, будучи свободенъ отъ университетскихъ занятій, хотѣлъ воспользоваться временемъ для наилучшаго усвоенія разговорнаго нѣмецкаго языка. Черезъ знакомство Лысцева, я скоро нашелъ себѣ учителя для нѣмецкихъ разговоровъ въ лицѣ одного

познанскаго поляка студента Стычинскаго, который за какую-то очень скромную плату согласился приходить ко мнѣ ежедневно для упражненія въ нѣмецкомъ разговорѣ, часа на два или на три, и дѣло пошло довольно быстро.

Въ то же самое время я началъ знакомиться въ Дрезденѣ, предполагая провести въ немъ до начала октября, съ тамошними россіянами, которыхъ въ то время жило въ Дрезденѣ большое количество. Какъ я слышалъ отъ мѣстнаго русскаго священника о. Розанова, что въ то время постоянно проживало русскихъ семействъ и числилось его прихожанами болѣе 600, т. е. постоянное русское населеніе въ Дрезденѣ простиралось до нѣсколькихъ тысячъ. Постоянной собственной русской церкви тогда еще не было, но была лишь наемная на одной изъ новыхъ улицъ города, но уже шли приготовленія къ постройкѣ постоянной церкви, которая вскорѣ и была начата и до сихъ поръ стоитъ въ Дрезденѣ, считаясь по красотѣ однимъ изъ украшеній города. Въ высшей степени курьезно, что русское постоянное населеніе, столь значительное, какъ я говорилъ раньше, оставалось въ Дрезденѣ, какъ и во многихъ другихъ иностранныхъ городахъ, лишь сравнительно короткое время, какіе-нибудь два года. Съ 1874 года, вслѣдъ за установленіемъ въ Россіи всеобщей воинской повинности для всѣхъ сословій, масса русскихъ, постояннаго населенія за границей, въ томъ числѣ и въ Дрезденѣ, обратились вспять на родину, и русская рѣчь и русскія вывѣски и все русское сдѣлались въ Дрезденѣ относительно рѣдкостью, и все число проживающихъ, вмѣсто многихъ сотъ, ограничилось лишь нѣсколькими десятками и то большей частью уже значительно онѣмечившихся русскихъ или прямо нѣмцевъ, остальные, ради участи своихъ дѣтей, поспѣшили вернуться восвояси и опредѣлить ихъ въ русскія казенныя заведенія, вмѣсто иностранныхъ, не имѣвшихъ, какъ извѣстно, правъ на льготу по воинской повинности. Но въ это, именно, время, когда надобность въ особенной постоянной русской церкви прекратилась, и частные рессурсы для ея поддержанія изсякли, какъ разъ въ 1874 году и явилась постоянная русская церковь, благополучно стоящая до настоящаго времени, и содержаніе клира которой обходится не мало русскому государственному казначейству!..

Между новыми моими знакомыми оказался одинъ юноша, сынъ Н. В. Вельяшева, ржевскаго адвоката, съ которымъ я обѣдалъ, какъ раньше говорилъ, однажды въ Москвѣ съ Клокачевымъ. Черезъ нѣсколько дней молодой человѣкъ принесъ мнѣ отъ отца, въ это время бывшаго въ Дрезденѣ, приглашеніе посѣтить его семейство, жившее постоянно, какъ упоминалось раньше, въ Дрезденѣ, для воспи-

танія дѣтей, говоря, что онъ радъ будетъ случаю, скоро возвращаясь въ Россію, познакомить меня лично съ семьей до отъѣзда. Я немедленно откликнулся на любезное приглашеніе, явился къ г-ну Вельяшеву и такимъ образомъ познакомился съ его семействомъ, довольно многолюднымъ, которое мнѣ чрезвычайно понравилось. Оно состояло изъ его жены, пожилой дамы и другой старушки, нѣкоей Пустороcлевой, друга дома, постоянно у нихъ живущей, и четырехъ дѣтей: дочери, молодой дѣвушки и трехъ мальчиковъ разнаго возраста. Приняли меня просто и радушно. Семья ихъ, съ хорошими, интеллигентными вкусами, дѣти съ порядочнымъ, видимо, образованіемъ, и двѣ добрѣйшія старушки, напомнили мнѣ живо мою старую семейную жизнь, которой я къ сожалѣнію много лѣтъ своего студенчества и слѣдующее время былъ лишенъ, за смертью родителей. Особенно завоевала мои симпатіи старушка мать, Софія Константиновна, образецъ преданности и любви къ семейству, цѣлый день усердно занятая своими дѣтьми, ихъ интересами; и затѣмъ, долженъ сознаться, мнѣ какъ-то сразу приглянулась юная дѣвица въ этой семьѣ, Екатерина Николаевна, которой судьбой суждено было впослѣдствіи сдѣлаться моей женой. Маленькій лукавый божокъ, играющій по греческой миѳологіи самую важную роль въ сближеніи особъ двухъ половъ, ранилъ мое сердце совершенно для меня неожиданно и незамѣтно. Весьма скоро, черезъ нѣсколько недѣль я началъ уже себя чувствовать не по себѣ, долго не видя и не бесѣдуя съ кѣмъ-либо изъ семьи Вельяшевыхъ, и во всѣхъ этихъ бесѣдахъ и свиданіяхъ, какъ-то противъ воли, главную роль стала играть маленькая фигурка этой дѣвицы.

Черезъ два мѣсяца, однако, согласно своей инструкціи, я распрощался со своими Дрезденскими знакомыми съ обѣщаніемъ навѣщать ихъ почаще изъ Лейпцига, лежащаго всего въ 3 часахъ разстоянія, и отправился въ этотъ университетскій городъ, гдѣ долженъ былъ впервые предстать передъ очами представителей германской науки. Очень скоро ко мнѣ присоединились, сначала Макаровъ, русскій магистрантъ Московскаго университета, молодой человѣкъ, моложе меня, затѣмъ пріѣхалъ уже, къ большому моему удовольствію, А. И. Чупровъ, засталъ насъ съ Макаровымъ еще въ гостиницѣ, и мы [illegible]ѣстно пустились въ поиски помѣщенія. Мы скоро нашли себ[illegible]ь чистенькія и комфортабельныя комнатки, я вмѣстѣ съ Мак[illegible]ымъ у одного отставного учителя (Lehrer emeritus), Карла Лёш[illegible]ра (Löscher), котораго мы скоро переименовали по-русски и онъ отлично откликался на „Карла Михайловича“, съ почтенной супругой, очень хорошей хозяйкой, иногда насъ кормившей, потому

что постоянно мы предпочитали обѣдать въ ресторанѣ, а Чупровъ съ женой, очень почтенной дамой, нѣсколько строго относившейся къ намъ, сравнительно молодымъ людямъ, ко мнѣ и Макарову, Ольгой Егоровной, скоро переименованной нами просто въ Frau Professor, нашли помѣщеніе у одного музыканта, или какъ его заочно, нѣсколько презрительно, называлъ Лешеръ „музикусъ", какого-то мелкаго музыканта изъ театральнаго оркестра. Моя квартира съ Макаровымъ представляла нѣкоторыя преимущества, была обширнѣе, и хозяинъ добродушнѣе и образованнѣе. Почтенный старикъ, которому не было никакого дѣла, и который, для перваго начала, заполучивши добродушныхъ русскихъ юношей къ себѣ въ домъ, высказалъ желаніе подучиться по-русски, что по его мнѣнію представлялось ему легкимъ, въ виду будто бы его знакомства съ греческимъ языкомъ въ школѣ, и за это началъ изощрять насъ въ нѣмецкихъ разговорахъ! Чупровъ очень скоро также подружился съ нашимъ хозяиномъ, и мы проводили очень пріятно время сообща за бесѣдой и знакомились съ городомъ и со всѣмъ интереснымъ. „Музикусъ" же обратно съ Карломъ Михайловичемъ постоянно отсутствовалъ, его никто почти не видалъ.

Вмѣстѣ также съ А. И., а можетъ быть онъ и раньше меня, мы запаслись университетскими программами и рѣшили сообща записаться для перваго начала на текущій семестръ на небольшое число курсовъ. Я записался вмѣстѣ съ Чупровымъ именно къ Рошеру на теорію политической экономіи и ученіе о финансахъ и Кнаппу, private, рабочій вопросъ. Чупровъ записался еще на какой то другой курсъ въ области экономической политики. Курсъ финансовъ Рошера, не-смотря на зимній семестръ, начинался поразительно рано, для русскихъ лѣнивыхъ привычекъ, въ семь часовъ утра, и требовалась большая, съ моей стороны, сила воли, чтобы являться такъ рано въ университетъ. Черезъ два часа, въ девять—читался его же курсъ политической экономіи, на который обычно являлся Александръ Ивановичъ, и такимъ образомъ мы съ нимъ каждый день встрѣчались. Еще болѣе, впрочемъ, насъ, какъ русскихъ студентовъ, привлекалъ запретный тогда у насъ плодъ—рабочій вопросъ. Кнаппъ вполнѣ хорошо знакомилъ насъ съ развитіемъ рабочаго вопроса въ главнѣйшихъ странахъ и прочими ученіями, такъ называемыхъ, соціалистовъ. Я уже слышалъ раньше имена Брентано и Шмоллера, но на лекціяхъ Кнаппа въ первый разъ познакомился съ нѣкоторыми ихъ изслѣдованіями и выводами и заинтересовался ими болѣе серьезно. Кнаппъ читалъ съ нѣкоторымъ жаромъ, очень живо и занимательно, несмотря на то, что имѣлъ лишь весьма ограниченную аудиторію, человѣкъ 50—70 слушателей, большею частью

иностранцевъ, судя по языкамъ разговора. Мы нерѣдко у него передъ лекціей слышали всевозможные языки, начиная съ русскаго и оканчивая венгерскимъ и новогреческимъ. Какъ теперь помню, когда однажды Чупровъ выразилъ кому-то изъ товарищей студентовъ на этомъ курсѣ свое удивленіе, что такія интересныя лекціи, по такому любопытнѣйшему вопросу туго посѣщаются, и при томъ преимущественно иностранцами, то услышалъ отвѣтъ, который насъ русскихъ поразилъ. „Какой же особенный интересъ", отвѣтилъ студентъ нѣмецъ на это, рядомъ съ нами сидящій, „имѣетъ для насъ рабочій вопросъ, когда мы сами не рабочіе; вотъ если бы такъ хорошо, подобно Кнаппу, читался курсъ „о раздѣленіи церквей", напримѣръ, то навѣрное, потребовалась бы двойная аудиторія": настолько наши вкусы, слѣдовательно, разнились отъ тогдашнихъ европейскихъ!

Обратно съ Кнаппомъ, почтенный старецъ Рошеръ читалъ въ огромной аудиторіи, самой большой въ тогдашнемъ зданіи Лейпцигскаго университета. У него было слушателей не менѣе навѣрно 4-хъ или 5-и сотъ человѣкъ. При скверной погодѣ тогда осенью и устройствѣ вѣшалокъ для студенческихъ пальто въ самыхъ аудиторіяхъ, гдѣ каждый студентъ вѣшалъ свое мокрое пальто и устанавливалъ свой мокрый зонтикъ непосредственно близъ той лавки, гдѣ онъ сидѣлъ (калошъ въ Германіи, какъ извѣстно, не полагается), аудиторія Рошера для моего воображенія представляется всегда какимъ-то обширнымъ болотомъ, по которому текутъ желтыя лужи и люди безцеремонно шагаютъ по этимъ лужамъ. Небольшой, но плотный и еще бодрый старичекъ-профессоръ читалъ звонко и отчетливо, при чемъ его чтеніе раздѣлялось всегда на двѣ совершенно противоположныя части. Главныя основныя положенія, то, что въ учебникахъ печатается крупнымъ шрифтомъ, Рошеръ прямо и очень медленно диктовалъ, гораздо медленнѣе, чѣмъ я, напримѣръ, диктовалъ свои настоящія воспоминанія. Какъ можно себѣ легко представить, слушать эту часть его лекцій, представлявшую при томъ лишь самыя общія научныя понятія, намъ хорошо извѣстныя и давно сданныя на экзаменѣ въ своемъ университетѣ, было весьма и весьма скучно и въ значительной степени набило оскомину намъ съ Чупровымъ и заставило въ близкомъ будущемъ прекратить совсѣмъ посѣщеніе лекцій. Зато наиболѣе интересная часть, которую можно было намъ слушать съ пользой, лежала въ добавленіяхъ, разъясненіяхъ и иллюстраціяхъ къ этимъ основнымъ положеніямъ. Всѣ эти иллюстраціи произносились весьма быстро, скороговоркой, и каждый нѣмецкій студентъ обязательно складывалъ перо и карандашъ и слушалъ, ничего не

нанося на бумагу. Частью дѣлали за нихъ это мы, иностранцы, когда приводился Рошеромъ какой-нибудь любопытный примѣръ или высказывалось стоящее вниманія предположеніе. Мы, напримѣръ, съ шутками и усмѣшками слушали тогда предположеніе добродушнаго профессора о зловредности русской общины и обязательнаго надѣленія крестьянъ землею. По словамъ Рошера, это обстоятельство непремѣнно должно пріучить русскихъ крестьянъ всегда въ земельной нуждѣ полагаться исключительно на даровой надѣлъ отъ Правительства, или привести къ погромамъ и захватамъ помѣщичьихъ земель!!?..

Мирно и спокойно потекла наша жизнь въ качествѣ Лейпцигскихъ студентовъ. Сначала мы, какъ истинно русскіе люди, ходили на лекціи аккуратно, а затѣмъ соскучились и манкировали все чаще. Я до конца, помнится, довелъ лишь одинъ курсъ финансовъ, котораго составились у меня полныя записки. Чупровъ исчезъ еще раньше меня; да и мало могли мы поучиться тамъ, кромѣ приватныхъ курсовъ конечно, вродѣ Кнаппа, который посѣщался лучше. Обѣдали первоначально мы вмѣстѣ въ студенческомъ ресторанѣ, но тамъ очень непріятно для насъ и особенно для А. И. студенты назойливо взглядывали на его супругу, такъ какъ женщинъ кромѣ нея, мнѣ помнится, въ эту столовую не ходило, да и въ университетѣ мы долго женщинъ не видали, пока А. И. какимъ-то образомъ поймалъ и познакомился съ одной молодой красивой русской армянкой, Каргановой, сестрой извѣстной пѣвицы, которую, подсмѣивались мы надъ нимъ долго впослѣдствіи, онъ сосваталъ нашему лектору Кнаппу. Это случилось слѣдующимъ образомъ. Не берусь судить, по какой причинѣ, но армяне особенно часто обнаруживаютъ желаніе учиться именно финансовому праву. Я нерѣдко встрѣчалъ представителей этой націи, занимающихся со мной одной спеціальностью. Я былъ очень пріятно удивленъ, когда однажды, прійдя навѣстить Чупрова, я нашелъ у него красивую барышню, бесѣдовавшую съ его женой, которая себя отрекомендовала вышеозначеннымъ именемъ, заявивши, что она пріѣхала въ Лейпцигъ именно изучать финансы. А. И., отличавшійся необыкновенной общительностью, встрѣтилъ ее какъ-то въ университетѣ, познакомился и привелъ къ своей супругѣ. Разумѣется, хорошенькая армянка нашла съ нашей стороны наилучшій пріемъ. Я съ ней немедленно подѣлился своими записями у Рошера, которыя, впрочемъ, ей были не настолько важны, ибо Рошеръ ее свободно допустилъ на свои лекціи, мало того, познакомилъ со своими дочерьми и поставилъ имъ въ примѣръ русскую барышню занимающуюся его скучной наукой. Но иначе отнесся молодой Кнаппъ; *онъ рѣшительно и строго отказался сначала допускать*

ее: вотъ, тутъ и понадобилась вся любезность и непосредственность А. И. Онъ не могъ выносить такой несправедливости и немедленно отправился къ Кнаппу. Не знаю, что и какъ онъ съ нимъ говорилъ, но на другой день я уже узналъ, что дѣвица Карганова допущена къ Кнаппу и начала вмѣстѣ съ нами появляться (это было весной 1874 года) къ концу его курса. Начала ни того, ни другого курса она собственно не слушала. Я ее снабдилъ бывшими у меня Московскими записками, лекціями Ф. Б. Мильгаузена и вызвалъ съ ея стороны восторженную благодарность. Вотъ что писала мнѣ тогда Карганова: „За записки Мильгаузена не знаю, какъ васъ отблагодарить, онѣ оказались настоящимъ сокровищемъ для меня. Если вы можете написать мнѣ, сколько времени я могу еще продержать ихъ, то будьте такъ добры сдѣлать это. Мнѣ хотѣлось бы ихъ проконспектировать, если Вы можете сообщить мнѣ, гдѣ и когда я могу добыть подобные литографированные листки, то этимъ очень обяжете меня“.

Не знаю, долго ли занималась г-жа Карганова курсомъ финансовъ (я ее скоро потерялъ изъ виду, занятый своимъ собственнымъ романомъ), но какъ намъ сдѣлалось извѣстно впослѣдствіи, занятія ея у Кнаппа въ результатѣ привели къ тому, что онъ совершенно примирился съ допущеніемъ женщинъ на лекціи и кончилъ тѣмъ, что женился на г-жѣ Каргановой при своемъ переходѣ въ качествѣ профессора Страсбургскаго университета. Съ тѣхъ поръ нерѣдко приходилось слушать и самому участвовать въ шуткахъ надъ А. И. по этому поводу, что онъ „во имя науки“ сосваталъ профессору Кнаппу жену.

Меня однажды посѣтилъ на нѣсколько дней Лысцевъ, пріѣхавшій изъ Дрездена, и привезъ съ собой разсказы обо всѣхъ общихъ русскихъ знакомыхъ, въ томъ числѣ и объ интересовавшемъ меня семействѣ Вельяшевыхъ. Это живо мнѣ напомнило оставившій сильное впечатлѣніе одинъ женскій образъ, но тѣмъ не менѣе я еще такъ мало сдѣлалъ въ Лейпцигѣ, что считалъ себя не въ правѣ пропустить хотя бы одинъ день на поѣздку въ Дрезденъ и сдѣлалъ это только гораздо позднѣе, когда уже не было Чупрова въ Лейпцигѣ. Я состоялъ одинаково въ дружбѣ, какъ съ А. И., такъ и съ его строгой супругой Ольгой Егоровной, и нѣсколько разъ невольно вспоминалъ извѣстную французскую поговорку: „les extrêmités se touchent“, настолько казались противоположными оба супруга. На сколько А. И. былъ мягокъ, слеенъ и влюбленъ сверхъ мѣры въ человѣческое общество всякаго рода, настолько О. Е. представляла собой другой полюсъ, дабы сдерживать это любвеобиліе и ограничивать стремленія своего мужа къ новымъ и новымъ знакомствамъ и,

злоупотребленію его временемъ. Дѣйствительно, мы неоднократно удивлялись съ Макаровымъ, посѣщая очень часто, разумѣется, А. И., какъ и онъ насъ, что дня почти не проходило, чтобы онъ не отыскивалъ и не вылавливалъ гдѣ-нибудь новыхъ россіянъ или россіянокъ и не знакомился съ ними, при чемъ очень часто оказывалось, что они также раньше были мало ему знакомы, какъ и намъ! Къ этому времени относится, помню, напримѣръ, мое знакомство черезъ Чупрова съ Зеленогорскимъ, впослѣдствіи профессоромъ въ Харьковѣ и философомъ; Н. И. Зиберомъ, съ которымъ впослѣдствіи я самъ весьма сблизился, Ковалевымъ и многими другими. Практически-здравый и насмѣшливый умъ Ольги Егоровны дѣйствовалъ нерѣдко, какъ холодный душъ, на экспансивнаго увлекавшагося А. И., особенно ея обобщенія изъ области статистики, въ разговорахъ съ Зиберомъ. Недавнее тогда сатирическое произведеніе Щедрина о Статистическомъ Конгрессѣ въ Петербургѣ давало богатый матеріалъ для ея шутокъ надъ спорщиками..!

Прижившись къ Лейпцигу, мы перенесли въ него съ Чупровымъ нѣкоторые русскіе обычаи: такъ Frau Löscher открыла къ нашему удовольствію тамъ на рынкѣ гречневые блины (Blinzen), существующіе, будто бы, со времени постоя русскихъ войскъ въ 1815 году: она изрѣдка насъ ими угощала. Кромѣ того каждую субботу мы аккуратно съ Александромъ Ив. путешествовали въ русскую баню (Russische Dampfbäder), при чемъ онъ такъ же аккуратно, благодаря своей разсѣянности, каждый разъ забывалъ свое грязное бѣлье! Дорога въ баню шла около моей квартиры и обыкновенно на обратномъ пути, дойдя до себя, я напоминалъ ему, что пора-де вернуться назадъ, и онъ до того упорно повторялъ ту же разсѣянность, что совершенно хладнокровно подтверждалъ: „да, пора!", прощался со мной и шелъ обратно...

Нѣмецкое Рождество или точнѣе Sylvesterabend, мы справляли у Лешеръ, которые насъ очень радушно угощали классическимъ пуншемъ, и мы пѣли съ ними нѣмецкія пѣсни. За то, въ свою очередь, въ день Русскаго Рождества мы рѣшили угостить ихъ русскимъ обѣдомъ, при чемъ, разумѣется, надо было приготовить его собственноручно, по незнанію нѣмцами русскаго кулинарнаго искусства. Свои услуги для этого, по зрѣломъ обсужденіи, предложили двое: я вызвался научить на своихъ глазахъ фрау Лешеръ приготовить сибирскіе пельмени, въ издѣліи которыхъ въ Россіи была искусна одна знакомая родственница - старушка, и я неоднократно видѣлъ, какъ она готовитъ: Ольга Егоровна въ свою очередь вызвалась научить приготовленію русскихъ лѣнивыхъ щей съ говядиной. И вотъ, все утро, помню, мы усердно занимались въ кухнѣ фрау Лешеръ приготовленіемъ

этихъ двухъ кушаній и затѣмъ сообща обѣдали всей наличной русско-нѣмецкой компаніей. Эффектъ нашъ русскій обѣдъ произвелъ чрезвычайный, но щи вызвали соболѣзнованіе экономныхъ нѣмокъ за огромную непроизводительную трату говядины. За то мои пельмени оказались настолько по нѣмецкому вкусу, что меня много разъ впослѣдствіи въ мои посѣщенія Лейпцига фрау Лешеръ угощала этими, какъ она называла „russische Pastetchen" и увѣряла, что многіе ея знакомые даже теперь готовятъ по рецепту, который она даетъ для ихъ изготовленія. Я охотно соглашался съ ней и одобрялъ ея пріятельницъ, такъ какъ несомнѣнно пельмени во всѣхъ отношеніяхъ выше того „Maikäfersuppe", которымъ меня однажды угощала фрау Лешеръ!

Къ Новому Году я получилъ приглашеніе отъ Лысцева пріѣхать непремѣнно въ Дрезденъ, такъ такъ русская компанія-де собирается сообща весело отпраздновать русскій Новый Годъ. Передъ отправленіемъ пришлось проститься на нѣкоторое время съ А. И., который уже собирался уѣзжать въ Мюнхенъ. Немедленно, какъ я появился въ семьѣ Вельяшевыхъ, я почувствовалъ, какими тѣсными узами любовь привлекаетъ меня къ этому семейству. Для меня стало ясно, что вопросъ не могъ оставаться въ такомъ неопредѣленномъ положеніи, и что надо на что-нибудь рѣшиться. Постараться вырвать обнявшее меня чувство я уже не былъ въ состояніи. Все, что я по этому поводу приводилъ себѣ, скорѣе говорило въ пользу утвердительнаго рѣшенія, чѣмъ отрицательнаго... При моей юношеской незрѣлости и неопытности, я старался обсудить и рѣшилъ вопросъ путемъ *наведенія*... У такой превосходной матери, какою всѣ признавали С. К. Вельяшеву, и дочь должна, разсуждалъ я, имѣть выдающіяся нравственныя достоинства... Я хорошо понималъ отвѣтственность брачнаго шага, который собирался сдѣлать, но въ то же время, главная сторона—экономическая, меня нисколько не смущала. Я хорошо зналъ, что невѣста моя не могла мнѣ принести никакой матеріальной помощи въ видѣ приданаго, но могла зато дать то, что дороже всего—помощь своего труда и духъ товарищества, съ которыми я могъ продолжать работать болѣе дружно, даже если бы, сверхъ ожиданія, не сошлись характерами. Я видѣлъ это на примѣрѣ Чупровыхъ, которые жили въ то время бодрѣе и лучше меня, несмотря на то, что пропорціально съ потребностью на двоихъ, получали денегъ меньше меня... Послѣ отъѣзда я сдѣлалъ письменно рѣшительный шагъ въ видѣ формальнаго предложенія руки. Предложеніе мое было принято—лишь условно, съ одной стороны, съ указаніемъ необходимости ждать согласія отца изъ Россіи.

Нѣсколько успокоенный своимъ рѣшеніемъ, я вернулся въ Лейпцигъ, гдѣ уже не засталъ Чупрова [1]), а вслѣдъ за нимъ скоро уѣхалъ и Макаровъ. Я остался одинокъ въ Лейпцигѣ, чтобы предаваться моимъ мечтамъ о Дрезденѣ. Только вечеромъ, и то не каждый день, я сходился съ однимъ изъ моихъ настоящихъ товарищей по Академіи Наукъ, съ почтеннѣйшимъ Филиппомъ Ѳедоровичемъ Фортунатовымъ, жившимъ тогда въ Лейпцигѣ на противоположномъ со мной концѣ города, всегда отличавшимся малой общительностью. Мы сходились съ нимъ въ Universitätsgasse, въ извѣстной пивной „Zur Feuerkugel", молча выпивали по двѣ кружки пива и расходились до слѣдующаго вечера, какъ бы набравшись нѣсколько русскаго духа.

Зато у меня явилось другое наслажденіе, мнѣ еще дотолѣ неизвѣстное, почти каждодневная переписка съ невѣстой. Я не буду, разумѣется, такъ какъ пишу не романъ, а лишь мемуары, касаться этой „Святая Святыхъ", но смѣло могу сказать, что такое блаженное время, которое въ это время испытываетъ человѣкъ, едва-ли въ жизни повторяется! При всемъ маломъ жизненномъ опытѣ, который я имѣлъ, я уже чувствовалъ сначала всю огромную разницу настоящей любви отъ перваго своего ребяческаго увлеченія. Вмѣсто того, чтобы вспоминать съ горечью и досадовать, какъ прежде на В. В. за ея отношеніе и поступки со мной, я теперь всю жизнь долженъ только быть ей благодарнымъ; какъ хорошо произошло, что эта легкомысленная дама подсмѣялась надъ любовью увлекавшагося юноши, которая лишь забавляла ее!! Я съ ужасомъ могу себѣ представить, сколько счастья меня лишило бы ея иное поведеніе. Какъ подтвердилъ мнѣ опытъ моей довольно продолжительной собственной жизни, зло въ этомъ случаѣ обратилось для меня въ великое благо. Я считаю себя въ высшей степени счастливымъ, что я былъ свободенъ и могъ съ чистымъ сердцемъ протянуть свою руку другой женщинѣ, сдѣлавшейся моей вѣрной подругой на всю жизнь.

Къ сожалѣнію, всѣ важные моменты моей жизни, какъ и раньше было указано, начинались съ горя и несчастій. Такъ было и здѣсь. Я уже получилъ отъ моей невѣсты телеграфное извѣщеніе о согласіи отца на бракъ, съѣздилъ вновь въ Дрезденъ и въ общихъ чертахъ уговорился о свадьбѣ, которой должна была предшествовать поѣздка моей невѣсты въ сопровожденіи брата ко мнѣ въ гости въ Лейпцигъ посмотрѣть этотъ городъ. Я же въ это время былъ дѣя-

---

[1]) Онъ уѣхалъ въ Мюнхенъ, откуда я вскорѣ получилъ отъ него письмо.

тельно занятъ писаніемъ очень скучнаго отчета о своихъ работахъ въ Министерство, согласно положенію, по этому предмету принятому. Не могу кстати не оговориться по поводу этого пункта, имѣющаго можетъ быть и теперь столь пагубное значеніе для молодыхъ людей, какъ въ мое время. Тогда требовался, не помню за сколько мѣсяцевъ, за треть, или за четверть года, отчетъ о занятіяхъ, прежде чѣмъ вексель или переводъ на полученіе соотвѣтствующаго жалованья посылался за границу профессорскому кандидату. Такимъ образомъ употреблялось оружіе, самое вѣрное въ полученіи Министерствомъ свѣдѣній о магистрантѣ,—угроза голодомъ, если онъ не пришлетъ отчета въ положенное время. И вотъ мы посылали, но какой это цѣной! Первый мой отчетъ совпалъ, вслѣдствіе поздней, вѣроятно, выдачи мнѣ первый разъ содержанія, съ моимъ пріѣздомъ въ Лейпцигъ и съ началомъ слушанія Рошера и Кнаппа. Стоя на почвѣ правды, я написалъ въ Министерство, что только-что пріѣхалъ и устроился въ Лейпцигѣ; а около двухъ мѣсяцевъ, поневолѣ, вслѣдствіе отсутствія этихъ лекцій, провелъ въ Дрезденѣ, а теперь началъ-де слушать такихъ-то профессоровъ и такіе-то курсы. Весь отчетъ такимъ образомъ былъ изложенъ на двухъ страницахъ вѣрно и правдиво. Вмѣстѣ съ получкой слѣдующаго жалованія, я получилъ отъ Министерства выговоръ отъ Ученаго Комитета за свою лаконическую правдивость. Ученый Комитетъ сдѣлалъ какое-то невыгодное для моего самолюбія заключеніе изъ моей краткости, и вотъ, слѣдующіе затѣмъ разы, наученный этимъ горькимъ опытомъ, я вынужденъ былъ настойчиво и умышленно Министерству лгать. Началъ описывать занятія, которыхъ въ дѣйствительности не дѣлалъ, только, чтобы наполнить и раздуть побольше свой отчетъ. Одинъ разъ, напримѣръ, чуть-ли не буквально переписалъ, только кажется въ русскомъ переводѣ, всѣ свои записки по курсу Рошера, или безъ всякой цѣли и смысла излагалъ цѣликомъ содержаніе прочитанныхъ книгъ, хотя бы совсѣмъ не относящихся къ моимъ занятіямъ и прочитанныхъ Богъ знаетъ когда и т. д. и т. д. И вотъ какъ разъ я былъ занятъ наканунѣ своей свадьбы такимъ неблагодарнымъ дѣломъ, вызываемымъ нераціональнымъ требованіемъ Министерства!..

Внезапно, наканунѣ нетерпѣливо мною жданнаго пріѣзда въ Лейпцигъ моей невѣсты съ братомъ, я получилъ грустное извѣстіе: она простудилась и сильно заболѣла. Поѣздка состояться не могла. Я немедленно едва сбылъ съ рукъ отчетъ, полетѣлъ въ Дрезденъ. Оказалось, что невѣста схватила серьезную простуду и тяжкую болѣзнь, вслѣдствіе которой важный и доброжелательный врачъ, которому я счелъ долгомъ представиться, сказалъ мнѣ, что долженъ отсрочить

нашу свадьбу, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько мѣсяцевъ. Такимъ образомъ, увы, началось новое, тяжкое для меня испытаніе. Меня едва допускали до свиданія съ невѣстой. Послѣ нѣкотораго пребыванія въ Дрезденѣ, грустный, разстроенный, съ туманомъ въ головѣ и съ горечью въ сердцѣ я вернулся въ Лейпцигъ къ старымъ Лешерамъ, женихъ, какъ они уже знали, но безъ невѣсты. Прошелъ апрѣльскій вакатъ, я вновь записался на будущій весенне-лѣтній семестръ. Лекціи плохо шли въ голову, и я безпрестанно думалъ о Дрезденѣ и бомбардировалъ всѣхъ тамошнихъ знакомыхъ своими письмами и запросами.

Наконецъ начали получаться болѣе благопріятныя извѣстія. Моя милая невѣста стала по-немногу поправляться; только въ маѣ уже, я ликвидировалъ всѣ свои дѣла въ Лейпцигѣ и переселился совсѣмъ въ Дрезденъ, поближе къ невѣстѣ. Наконецъ, былъ назначенъ великій день вѣнчанія; приглашены были всѣ знакомые и происходило, послѣ свадьбы, общее ликованіе на Бастаѣ (Bastai) въ Саксонской Швейцаріи съ пѣснями и танцами. Отдать справедливость, всѣ трудности и формальности при бракѣ были облегчены до nec plus ultra. Я очень благодарилъ за эту любезность, зная, какъ это трудно дѣлается теперь, покойному настоятелю русской церкви, о. Розанову. Къ сожалѣнію, новая церковь не была еще готова, и я вѣнчался въ старой домашней церкви въ Дрезденѣ 11 іюня по новому стилю и 30 мая по русскому въ 1873 году. „Бракъ этотъ составляетъ важнѣйшее изъ событій, повліявшихъ на всю мою жизнь. Въ женѣ моей, Екатеринѣ Николаевнѣ, я получилъ не только добраго товарища, но и ближайшаго сотрудника для всего, что я съ тѣхъ поръ написалъ, начиная съ большихъ книгъ и кончая журнальными и газетными статьями. Ничего не дѣлалось и не писалось безъ ея помощи и совѣта и большею частью ея же рукой (иногда даже два раза), и я право затрудняюсь по временамъ опредѣлить, кому, напримѣръ, въ данной статьѣ принадлежитъ такая-то мысль, мнѣ или ей?!“..[1]).

---

[1]) См. *Венгеровъ, С. А.* Критико-Біографическій Словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Т. VI, Спб. 1897—1904, стр. 55.

ГЛАВА III.

Мое свадебное путешествіе.—Гейдельбергъ.—Цюрихъ.—Поѣздка въ Англію. —Горестныя приключенія.—Лондонъ.—Меблированныя комнаты г-жи Сиггерсъ.—Первыя впечатлѣнія.—Несчастіе съ моимъ содержаніемъ.—Русское посольство—не для русскихъ.—Исправность русскихъ друзей и редакцій.—Британскій Музей.—Работа надъ диссертаціей.—Неудачная поѣздка въ Мюнхенъ.—Н. И. Стороженко.—Возвращеніе въ Россію.—Защита магистерской диссертаціи и выборы въ доценты.—Начало профессуры.—Горе слѣдуетъ за радостью.—Сильная болѣзнь жены и необходимость лѣченія за границей.

Послѣ свадьбы мы немедленно уѣхали окружнымъ, длиннымъ путемъ въ Швейцарію, въ Цюрихъ, гдѣ я предполагалъ послушать профессора Бёмерта, представителя тогда довольно популярной школы свободной торговли, и сверхъ того, конечно, имѣть возможность проводить медовый мѣсяцъ среди красотъ швейцарской природы. Дорогой мы остановились прежде всего на два дня въ Лейпцигѣ. Я познакомилъ свою молоденькую супругу съ этимъ городомъ, дорогимъ мнѣ по воспоминаніямъ, какъ начало моего знакомства съ Германіей и ея наукой. Другая остановка была въ Тюрингервальдѣ, въ знаменитомъ Вартбургѣ, гдѣ мы исходили не мало горъ и спускающихся долинъ. Погода все время благопріятствовала. Мы наслаждались живописными видами, какъ только можетъ наслаждаться счастливый смертный. Посѣтивши Кельнъ и Боннъ, на скоромъ пароходѣ поднялись по Рейну до Майнца, осмотрѣли историческую рѣку Германіи съ ея замками, преданіями и легендами и вновь остановились на болѣе продолжительное время въ Гейдельбергѣ, университетъ котораго я предполагалъ посѣтить и прежде. Въ это время въ Гейдельбергѣ сосредоточилось много русскихъ, которымъ предстояло сдѣлаться моими друзьями или знакомыми. Такъ, мы нашли въ Гейдельбергѣ Чупрова съ женой, магистранта Макарова, весьма

интересныхъ дѣвицъ Шумовыхъ, допущенныхъ, какъ исключеніе тогда, въ университетъ, одна изъ которыхъ впослѣдствіи вышла замужъ за моего пріятеля Зибера, сдѣлавшись сама докторомъ (нынѣ въ Институтѣ Елены Павловны), другая была замужемъ также за однимъ извѣстнымъ врачемъ. Также мы составили интересное знакомство, продолжавшееся еще много лѣтъ съ Мороховцемъ, впослѣдствіи профессоромъ Московскаго университета, нашимъ большимъ другомъ, съ математикомъ В. В. Преображенскимъ и двумя братьями профессорами Умовыми, одинъ юристъ, мой товарищъ, другой математикъ, оба женатыхъ. Мы провели на этотъ разъ въ Гейдельбергѣ съ недѣлю времени. Моя жена быстро вошла и очень понравилась въ профессорскихъ кругахъ, какъ и самъ Гейдельбергъ понравился намъ, и дали слово его непремѣнно посѣтить еще разъ, а пока отправились дальше въ Швейцарію, въ Цюрихъ.

Я не буду описывать этого красиваго города и университета, который мнѣ пришлось посѣщать. Къ сожалѣнію, на этотъ разъ я уже значительно опоздалъ къ началу семестра, который въ Цюрихѣ почему-то начался гораздо раньше обычнаго. Курсъ Бёмерта еще меньше чѣмъ въ Лейпцигѣ соотвѣтствовалъ моимъ вкусамъ, тѣмъ болѣе, что мнѣнія почтеннаго профессора о безусловной пользѣ свободной торговли я далеко не раздѣлялъ и имѣлъ скорѣй влеченіе, навѣянное, можетъ быть, отчасти Рошеромъ и Кнаппомъ, къ исторической методѣ политической экономіи и соціальному характеру ея построеній. Мы пробыли съ женой, посѣщая изрѣдка университетъ, въ Цюрихѣ около двухъ мѣсяцевъ, затѣмъ объѣздили немножко главнѣйшіе пункты Швейцаріи и вернулись въ концѣ августа въ Гейдельбергъ. Тамъ мы нашли изъ прежнихъ поименованныхъ нами лицъ, какъ напримѣръ, Ковалева и Зибера, но Чупровы при насъ уѣхали въ Швейцарію, а позднѣе въ Вѣну, затѣмъ Мороховцы, мужъ съ женой, съ которыми мы весьма сблизились, мужъ усерднѣйшимъ образомъ работалъ на медицинскомъ факультетѣ, занимаясь преимущественно въ лабораторіяхъ, и много новыхъ пріѣзжихъ лицъ, изъ которыхъ упомяну о молодыхъ супругахъ Черемшанскихъ, впослѣдствіи извѣстный психіаторъ и врачъ въ Петербургѣ въ психіатрической больницѣ на 11-ой верстѣ. Подобно мнѣ они недавно поженились и ѣхали на короткое время за границу по командировкѣ, должно быть Военно-Медицинской академіею, при чемъ въ дѣйствительности провели времени за границею гораздо болѣе, чѣмъ предполагали. Мы очень съ ними сошлись, какъ съ людьми совершенно подходящими по вкусамъ и образованію. Онъ оказался, какъ и я, большой поклонникъ англійской науки, хотя, конечно, разныхъ

со мной отраслей и подобно же мнѣ изучившій рано англійскій языкъ, любилъ читать книги на этомъ языкѣ, начиная съ общелюбимаго нами Диккенса Онъ не говорилъ однако ни слова по-англійски, и это останавливало, въ виду неблагопріятныхъ слуховъ, которые въ тѣ времена были распускаемы объ Англіи, отъ всякой попытки туда ѣхать. Встрѣча и знакомство съ нами подбавили къ старому желанію, такъ сказать, жару. Какъ нарочно, мы помѣстились съ Черемшанскими въ одномъ и томъ же домѣ у нѣкоего весьма почтеннаго еврея, ювелира Розенберга, у котораго послѣдовательно проживали въ Гейдельбергѣ нѣсколько литературно-извѣстныхъ русскихъ людей изъ учащихся, напримѣръ В. А. Гольцевъ, Н. П. Боголѣповъ и я съ Черемшанскимъ.

Мы жили съ Черемшанскимъ вмѣстѣ, жены наши также очень подружились; такъ какъ это былъ осенній вакатъ 1873 года и времени свободнаго было много, то мы его и наполняли тѣмъ, что взаимно другъ друга взвинчивали и подкрѣпляли мысль о желательности совмѣстнаго путешествія въ страшный Лондонъ, о которомъ много слышали дурного вмѣстѣ съ хорошимъ. Кончилось это, разумѣется, тѣмъ, что и слѣдовало ожидать, что мечты постепенно начали переходить въ дѣйствительность. Мы во всемъ полагались на англійскій языкъ Екатерины Николаевны; для большей увѣренности, впрочемъ, прежде, чѣмъ ѣхать, рѣшили нѣсколько удостовѣриться и подкрѣпить ея знанія и умѣніе обращаться съ этимъ невозможнымъ птичьимъ языкомъ въ разговорѣ и пригласили англичанку. Оказалось, съ нею бойко объясняется наша переводчица, и въ свою очередь понимаетъ ее; послѣ чего, подбодрившись, мы уже болѣе рѣшительно начали думать о нашемъ путешествіи. Причиной поѣздки въ Лондонъ являлось, впрочемъ, не одно любопытство, но совѣтъ многихъ лицъ, какъ русскихъ, такъ и нѣмцевъ. Двое нашихъ москвичей (Посниковъ и Соболевскій) уже успѣли раньше побывать въ Лондонѣ и очень хвалили его. Знаменитый Рошеръ неоднократно изъявлялъ Чупрову свой рѣшительный совѣтъ ѣхать русскимъ въ Англію, чтобы изучать политическую экономію тамъ съ большей пользой, чѣмъ въ Германіи!..

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ колебаній этотъ вопросъ былъ рѣшенъ окончательно. Совмѣстно, на нѣсколько недѣль мы рѣшили предпринять эту поѣздку, съ самыми малыми, при томъ, денежными средствами, которыя у насъ тогда были на рукахъ. Помню, я даже занялъ для этой цѣли у добраго Лешера что-то около ста талеровъ. 9-го ноября 1873 года я писалъ любимой мною матери моей жены слѣдующее, сохранившееся у меня письмо: „Жребій брошенъ, завтра или уже не далѣе, какъ въ воскресенье, мы отправляемся въ страш-

ный Лондонъ съ господами Черемшанскими, о которыхъ вамъ Катя пишетъ. Вы ошибаетесь, думая, что насъ страшитъ этотъ городъ малымъ знаніемъ языка; это собственно не велика бѣда, съ голода не помремъ, да жена моя не такъ плохо его знаетъ, чтобы не объясниться для удовлетворенія первыхъ потребностей. Здѣсь къ намъ ходила нѣсколько дней англичанка, съ которой она такъ и рѣзала на этомъ птичьемъ языкѣ. Жаль, конечно, что я не предвидѣлъ, сначала, необходимости побывать въ Лондонѣ и раньше самъ не занялся разговорнымъ языкомъ. Насъ страшитъ совсѣмъ другое, дороговизна лондонской жизни и мошенничество, доведенное тамъ до артистичности, говорятъ, какъ нигдѣ"!

Такимъ образомъ, наконецъ, состоялась эта желаннная поѣздка въ Англію. Мы вечеромъ, въ третьемъ классѣ со скорымъ поѣздомъ, по Прирейнской дорогѣ направились на Антверпенъ въ Бельгію, чтобы тамъ сѣсть на пароходъ и прямо ѣхать до мѣста назначенія, т. е. до Лондона. Самые цѣнные пункты и остановки до тонкости изучены и выбраны по гидамъ. И такъ, съ Богомъ, въ путь! Такъ рѣшился одинъ изъ очень важныхъ въ моей жизни шаговъ къ дальнѣйшему моему усовершенствованію и занятію науками и должному ходу всей моей практической жизни.

Увы, первый блинъ, по русской поговоркѣ, вышелъ комомъ! Наше путешествіе началось благополучно. Курьерскій поѣздъ мчался безъ удержку и почти безъ остановокъ. Мы размѣстились, какъ могли въ третьемъ классѣ, попавши въ отдѣльное купэ, довольно удобное и скоро заснули молодымъ здоровымъ сномъ. Глубокой ночью почувствовали, что поѣздъ остановился и стоитъ что-то неестественно долго; начали просыпаться, выглянули въ окна. Оказалось, упорно стоимъ гдѣ-то между университетскимъ городкомъ Бонномъ и Кельномъ. Изъ разспросовъ желѣзнодорожной прислуги, бѣгавшей на маленькомъ бангофѣ и отвѣчавшей неохотно, мы узнали только, что случилось около самой станціи какое-то несчастье; столкнулись два поѣзда, вслѣдствіе этого путь загороженъ, и намъ вѣроятно придется пересаживаться, чтобы ѣхать дальше. Наконецъ раздался звонокъ, и кондуктора пригласили всю ѣхавшую публику выйти изъ вагоновъ и пройти пѣшкомъ вдоль рельсовъ довольно длинное разстояніе, чтобы сѣсть въ новые вагоны и поѣздъ насъ ожидавшій дальше. Еще была глубокая ночь. Намъ пришлось перелѣзть черезъ дорогу и рѣшетку вдоль насыпи и идти по очень дурной дорогѣ, по какому-то огороду, безпрестанно спотыкаясь. Ручной багажъ оттягивалъ руки и очень затруднялъ. Я какъ-то случайно повредилъ себѣ палецъ и съ трудомъ тащилъ тяжести. Смоляные факелы освѣщали нашъ путь довольно мрачно, какъ на

похоронахъ. По сторонамъ лежали разбитые вагоны въ довольно значительномъ количествѣ. На разспросы наши, были ли погибшіе люди, отвѣчали, однако, что пострадавшихъ будто бы не было, кромѣ одного раненаго кондуктора, хотя курьерскій поѣздъ столкнулся съ пассажирскимъ. Наконецъ дошли до цѣли, вскарабкались вновь въ вагоны и быстро доѣхали до огромнаго вокзала въ Кельнѣ, но лишь въ 9 часовъ утра, вмѣсто семи, какъ слѣдовало по расписанію. Поэтому поѣздъ, съ которымъ мы должны были ѣхать дальше къ границамъ Бельгіи и къ Антверпену, уже давно ушелъ, и намъ пришлось ждать слѣдующаго, вмѣсто скораго, простого пассажирскаго.

Послѣ утомительнаго и скучнаго ожиданія въ Кельнѣ, мы отправились дальше и благополучно ѣхали нѣсколько часовъ до самой границы Бельгіи, которая отъ этой маленькой послѣдней станціи отдѣляется отъ Германіи горой, съ довольно длиннымъ туннелемъ. Опять продолжительная остановка и послѣ нѣкотораго надоѣданія прислугѣ, услышали тоже роковое объясненіе: въ туннелѣ имѣло мѣсто столкновеніе двухъ поѣздовъ: скораго изъ Кельна, съ которымъ мы должны были ѣхать, если бы не опоздали ночью, съ бельгійскимъ товарнымъ. Пока не очистятъ туннель, да не разберутъ крушенія, отвѣчали, намъ нельзя-де двигаться дальше. Прошло еще часа два утомительнаго ожиданія, пока намъ скомандовали садиться въ наши старые вагоны. Мы благословили небо и думали, что все приключеніе окончено и дальше поѣдемъ безъ остановокъ. Какъ бы не такъ! Проѣхавши съ версту съ чѣмъ-то до начала туннеля поѣздъ остановился. Намъ приказали выходить и пѣшкомъ пройти туннель до другого конца. Раздавались на всѣхъ языкахъ оханья и проклятія, потому что туннель, видимо, былъ длинный, его конца не видно, а отъ станціи отъѣхали уже порядочно; дѣлать было нечего. Мрачный туннель опять былъ освѣщенъ смоляными факелами и фонарями. Картина крушенія была гораздо ужаснѣе, чѣмъ предшествующую ночь. Вдоль всего туннеля лежали разбитые вагоны. Первые, только сошедшіе съ рельсовъ и отчасти поврежденные, но чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Большое число вагоновъ разбито на части. Половина вагона въ одной сторонѣ, другая въ другой и намъ приходилось лавировать, чтобы пройти между остатками. Особенно страшную картину представляло крушеніе при выходѣ изъ туннеля на бельгійской сторонѣ. Нѣсколько вагоновъ смѣстились силою столкновенія другъ на друга, доставали передними колесами края выемки и висѣли какъ бы на воздухѣ. Днища были разбросаны по туннелю. Вѣроятно, въ силу той же системы молчанія при подобныхъ приключеніяхъ, намъ никто не хотѣлъ отвѣтить о результатѣ

жертвъ или потерь людьми, хотя несомнѣнно по остаткамъ было разбито много именно пассажирскихъ вагоновъ.

Когда мы наконецъ измученные и утомленные добрались до перваго ожидавшаго насъ бельгійскаго поѣзда, то непріятнымъ сюрпризомъ, вдобавокъ къ ужасамъ всей этой ночи, явилось требованіе съ насъ какой-то добавочной платы за экстренный поѣздъ, и только единодушный протестъ и возраженіе со стороны публики на ближайшей станціи всему мѣстному начальству заставили бельгійцевъ согласиться оставить насъ безъ этого штрафа за чужую вину.

Вмѣсто ранняго утра мы пріѣхали въ Антверпенъ лишь въ половинѣ четвертаго, осмотрѣли немного городъ и приготовились на слѣдующій день сѣсть на пароходъ, чтобы ѣхать прямо въ Лондонъ. Черемшанскій, какъ медикъ, взялъ на себя хлопоты и заботы о нашемъ здоровьѣ. Часа въ четыре на слѣдующій день мы размѣстились въ каютахъ II класса и двинулись въ путь, сначала, конечно, благополучно, пока ѣхали по Шельдѣ, но едва выѣхали въ море, началась жестокая качка, которая постепенно усиливалась. Я тотчасъ обратился къ Черемшанскому за лѣкарствомъ, но, увы, при первомъ же пріемѣ самаго сильно дѣйствующаго, по его мнѣнію, чуть ли не танина, со мной сдѣлался сильнѣйшій припадокъ морской болѣзни. Моему примѣру немедленно послѣдовалъ самъ докторъ, мы поочередно ухаживали другъ за другомъ, слыша при томъ часто изъ дамской каюты голосокъ моей супруги, тоже чрезвычайно страдавшей этой болѣзнью. Единственной, по какой-то непостижимой прихоти судьбы, свободной все время отъ болѣзни, была m-me Черемшанская, какъ учено потомъ объяснялъ ея мужъ, въ виду того, что она въ отдаленномъ сибирскомъ городишкѣ, гдѣ выросла, привыкла упражняться чуть не ежедневно на качеляхъ и такимъ путемъ застраховала себя отъ этой ужасной морской болѣзни.

Рано утромъ мы вошли въ Темзу, при чемъ почти всю ночь не спали. Лица у всѣхъ были блѣдныя, а желудки пусты, мы замѣтно ослабѣли и нѣсколько разъ подымали вопросъ, хорошо ли сдѣлали, что пустились въ такое проклятое путешествіе, но воротиться, увы, нельзя было. Довольно рано, что-то около восьми часовъ, наконецъ, доѣхали въ туманѣ до пароходной пристани въ центрѣ Лондонскаго Сіty, такъ называемой „Катерининой верфи“. Тамъ послѣдовалъ довольно длинный и обстоятельный таможенный досмотръ, при чемъ англійскіе таможенные, не ограничившись осмотромъ чемодановъ и мѣшковъ всякаго рода, вытряхали мои запасные русскіе сапоги и ботинки m-me Черемшанской, чтобы удостовѣриться, что мы

туда ничего запретнаго не запрятали. Наконецъ утомительная процедура окончилась, и мы по Бедекеру сказали носильщику, чтобы онъ привелъ кэбъ, т. е. извощичью карету, и настойчиво потребовали, ссылаясь на стоящаго полисмена, чтобы кэбъ везъ насъ именно въ выбранный нами Диккенсъ-отель, подкупившій насъ своимъ почтеннымъ названіемъ.

Два дня прошли въ шатаніи по городу двухъ русскихъ парочекъ на удивленіе всѣхъ зѣвакъ, подвергаясь иногда неожиданнымъ разспросамъ и приставанію отъ уличныхъ мальчишекъ и какихъ-то подозрительныхъ личностей, при чемъ, слѣдуя наставленію Бедекера, мы немедленно говорили: „Police“! и искали глазами спасительнаго полисмена, при чемъ пристававшая личность быстро стушевывалась, оставляя насъ въ покоѣ. Вообще въ первый разъ въ жизни мы постигли вполнѣ ясно, что полицейскій долженъ быть самой пріятной персоной для всякаго благонамѣреннаго смертнаго, и привыкли взирать всегда на крупныхъ и необыкновенно здоровыхъ представителей въ Англіи этой службы со спокойной увѣренностью и даже удовольствіемъ.

Вотъ что писала моя жена своей матушкѣ черезъ два дня нашего пребыванія въ Лондонѣ о своихъ общихъ впечатлѣніяхъ: „До того много самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній прошло“, писала она, „въ эти два дня, что чувствуешь себя какъ бы во снѣ; а если кто спроситъ, что собственно я видѣла, что меня поражало, то право не сразу найдусь отвѣтить. Хотѣть описать вамъ свои ощущенія на клочкѣ бумаги и при томъ въ возбужденномъ настроеніи, было бы глупо. Скажу только, что дѣловое движеніе и промышленное развитіе обнаруживается здѣсь чуть ли не на всякой улицѣ и болѣе поражаетъ меня, чѣмъ самыя рѣдкости и прелести, которыя видѣли въ здѣшнихъ музеяхъ и другихъ подобныхъ учрежденіяхъ. Публичная жизнь не ограничивается, впрочемъ, въ Лондонѣ улицей, она пробивается подъ нее, она создаетъ новый міръ подземный, гдѣ движеніе такъ называемой подземной дороги уподобляется движенію во время грозы. Подобно шуму грома раздаются крики кондукторовъ на станціяхъ подземной желѣзной дороги. Вслѣдъ за ними промелькнетъ поѣздъ, чтобы черезъ секунду опять, при новомъ раздающемся крикѣ кондуктора летѣть дальше и дальше и быть замѣненнымъ другимъ и еще другимъ поѣздомъ...“

„Не мудрено, что въ концѣ дня чувствуешь себя въ разстроенномъ положеніи, когда весь день глаза и уши напрягаются до такой степени. Здѣсь почти нѣтъ улицъ, гдѣ бы чувства могли отдохнуть, они постоянно находятся въ натянутомъ состояніи, и это переходитъ даже въ сонъ“...

„Самой не вѣрится“, пишетъ она вскорѣ въ другомъ письмѣ, (отъ 13 октября 1873) „а вамъ можетъ показаться еще страннѣе, что ваша Катя попала въ ужасный Лондонъ, а вѣдь просто можно благодарить судьбу, что мы не погибли по дорогѣ сюда во цвѣтѣ лѣтъ! Два раза въ одну и ту же ночь были страшныя крушенія поѣздовъ, и чуть только не подъ нашимъ носомъ, потомъ бурный переѣздъ по морю“!...

Черезъ нѣсколько дней мы устроились болѣе прочно. Наняли комнатки по болѣе дешевой цѣнѣ, нежели въ отеляхъ, въ Keppel-Street, вблизи Британскаго музея у Г-жи Siggers, которую намъ рекомендовали жившіе у нея прежде россіяне, гдѣ и получили въ наше распоряженіе двѣ комнаты рядомъ, съ огромными колымагами-постелями, занимавшими большую часть пространства, и на которыхъ въ случаѣ надобности можно было бы уложить цѣлое семейство. Оказалось, что г-жа Siggers старая и очень добродушная дама, далеко уступавшая по своему образованію и развитію любой, вѣроятно, хозяйкѣ меблированныхъ комнатъ Германіи. При этомъ она отличалась вдобавокъ двумя качествами, нестерпимой болтовней, отъ которой, страдала и даже жертвою была моя жена, единственная ее вполнѣ понимавшая. Она постоянно что-то разсказывала о какомъ-то своемъ добромъ двоюродномъ братѣ и о какомъ-то путешествіи, когда мы начали, наконецъ, понимать немного ея англо-ирландскій діалектъ. Сверхъ того mrs Siggers отличалась большой привязанностью къ джину и рому, что приводило ее часто въ веселое настроеніе, а щеки постоянно покрывало густымъ румянцемъ. Впрочемъ, при ея несомнѣнномъ добродушіи, ладить съ ней было вполнѣ возможно, хотя и не всегда пріятно.

Недѣли двѣ быстро пролетѣли у насъ въ Лондонѣ въ осмотрѣ многочисленныхъ музеевъ, картинныхъ галлерей, Хрустальнаго дворца и другихъ достопримѣчательностей, которымъ тамъ нѣтъ конца. Наши спутники Черемшанскіе начали настойчиво говорить объ отъѣздѣ и возвращеніи въ милый Гейдельбергъ, гдѣ мы также, подобно имъ, оставили всѣ наши вещи, взявши съ собой только маленькій ручной чемоданъ съ парой бѣлья. Наконецъ, Черемшанскіе въ серьезъ собрались ѣхать во-свояси и при томъ окружной дорогой, черезъ Парижъ. Мы же съ женой, по зрѣломъ размышленіи, рѣшили еще остаться на пару недѣль, какъ выражаются нѣмцы, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, Лондонъ намъ чрезвычайно понравился, и чѣмъ дальше, тѣмъ нравился больше и больше; я начиналъ мало-по-малу сознавать, что Англія наиболѣе подходящая страна, какъ для моего дальнѣйшаго развитія и усовершенствованія, такъ и занятій финансами, что особенно быстро и блистательно

оправдалось послѣ личнаго ознакомленія съ библіотекой Британскаго музея.

Была и вторая причина не спѣшить намъ изъ Лондона вслѣдъ за Черемшанскими. Тѣ небольшія деньжонки (сто талеровъ), съ которыми я пріѣхалъ, очень быстро подходили къ концу, а между тѣмъ присылки моего третного жалованія, падавшаго на это время, почему-то не послѣдовало. Я писалъ два раза справки въ Петербургъ, черезъ г. Икорникова въ Министерство, но никакого отвѣта не получилъ. Волей неволей приходилось запасаться терпѣніемъ.

Первое время послѣ отъѣзда Черемшанскихъ прошло въ продолженіи тѣхъ же осмотровъ Лондона и разныхъ достопримѣчательностей, но скоро стало надоѣдать, и немного мучила совѣсть, когда же примемся наконецъ за дѣло? Главное дѣло для меня должно было заключаться, конечно, въ писаніи диссертаціи, и я давно былъ озабоченъ вопросомъ о выборѣ подходящей темы для того. Два года моихъ занятій въ качествѣ преподавателя статистики въ Императорскомъ Техническомъ училищѣ оставили глубокій слѣдъ въ моихъ вкусахъ и наклонностяхъ въ выборѣ любимыхъ темъ для моихъ занятій въ области народнаго хозяйства: меня всегда особенно здѣсь интересовали вопросы науки, связанные такъ или иначе именно съ промышленностью и торговлей; въ этой же области я (находясь за границей въ такъ называемой профессорской командировкѣ) искалъ для себя темъ по финансовому праву, по которому и долженъ былъ получить ученую степень. Очевидно, мнѣ лучше всего было сосредоточиться поэтому на косвенныхъ налогахъ, непосредственно соприкасающихся съ любимымъ отдѣломъ науки... Чтеніе извѣстной брошюры Лассаля, какъ разъ въ это время, о косвенныхъ налогахъ произвело на меня глубокое впечатлѣніе: я захотѣлъ выяснить и провѣрить, насколько Лассаль правъ, что эти налоги служатъ какъ бы средствомъ для богатыхъ классовъ перелагать свою финансовую тягость на бѣдные, или малоимущіе классы; я чувствовалъ уже смутно, что такая провѣрка можетъ быть сдѣлана лишь путемъ изученія соотвѣтствующей исторіи какого-либо народа, но какой народъ для этого выбрать и какъ приступить къ дѣлу? Съ нѣмецкой литературой по вопросу я познакомился изрядно, но никакихъ указаній на надлежащій путь въ работѣ я въ ней не нашелъ.

Когда я пріѣхалъ въ Лондонъ и попалъ нѣсколько позднѣе (что опишу отдѣльно) въ книжную сокровищницу Британскаго музея, въ которомъ попытался ознакомиться по каталогамъ именно съ литературой о косвенныхъ налогахъ, то я былъ буквально пораженъ богатствомъ незнакомой мнѣ литературы, оригинальностью англій-

-ской мысли и учрежденій и скоро получилъ тамъ больше новыхъ идей о косвенныхъ налогахъ, нежели принесли мнѣ раньше всѣ лекціи и разговоры стараго Рошера. Я письменно устроился тогда съ Черемшанскими въ Гейдельбергѣ относительно сдачи своей квартиры и вещей, о которыхъ они тогда предложили позаботиться, и остался въ Лондонѣ всего, вмѣсто двухъ недѣль, около девяти мѣсяцевъ, съ малымъ перерывомъ для поѣздки позднѣе на короткое время въ Мюнхенъ.

Помимо соображеній, такъ сказать, профессіональныхъ о диссертаціи, мои вкусы и симпатіи Лондонъ завоевалъ и по другимъ причинамъ. „Трудно себѣ представить, напримѣръ", писалъ я въ это время изъ Лондона родственникамъ, „всю затягивающую умственную атмосферу Лондона. Каждый день открываю, могу сказать безъ преувеличенія, новые запасы для мозговой дѣятельности, то книгу, то какое-нибудь наблюденіе, то просто газету. Газеты", писалъ я, „здѣсь замѣчательны. Можно сказать безъ всякаго парадокса, что тотъ, кто въ Англіи не пожилъ, газетъ не знаетъ и не понимаетъ. Прежде всего онѣ въ высшей степени разнообразны тамъ и богаты содержаніемъ. Есть особенные органы для всѣхъ спеціальныхъ вопросовъ. Напримѣръ, газета, преслѣдующая задачу уничтоженія одного какого-нибудь налога, газета для собирающихся жениться, газеты для нежелающихъ праздновать воскресенья, газеты для атеистовъ одного оттѣнка, газета, содержащая только свѣдѣнія объ ужасныхъ убійствахъ, и т. п. газеты, безъ конца. При ихъ множествѣ и богатствѣ содержанія, онѣ стоютъ неимовѣрно дешево; въ 10 огромныхъ страницъ газетина стоитъ часто лишь 3 копѣйки, и вы получаете извѣстія не только со всего міра, но преимущественно о тѣхъ вопросахъ, которыми интересуетесь и газета посвящена; нужно только взять спеціальную газету. На дняхъ моя жена вѣрно замѣтила, что здѣсь можно получить образованіе, читая только однѣ газеты. Въ воскресенье мы съ ней обыкновенно за газетами и проводимъ весь день, т. к. все заперто, удовольствій и развлеченій никакихъ по воскреньямъ не допускается, даже почта не дѣйствуетъ, всѣ письма пріостанавливаются. Англичанами мы очень довольны, недавно посѣтили здѣсь двѣ кооперація, одну земледѣльческую, другую—типографію (производительная ассоціація въ огромныхъ размѣрахъ). Вездѣ принимали насъ чрезвычайно любезно, особенно въ первой, надавали книгъ, приложеній, и т. д. Затѣяли переписку съ однимъ здѣшнимъ финансистомъ (ученымъ), который прислалъ немедленно свои сочиненія, и у насъ затѣялся письменный диспутъ о свободной торговлѣ и ея выгодахъ". На каждомъ его письмѣ стояло, какъ мотто или эпиграфъ, положеніе, выражавшее сущность его эконо-

мическихъ воззрѣній: „Universal Free-Trade is Universal Peace", (Всеобщая свободная торговля есть всеобщій миръ)".

Все вмѣстѣ тянуло, конечно, насъ къ оставленію въ Лондонѣ на продолжительное время. Множество неизвѣстныхъ почти на континентѣ книгъ, особенно изданій разныхъ политическихъ обществъ, посвященныхъ спеціально финансовымъ вопросамъ, напримѣръ „ассоціація финансовыхъ реформъ", вмѣстѣ съ окружающимъ насъ оригинальнымъ складомъ англійской жизни и газетами, давало столько умственныхъ импульсовъ, что отъ продолжительнаго пребыванія можно было только ждать великой для себя пользы и еще раньше даже, чѣмъ я познакомился съ богатствомъ библіотеки Британскаго музея, этой лучшей сокровищницей знаній, какую я видѣлъ первый разъ въ жизни.

Но прежде чѣмъ описывать Британскій музей и водвореніе въ немъ, я долженъ вернуться къ одному постороннему, но очень характерному эпизоду моей жизни въ это время. Какъ я упоминалъ раньше, въ концѣ 1873 года мое жалованье или стипендія изъ Министерства не приходило къ сроку, несмотря на мои тщетныя письма и напоминанія Министерству: что была за причина, не понимаю до сихъ поръ, но опозданіе произошло не менѣе, чѣмъ на два мѣсяца, время достаточное, чтобы умереть въ Лондонѣ съ голоду безъ денегъ. Тутъ имѣли мѣсто два факта въ моей жизни, заслуживающіе вниманія. Мнѣ пришло въ голову, не могутъ ли деньги, мнѣ присланныя въ Лондонъ, почему либо быть отправлены въ посольство, не нужно ли мнѣ тамъ справиться, чтобы добиться, наконецъ, полученія и высылки слѣдующаго мнѣ содержанія. И вотъ я ѣду въ посольство, въ которое собственно, по данной мной подпискѣ Министерству, я и обязанъ былъ являться, но первоначально занятъ былъ другимъ и не исполнилъ этого петербургскаго требованія.

Когда я подошелъ къ роскошному дому Chasham House, въ аристократической части города, принадлежащему нашему послу, тогда, кажется, барону Бруннову и попробовалъ пройти мимо важнаго, колоссальнаго роста привратника въ вестибюлѣ посольства, то онъ меня немедленно остановилъ неожиданнымъ вопросомъ: „Вы русскій?" „Yes", отвѣтилъ я. „Въ такомъ случаѣ вамъ нельзя войти сюда". — „Какъ нельзя, почему?" — „Посолъ разъ навсегда принялъ за правило русскихъ сюда не пускать. Если желаете имѣть какую-нибудь надобность до своего правительства, или даже до самого посла, то извольте прислать ваше желаніе письменно, или обратиться къ генеральному консулу въ City, въ другой части Лондона. Здѣсь же вы никоимъ образомъ не можете быть приняты, кромѣ по личному распоряженію посла". Я былъ въ боль-

шомъ затрудненіи. Сказалъ суровому привратнику, что мнѣ до консула, собственно, дѣла нѣтъ, потому что я не по торговой надобности и не по паспорту, показывалъ даже свой паспортъ, чтобы подтвердить это, но величавый англійскій представитель русскаго посольства отклонилъ рѣшительно всѣ переговоры и твердилъ мнѣ одно только слово: „No, no, no, no...“

Дѣлать было нечего; тогда я отправился къ русскому священнику, съ которымъ имѣлъ удовольствіе познакомиться, къ извѣстному отцу Евгенію Ивановичу Попову, пользовавшемуся всеобщимъ уваженіемъ всѣхъ русскихъ, его видѣвшихъ и всѣхъ англичанъ. Я объяснилъ ему мои затрудненія. Онъ мнѣ только подтвердилъ такое распоряженіе. „Мы имѣемъ“, говорилъ онъ, „весьма мало отношенія къ русскому посольству, можно сказать, почти чужды ему. За десятки лѣтъ моего пребыванія въ Лондонѣ были назначаемы главнѣйшимъ образомъ послы только изъ нѣмцевъ, протестантовъ, которые, разумѣется, не могли быть прихожанами нашей православной церкви и бывали у насъ только въ царскіе дни. Вотъ, другое дѣло, если бы вамъ была какая-либо надобность въ Турецкое посольство, я бы могъ легко доставить вамъ всякое въ этомъ случаѣ покровительство отъ моего почтеннаго прихожанина Музурусъ-Паши, родомъ грека, турецкаго паши, болѣе 30 лѣтъ посла въ Лондонѣ. Турецкое посольство и бываетъ у насъ въ церкви очень часто, впрочемъ, обращаясь ко мнѣ, „я знаю одно средство проникнуть вамъ въ настоящее русское посольство. Тамъ недавно получилъ занятіе нашъ причетникъ Орловъ, по письменной части, котораго вы, кажется, встрѣчали. Вотъ вамъ моя англійская карточка, отправляйтесь съ ней опять въ посольство и скажите грозному привратнику, что вы присланы мной по надобности церкви къ причетнику, занятому въ канцеляріи, вѣроятно, тогда онъ васъ пуститъ. Можете Орлову объяснить, что вамъ надо на счетъ вашего жалованья“. Такъ я и сдѣлалъ. Былъ допущенъ, впрочемъ, не дальше вестибюля, поговорилъ съ Орловымъ, но, къ сожалѣнію, все-таки, моихъ денегъ въ посольствѣ не оказалось, и мои хлопоты въ данномъ случаѣ оказались напрасны.

Любопытно, что когда я разсказалъ хозяйкѣ нашей квартиры о своей неудачѣ проникнуть въ русское посольство и о рѣшительномъ отказѣ въ пріемѣ именно только русскимъ, простоватая и неразвитая Mrs Siggers впала въ настоящій ражъ и начала настойчиво мнѣ совѣтовать, чтобы я написалъ и пожаловался на посла своей королевѣ (?), что̀ навѣрное, по ея мнѣнію, будетъ успѣшно— такіе случаи уже бывали, говорила она. Смѣшная англичанка воображала, разумѣется, что всюду сидятъ королевы, одинаково съ

королевой Викторіей, милостиво относящіяся къ жалобамъ своихъ подданныхъ!!.

Единовременно, въ виду того, что у меня деньги вышли и послѣднюю недѣлю приходилось намъ уже жить въ долгъ у mrs Siggers, которая добродушно соглашалась ждать денегъ за квартиру, я хлопоталъ о средствахъ изъ разныхъ источниковъ, между прочимъ, тщетно требовалъ, написалъ цѣлыхъ *девять писемъ* редактору „Русскихъ Вѣдомостей" Скворцову, чтобы получить 98 рублей, которые мнѣ газета была должна за годъ корреспонденцій изъ Германіи и Швейцаріи въ разное время; письма писалъ сначала вѣжливо и любезно, затѣмъ грубо и невѣжливо, дерзко, настойчиво, просительно и съ угрозами, но рѣшительно ничего не дѣйствовало, и деньги не были присланы! Тогда я вспомнилъ о томъ, что у меня въ Москвѣ существуетъ одинъ близкій пріятель—студентъ Сиверцевъ, и вотъ я послалъ ему письмо съ убѣдительнѣйшей просьбой взыскать эти деньги, которыя не хочетъ, мнѣ казалось, выплатить редакторъ „Русскихъ Вѣдомостей". Прошло недѣли четыре безъ отвѣта. Наконецъ, я получилъ его отъ Сиверцева съ довольно страннымъ содержаніемъ(!!?) Во-первыхъ, онъ довольно энергично защищалъ Скворцова отъ упрековъ, увѣряя меня, что онъ вполнѣ честный человѣкъ, не отрицалъ долга и согласился немедленно его уплатить, когда онъ его засталъ, посѣтивши редакцію *пять разъ*, но что затѣмъ, онъ, Сиверцевъ, удивляется, *какъ я могъ къ нему обратиться съ подобнымъ порученіемъ*, ибо долженъ знать его неисправность и слабость въ денежномъ отношеніи и что онъ проситъ меня написать (хотя ему адресъ мой былъ извѣстенъ), что съ этими деньгами дѣлать, *что онъ ихъ уже издержалъ*, но что скоро получитъ и по моему распоряженію тогда вышлетъ куда я скажу(??!!).

Такимъ образомъ, благодаря этой русской дружественной исправности, вновь прошло нѣсколько недѣль, пока я, наконецъ, дѣйствительно, несомнѣнно, имѣя дѣло съ честными русскими людьми, получилъ наконецъ свои деньги, но единовременно съ тѣмъ пришло наконецъ и мое запоздавшее жалованье и пришелъ заемъ или точнѣе ссуда, о которой я просилъ въ Россіи у родственниковъ моей жены, и такимъ образомъ наступило настоящее embarras de richesses;—„не было полушки и вдругъ алтынъ!!!".

Я успокоился наконецъ, получивши такимъ образомъ средства, необходимыя для существованія, и рѣшился первѣе всего приступить къ писанію диссертаціи. Однажды ко мнѣ зашелъ вышеупомянутый причетникъ Н. В. Орловъ и предложилъ, если желаю, пойти съ нимъ въ читальню Британскаго музея, гдѣ я еще до тѣхъ поръ не былъ. Я охотно отправился: но насъ, какъ не имѣвшихъ вход-

ныхъ билетовъ, допустили лишь по заведенному тамъ порядку только „till Glass“ (до стекла), т. е. до входа въ огромную круглую залу читальни, откуда мы могли видѣть черезъ большое стекло все это превосходное учрежденіе въ нѣсколько этажей, наполненныхъ сверху до низу книгами, со множествомъ столовъ, идущихъ отъ каталоговъ, разставленныхъ концентрическими кругами отъ середины залы, многочисленныхъ открытыхъ шкаповъ, въ уровень зала, для свободнаго, безъ всякаго спроса пользованія всевозможными справочными книгами. Огромный куполъ надъ залой бросалъ свѣта достаточно, несмотря даже на лондонскіе туманы. Зала была наполнена народомъ при относительной въ то же время тишинѣ, располагающей къ занятіямъ (полъ сплошь покрытъ толстымъ резиновымъ ковромъ). Я пришелъ въ восторгъ отъ вида одного только зала и немедленно отправился съ Орловымъ къ секретарю за полученіемъ билета, что, увы, оказалось, требовало длинной процедуры. Билетъ, дающій доступъ въ читальню, обязательно долженъ быть подписанъ какимъ-либо постояннымъ жителемъ Лондона, при чемъ не всѣмъ оказывалось довѣріе; наша пьяненькая mrs Siggers не пользовалась имъ, и мнѣ пришлось ради билета ѣздить къ консулу въ City за подписью. Женѣ же моей прямо было отказано въ выдачѣ билета *по ея несовершеннолѣтію*. Лица до 21 года доступа въ читальню Британскаго музея не имѣютъ, а ей было всего 18 лѣтъ. Предполагается у англичанъ, что такія лица читаютъ какіе-нибудь пустяки, вродѣ романовъ, наконецъ, вообще не достаточно серьезны, чтобы имъ довѣрить безконтрольно, какъ это дѣлается въ Музеѣ, массу книгъ въ свободное распоряженіе.

И такъ мы были временно разлучены съ женой, я рано утромъ въ девять часовъ отправлялся въ Музей и оставался до закрытія его, что было зимой до 4-хъ часовъ, потому что до изобрѣтенія электричества въ Британскомъ музеѣ только работали при дневномъ свѣтѣ. На полчаса или часъ среди дня, я дѣлалъ перерывъ для обѣда, для котораго сходился у входа въ Музей съ женой, а затѣмъ опять разлучался до вечера или точнѣе закрытія Музея. У меня быстро и незамѣтно въ работѣ проходило время. Оказалось, Британскій музей представляетъ такъ много благопріятныхъ условій для занятій, какъ никакая другая библіотека на свѣтѣ. Несмотря на отсутствіе тогда систематическаго или предметнаго каталога, я находилъ, что искать нужныя и любопытныя сочиненія вовсе не затруднительно въ этой библіотекѣ. Каждый подобный поискъ былъ самъ по себѣ полезенъ, ибо всегда при этомъ встрѣчались названія новыхъ интересныхъ по заглавію или содержанію книгъ. Чтобы найти одну книгу, я всегда обращался съ пачкой „ticket“-овъ для требованія многихъ книгъ.

Лишь найдя и собственноручно записавши необходимую книгу, гдѣ она стоитъ по каталогу, можно было ее потребовать. Но зато въ Британскомъ музеѣ дозволялось требовать неопредѣленное количество книгъ, а потому, при нѣкоторой привычкѣ къ обращенію съ книгами, работа тамъ является въ высшей степени интенсивной. Въ одинъ день можно просмотрѣть 10 или болѣе нужныхъ книгъ и случайно найти истинное сокровище между ними, чего, при старыхъ системахъ библіотечныхъ требованій только посредствомъ записи книгъ и при исканіи библіотекарями, сдѣлать нельзя.

Огромную выгоду Британскаго музея составляетъ также множество, цѣлыя тысячи справочныхъ книгъ, подъ которыми весьма широко разумѣются всѣ наиважнѣйшія изданія по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія. Сюда одинаково, расположенные систематически входятъ не только всѣ главные учебники всѣхъ наукъ, но и важнѣйшія монографіи, важнѣйшіе журналы и словари буквально всѣхъ языковъ. Всякая справка, требующая въ иныхъ библіотекахъ затраты многихъ дней, здѣсь дѣлается часто въ 10 минутъ или меньше, если только знакомы съ устройствомъ библіотеки достаточно хорошо.

Я съ жаромъ принялся за работу, какъ никогда. Бьющійся около меня сильно пульсъ политической жизни, дебаты парламента, масса памфлетной и брошюрной литературы, изданія многочисленныхъ политическихъ обществъ и богатства, такъ называемыхъ, „Синихъ Книгъ", все это вмѣстѣ какъ бы объяснило и указало путь и способъ новой работы... Я долженъ, сказалъ я себѣ, изучать исторію англійскихъ косвенныхъ налоговъ, въ связи съ общей экономической исторіей страны, борьбой ея политическихъ партій и спеціально современную литературу предмета. За ранній періодъ я долженъ обратить главное вниманіе на памфлеты, занимавшіе до XVIII столѣтія мѣсто газетъ, а съ конца XVIII—парламентскія пренія.

Усердно просидѣвши съ утра до вечера въ Британскомъ музеѣ, почти 9 мѣсяцевъ, съ однимъ лишь перерывомъ для короткой поѣздки въ Мюнхенъ, о которой будетъ говориться дальше, я собралъ необходимый матеріалъ для первой части историческаго своего изслѣдованія, а для второй, содержащей современное описаніе организаціи англійскихъ акцизовъ и общіе выводы изъ всей работы вмѣстѣ съ критикой, была подготовлена большая часть.

Къ сожалѣнію, мѣсяца два я вынужденъ былъ работать одинъ, жена мнѣ помогать, при всемъ ея добромъ желаніи, не могла, лишенная возможности посѣщать Музей и, по правдѣ сказать, настроеніе духа иногда у меня было не важное при воспоминаніи о томъ, какъ она, бѣдняжка, проводитъ время съ болтливой m-s

Siggers и воюетъ съ мышами, которыхъ оказалось въ нашей комнатѣ, почти совершенной мансардѣ, огромное количество. Ихъ было такъ много, что онѣ безцеремонно днемъ бѣгали по комнатѣ и мебели, а ночью очень часто, какъ я убѣдился въ первый разъ, давали концертъ, испуская какой-то гармоничный пискъ, въ весьма значительномъ количествѣ. Вечеромъ или точнѣе часовъ въ пять, я возвращался домой въ высшей степени усталый отъ напряженнаго труда, такъ что пользоваться обществомъ или помощью жены могъ лишь весьма мало, и дѣло первоначально, слѣдовательно, не могло такъ спориться, какъ бы слѣдовало. Вотъ что, напримѣръ, пишетъ моя жена своимъ родителямъ 21 ноября 1873 года:

„Пишу вамъ, дорогіе мои, пока И. И. легъ отдыхать послѣ долгихъ занятій въ Музеѣ, куда онъ аккуратно ходитъ всякій день утромъ отъ 9 до часу, затѣмъ послѣ обѣда отъ 2 до 4, когда библіотека уже совсѣмъ запирается зимой. Дѣло въ томъ, что мы рѣшили остаться въ Лондонѣ на всю зиму; онъ сильно принялся за подготовку диссертаціи“ (въ слѣдующемъ письмѣ она знакомитъ своихъ родныхъ съ самымъ характеромъ моей работы); „весь день почти мы съ нимъ не видимся, только обѣдать я захожу за нимъ, затѣмъ онъ опять меня покидаетъ и прямо съ обѣда идетъ въ Музей, и только вечеромъ уже сидимъ дома, но и тутъ все жалуется, занятый купленными книгами, что я его отвлекаю отъ чтенія, и собирается меня шутя „отослать къ родителямъ“!? Со вчерашняго дня мы наняли англійскаго учителя для практики языка мужу, который будетъ ходить три раза въ недѣлю. Что же касается меня, то я себя чувствую здѣсь столь же дома, сколько въ Германіи; не имѣю рѣшительно никакого затрудненія въ языкѣ, объясняюсь порядочно, вполнѣ все понимаю. Я знала, что недоставало только пожить мѣсяцъ между англичанами, чтобы наторѣться въ говорѣ. Впрочемъ, теперь меньше имѣемъ дѣло съ англичанами, потому что ходимъ обѣдать въ нѣмецкій ресторанъ (клубъ нѣмецкихъ лакеевъ(!!?)—Deutscher Kellner-Verein, по шиллингу обѣдъ въ пять блюдъ). Для меня хорошую практику составляетъ хозяйка, которой я потому и не посылаю лишь къ чорту, хотя иногда она такъ сильно надоѣдаетъ своей родословной, своими безконечными разсказами по поводу перваго встрѣчнаго предмета или человѣка!! Наша жизнь здѣсь, какъ Вы уже замѣтили изъ моихъ письменныхъ разсказовъ, очень оригинальна. Живемъ въ огромномъ городѣ, между тѣмъ занимаемъ крошечную мансарду, въ которой, что ни повернуться, все что-нибудь задѣнешь. Ежедневно видимъ массу людей, между тѣмъ знакомыхъ ни души не имѣемъ, но я тѣмъ не менѣе полюбила и эту маленькую комнатку, и это людное уединеніе, потому что вижу,

какъ наше пребываніе здѣсь полезно мужу и интересно для меня. Моя цѣль познакомиться въ эти мѣсяцы поближе съ англійской литературой, почему все мое чтеніе исключительно на англійскомъ языкѣ"... „На дняхъ", пишетъ она дальше, „мы отправляемся на митингъ ассоціаціи рабочихъ, куда насъ обѣщалъ провести директоръ одного кооперативнаго общества m-r Greening, къ которому мы обращались за свѣдѣніями относительно устройства и положенія этого общества. Онъ милый очень человѣкъ, и такъ какъ пользуется большимъ значеніемъ въ своей партіи кооператоровъ, то всего лучше можетъ удовлетворить любопытство мужа. Замѣчательно, до какой степени здѣсь развита общественная и политическая жизнь, какъ она проникаетъ во всѣ скромные слои общества"...

Написавъ эти строки своего письма о m-r Greening'ѣ и о посѣщеніи въ будущемъ конференціи рабочаго общества, жена не предвидѣла, какое великое удовольствіе и благо для нея скоро готовится отъ этого самого Гриннинга. Вслѣдствіе маленькаго ея нездоровья мы убоялись ѣхать очень далеко на другой конецъ Лондона на вышеозначенное засѣданіе и написали извиненіе Greening'у. На другой день во время моихъ занятій въ Музеѣ, къ моему удивленію, ко мнѣ подошелъ служитель библіотеки, уже знавшій мое имя, безобразно исковерканное въ m-r „Дженджель" и объявилъ, что меня спрашиваютъ какіе-то господа, желающіе меня видѣть, въ передней комнатѣ Музея. Я немедленно вышелъ и, къ великому моему изумленію, нашелъ свою супругу въ обществѣ m-ra Гриннинга, который былъ настолько любезенъ и обязателенъ, что, въ виду нашей ссылки на болѣзнь жены и отсутствія въ засѣданіи, пріѣхалъ лично узнать о ея здоровьѣ и выразить сочувствіе. Заставши ее совсѣмъ удрученной отъ нескончаемой болтовни m-s Siggers, онъ спасъ ее, предложивши отправиться съ визитомъ ко мнѣ въ Британскій музей.

Узнавши, что я еще не видалъ, откуда получаю заказанныя книги, онъ немедленно вызвалъ одного изъ главныхъ библіотекарей, своего, кажется, хорошаго пріятеля, и тотъ провелъ насъ по внутренности библіотеки, объясняя ясно и досканально все устройство и организацію размѣщенія книгъ, отпуска ихъ, разборки, и т. д. Въ заключеніе, насъ провели въ русскій отдѣлъ, гдѣ познакомили съ m-r Рольстеномъ, главнымъ библіотекаремъ славянскаго отдѣленія (котораго, впрочемъ, я видѣлъ одинъ разъ раньше, какъ объясню далѣе), m-r-омъ Накэ, его замѣнившимъ впослѣдствіи, очень юркимъ польскимъ евреемъ и нѣсколькими другими библіотекарями изъ внутреннихъ отдѣленій Музея.

Когда m-r Greening съ нашихъ словъ передалъ имъ выраженіе нашего сожалѣнія, что мы съ женой разлучены цѣлый день, и она

не можетъ мнѣ помогать, какъ бы хотѣла, благодаря строгому ригоризму правилъ, недопускающихъ несовершеннолѣтнихъ для работы, всѣ присутствующіе библіотекари немедленно вошли въ нашъ интересъ, усѣлись вокругъ стола, сочинили и написали совмѣстно прошеніе со своими подписями и ручательствомъ, къ главному „Опекуну", какъ ихъ называютъ,—„Trustee" Британскаго музея, о необходимости сдѣлать въ данномъ случаѣ изъятіе и жену не разлучать съ мужемъ. Благодаря такимъ образомъ любезности англичанъ, вовсе не формалистовъ, когда для этого есть достаточно вѣскія основанія и въ особенности, любезности Гриннинга, такъ мало насъ знавшаго, мы опять соединились съ женой на цѣлый день и начали вмѣстѣ успѣшно работать, при чемъ работа пошла вдвое скорѣй и болѣе весело. По моему указанію, жена прочитывала и дѣлала конспекты разныхъ книгъ, выписки или переводы, смотря по спеціальности книги, часть же времени посвящала всецѣло на свое собственное чтеніе и образованіе; какъ увѣряла потомъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ въ Британскомъ музеѣ она прочла больше, чѣмъ всю свою жизнь внѣ его.

Вотъ образецъ ея описанія музея за первый день полученнаго разрѣшенія, въ ея письмѣ къ матери отъ 16 января 1874 года: „Съ понедѣльника", пишетъ она, „я хожу съ мужемъ въ музей, гдѣ занимаюсь изученіемъ и краткимъ изложеніемъ дѣятельности Вальполя, англійскаго министра въ XVIII столѣтіи. Папашѣ интересно будетъ знать, что предметомъ своей диссертаціи И. И. избралъ исторію акциза въ Англіи (преимущественно акцизъ на вино и водку, такъ что я называю теперь его диссертацію диссертаціей о водкѣ или водочной диссертаціей). Матеріала куча; въ музеѣ можно найти всевозможныя книги, и старыя и новыя, заниматься тамъ отлично. Зала необычайна по своей величинѣ и красотѣ, все прекрасно приспособлено для занятій. Кромѣ тѣхъ книгъ, которыя заказываютъ, вся стѣна зала, которая имѣетъ круглую форму, уставлена разными справочными книгами, исторіями, атласами, всевозможные журналы, всѣ классическія литературныя произведенія и т. д. Въ промежутокъ времени стоитъ только сдѣлать два шага, можно безъ спросу брать любую изъ этихъ книгъ".

„Позанявшись утромъ акцизомъ, я послѣ обѣда посвящаю обыкновенно на чтеніе журналовъ и книгъ общаго интереса. Въ эти нѣсколько дней я уже чтеніемъ пріобрѣла много свѣдѣній, не говоря уже о наслажденіи, которое испытывала, узнала, напримѣръ, о современномъ норвежскомъ писателѣ, о которомъ до сихъ поръ никогда не слыхала. Познакомилась съ португальской литературой эпохи возрожденія, прочла большой отдѣлъ книгъ по разнымъ со-

ціальнымъ вопросамъ. Между прочимъ статьи объ образованіи дѣвочекъ, объ образованіи женщинъ, ихъ способность къ политической дѣятельности, написанныя очень интеллигентной женщиной, женой извѣстнаго политико-эконома, профессора Фоссета, которымъ теперь занимается мой мужъ, и т. д. и т. д. Дома я читаю свои книги, романы Вальтеръ-Скотта, какъ легкое чтеніе, а какъ занятіе, политическую экономію Милля, или перечитываю англійскую исторію, а въ воскресенье читаю съ мужемъ газету „Examiner“ и „National Reformer“, которыя всегда оставляютъ въ головѣ не только кучу новыхъ свѣдѣній, но ясное пониманіе ихъ, возвышая умъ и душу своимъ благороднымъ направленіемъ: „какъ досадно“, восклицаетъ она, „что вы не знаете англійскаго языка, а то пріятно было бы дать вамъ прочесть всѣ эти журналы въ Россіи. Даже въ самыхъ обыкновенныхъ газетахъ нерѣдко появляются замѣчательныя статьи, которыя мы обыкновенно вырѣзываемъ и сохраняемъ. Такимъ образомъ вы видите, все время у насъ проходитъ въ работѣ, а работается весело“!!.

„Англичанами и англійскими устройствами мы все больше и больше восхищаемся, если бы не дороговизна, которая заставляетъ насъ за хорошую цѣну имѣть скверную конурку, экономить, воздерживаться отъ лишняго стакана пива (почему И. И. вѣрно и выбралъ этотъ предметъ для диссертаціи; Вы увидите, онъ, нѣтъ сомнѣнія, будетъ сильно нападать на акцизъ спиртныхъ напитковъ, дѣлающихъ ихъ столь дорогими, что онъ отъ водки совсѣмъ отказался, пива же выпиваетъ лишь одинъ маленькій стаканъ за обѣдомъ); и такъ, если бы не дороговизна, а также полный недостатокъ своего общества, то здѣсь было бы, право, какъ нельзя лучше жить!!?“ Тотъ же вопросъ о недостаткѣ общества, часто конечно, несмотря на дѣятельную рабочую жизнь, приходилъ намъ въ голову и въ нѣсколькихъ нашихъ письмахъ къ роднымъ за это время встрѣчаются шутливыя выраженія, напримѣръ, при встрѣчѣ новаго 1874 года, что „мы тутъ, *отшельникъ съ отшельницей*, встрѣчаемъ новый годъ въ лондонской пустынѣ“, и дѣйствительно это наше первое пребываніе въ Лондонѣ, съ начала октября по конецъ марта, прошло всецѣло за трудной и спѣшной работой, безъ всякаго почти развлеченія и общества и самыми жалкими матеріальными средствами. Такъ какъ моя молодая супруга вела тогда счеты обратно съ послѣдующимъ чрезвычайно аккуратно, то вычислила и сообщила мнѣ, что въ январѣ мѣсяцѣ, напримѣръ 1874 года, при переводѣ на русскую валюту, мы издержали въ Лондонѣ вдвоемъ на все существованіе, включая покупку книгъ и газетъ, молоко для жены и табакъ для меня, всего лишь 71 рубль, что, конечно, нельзя не считать очень скромнымъ???!!!

Всѣ письма, которыя я получалъ въ это время изъ Москвы, сообщали мнѣ въ сущности одно и то же: необходимость возвращаться домой непремѣнно съ диссертаціей, если я хочу устроить свою университетскую участь должнымъ образомъ. „Пишите и пишите", что относилось къ диссертаціи, получалъ я отъ всѣхъ благопріятелей, почему и напрягалъ всѣ силы свои, а жена свою помощь, чтобы довести работу до ближайшаго окончанія. Одно время меня обезпокоилъ слухъ изъ Москвы о новыхъ выборахъ на пять лѣтъ моего патрона Мильгаузена, который такъ категорически заявилъ мнѣ въ свое время, что онъ уже кончаетъ службу и будто бы выбираться не будетъ. Произошло какъ разъ наоборотъ. Молодой, относительно, Бабстъ вышелъ въ отставку, сдѣлавшись управляющимъ Московскаго купеческаго банка, и Чупровъ спѣшно былъ приглашенъ начать чтеніе лекцій въ 1874 году въ качествѣ преподавателя. Мильгаузенъ же наоборотъ остался еще на пять лѣтъ. Впрочемъ профессоръ Соколовъ, секретарь факультета, дружелюбно ко мнѣ расположенный, очень скоро, тоже въ ноябрѣ 1873 года, успокоилъ меня на счетъ этого обстоятельства. Вотъ выдержка изъ его письма по этому поводу:

„Очень радъ слышать, что ваши занятія по диссертаціи идутъ успѣшно и къ августу будущаго года будутъ окончены. Это обстоятельство очень важное, и отъ него главнымъ образомъ будетъ зависѣть разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, которые васъ озабочиваютъ, и на которые я могу дать вамъ такой отвѣтъ, основываясь на соображеніи извѣстныхъ мнѣ обстоятельствъ:

„Вопросъ о мѣстѣ для васъ при нашемъ университетѣ главнымъ образомъ зависитъ отъ васъ, т. е. отъ вашей диссертаціи, и рѣшается очень просто. Факультетъ въ настоящее время не имѣетъ недостатка въ свободныхъ вакансіяхъ профессуръ, и только бы имѣлись на лицо люди, признаваемые за достойныхъ и способныхъ, онъ не затруднится съ представленіемъ о назначеніи ихъ. Въ частности ваше положеніе, при наличности вышеуказанныхъ предположеній, не представляетъ на мой взглядъ никакихъ затрудненій. Пусть Камаровскій читаетъ съ осени международное право, пусть Мильгаузенъ продолжаетъ читать финансовое право; и при этихъ комбинаціяхъ для васъ можетъ найтись дѣло и мѣсто. Каѳедра финансоваго права, по уставу, подраздѣляется на двѣ части: а) теорія финансовъ и б) русское финансовое право, распредѣленіе ихъ между двумя лицами и возможно и желательно. Слѣдовательно, вамъ нужно только пріобрѣсти jus ad rem, т. е. изготовить и представить диссертацію, и тогда факультетъ получитъ возможность дѣйствовать для предоставленія Вамъ jus in re. Я не говорилъ объ этомъ въ

факультетѣ и въ настоящее время нахожу это совершенно излишнимъ, но когда придетъ нужное для того время и надобность, я буду говорить и увѣренъ, что никакихъ затрудненій въ существѣ вопроса не представится. И такъ, мой совѣтъ—спокойно вести работу по диссертаціи, окончить ее къ августу и явиться съ нею къ намъ. Частнымъ образомъ я буду вскорѣ говорить о васъ съ Мильгаузеномъ, и каковы бы ни были его намѣренія относительно своей службы при Университетѣ (кажется, въ будущемъ году срокъ его пятилѣтія и новой баллотировки), въ нихъ, я полагаю, не найдется затрудненій для васъ. Пишите диссертацію"...

„Вопросъ о печатаніи ея удобнѣй будетъ разрѣшить здѣсь на мѣстѣ, когда она уже изготовлена. Ваше личное здѣсь присутствіе съ диссертаціей будетъ всего важнѣй. Выводъ опять одинъ и тотъ же: пишите диссертацію! Была бы готова—напечатаютъ".

Къ этому времени упорнаго сидѣнія моего и работы въ Британскомъ музеѣ относится знакомство мое съ однимъ изъ моихъ дорогихъ друзей въ будущей жизни въ Московскомъ университетѣ, Николаемъ Ильичемъ Стороженко. Я его увидалъ въ первый день моего посѣщенія Музея вмѣстѣ съ причетникомъ Орловымъ, о чемъ говорилъ выше. Познакомился же съ нимъ черезъ нѣсколько дней по очень простой причинѣ. Встрѣтивши какія-то затрудненія вначалѣ въ поискахъ за книгами и въ расположеніи каталоговъ музея, я обратился, согласно обычаю, къ такъ называемому „суперинтенденту", т. е. старшему библіотекарю, надзирающему въ читальнѣ за всѣмъ порядкомъ и ходомъ дѣла. Тотъ, видя, что я еще плохо выражаюсь по-англійски, немедленно вызвалъ изъ внутренняго помѣщенія библіотеки извѣстнаго ученаго по славянскимъ языкамъ, мнѣ уже знакомаго Рольстона. Рольстонъ немедленно, со своей стороны, предложилъ меня познакомить, какъ онъ заявилъ, съ моимъ соотечественникомъ, здѣсь въ читальнѣ постоянно занимающимся и хорошо знакомымъ со всѣми порядками библіотеки, профессоромъ Стороженко, что немедленно и исполнилъ. Такимъ образомъ я познакомился впервые съ моимъ будущимъ товарищемъ и близкимъ другомъ, смерть котораго я до сихъ поръ оплакиваю, Николаемъ Ильичемъ Стороженко. Мало встрѣчается на свѣтѣ такихъ добрыхъ, жизнерадостныхъ, веселыхъ и остроумныхъ людей, какъ онъ. Въ его обществѣ и присутствіи нельзя было буквально скучать или, тѣмъ болѣе, грустить. Постоянныя шутки и остроты самаго безобиднаго характера сыпались у него какъ изъ рога изобилія. При этомъ огромномъ чисто малороссійскомъ юморѣ, Николай Ильичъ отличался большимъ умомъ, большими свѣдѣніями въ литературѣ и удивительной памятью, особенно на стихотворенія. При случаѣ онъ

выпаливалъ цѣлыя страницы стихотвореній кого-либо изъ болѣе или менѣе извѣстныхъ поэтовъ и рѣшалъ этимъ, или давалъ извѣстную постановку тому или иному вопросу и при томъ въ такомъ блестящемъ видѣ, что уже дальнѣйшіе споры по этому поводу не могли имѣть мѣста.

Въ концѣ 80-хъ годовъ я написалъ, напримѣръ, и прочелъ публичную лекцію сначала въ Москвѣ и повторилъ ее потомъ въ Петербургѣ, о новомъ гуманитарномъ движеніи въ Англіи среди молодого образованнаго университетскаго общества. Молодые люди во главѣ со стариками, вродѣ профессора Рёскина, и другими шли къ бѣднякамъ рабочимъ въ восточномъ Лондонѣ, поселялись между ними и своимъ усерднымъ трудомъ и примѣромъ старались поднять и улучшить положеніе бѣдныхъ классовъ и сдѣлать ихъ болѣе довольными своимъ существованіемъ. Эти лекціи впослѣдствіи были мною напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы" подъ именемъ: „Практическая филантропія въ Англіи" и собраны вмѣстѣ въ моей книгѣ: „Въ поискахъ къ лучшему будущему" (2 изданіе 1908 г.): Н. И. Стороженко, присутствовавшій на этой лекціи, видя и раздѣляя энтузіазмъ публики, очень довольный этимъ чтеніемъ, немедленно обратился ко мнѣ въ антрактѣ съ предложеніемъ къ этой лекціи избрать эпиграфомъ одно французское стихотвореніе въ русскомъ переводѣ, по его мнѣнію наиболѣе подходяще выражающее основныя мысли всего содержанія. Этотъ эпиграфъ, который, къ моему удивленію, черезъ много лѣтъ я встрѣтилъ нечаянно повтореннымъ въ „На днѣ" Максима Горькаго, былъ къ сожалѣнію выброшенъ редакторомъ по цензурнымъ соображеніямъ, и статья появилась безъ него. Стороженко цѣликомъ, тутъ же въ антрактѣ, продиктовалъ мнѣ въ нѣсколько минутъ этотъ любопытный и очень удачный эпиграфъ вступленія къ этой лекціи:

„Если къ правдѣ святой
Міръ дороги найти не умѣетъ,
Честь безумцу, который навѣетъ
Человѣчеству сонъ золотой.
Если бъ завтра землѣ нашей путь
Освѣтить наше солнце забыло,
Завтра жъ цѣлый бы міръ освѣтила
Мысль безумца какого-нибудь!.."

Эта находчивость, остроуміе и постоянно почти веселое ровное настроеніе духа бодрило всѣхъ присутствующихъ и составляло исключительную особенность покойнаго Стороженки. Послѣ начала нашего знакомства черезъ Рольстона, надъ которымъ милый мало-

росъ немало подшучивалъ, увѣряя, что онъ потому къ нему имѣетъ большую симпатію, что одинаково съ нимъ обладаетъ краснымъ носомъ, указывающимъ на извѣстную будто бы слабость (хотя, наоборотъ, въ дѣйствительности Стороженко былъ человѣкъ очень умѣренный по части выпивки), мы начали весело, бокъ-о-бокъ работать въ музеѣ втроемъ (жена къ новому году—въ 1874 году,—была допущена въ читальный залъ), и время проходило совершенно незамѣтно. а результаты получились для работы самые плодотворные. Каждый лишній день открывалъ намъ прекрасную душу Николая Ильича и способствовалъ большему между нами сближенію. Вотъ что, напримѣръ, писала о немъ моя жена своимъ родителямъ, нѣсколько позднѣе, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1874 года: „Мнѣ помѣшалъ немедленно вамъ писать своимъ приходомъ Стороженко, нашъ новый знакомый, московскій профессоръ исторіи и литературы; славный онъ человѣкъ, безконечно добрый и общительный, просидѣлъ въ нашей конуркѣ весь вечеръ, все болталъ о разныхъ матеріяхъ. Если придется удобный случай, я васъ непремѣнно съ нимъ познакомлю въ Москвѣ. Впрочемъ, тамъ его пожалуй не поймаешь, у него куча знакомыхъ и между ними много дамъ, которыя, я могу себѣ представить, не подѣлятъ его между собой. Какъ видите, мы теперь не такъ живемъ уединенно, какъ въ началѣ, хотя такъ же скромно въ отношеніи квартиры и ѣды. Небольшое знакомство, впрочемъ, которое у насъ началось, вовсе не служитъ помѣхой нашимъ занятіямъ: оно, напротивъ, лишь доставляетъ необходимую рекреацію для ума и сердца. Изъ музейскихъ часовъ, т. е. промежуткомъ между 9 часами утра и 6 вечера (съ начала весны) мы никогда не позволяемъ себѣ ничего просрочивать. Только вчера позволили себѣ въ первый разъ пропустить цѣлый день и посвятили его на Хрустальный Дворецъ, который, къ сожалѣнію, какъ большая часть музеевъ въ Лондонѣ, открытъ только въ будніе дни. Все это было бы ничего, лишь бы только поскорѣй устроиться...“

Чѣмъ болѣе времени проходило, и главная наша работа на диссертацію подвигалась, тѣмъ больше въ то же время закрадывалось невольно сомнѣніе о будущемъ и о томъ, какъ устроимся впереди.

Въ письмѣ къ матери жена моя пишетъ, напримѣръ, въ это время, въ іюнѣ 1874 года: „Дѣло въ томъ, что мы начинаемъ сильно безпокоиться на счетъ мѣста, съ тѣхъ поръ какъ узнали отъ пріѣхавшаго сюда одного московскаго профессора, что Мильгаузенъ, котораго мужъ долженъ былъ замѣнить, снова выбранъ и остался еще на пять лѣтъ. Правда, намъ писалъ Соколовъ, что хотятъ учредить вторую финансовую каѳедру, но это еще не вѣрно, и во всякомъ случаѣ это будетъ каѳедра по русскимъ финансамъ, такъ

что И. И. придется читать предметъ, которымъ онъ мало занимался, а теперешніе его труды не получатъ непосредственнаго приложенія. Изъ всего этого, главное, обидно, что всѣ эти новости мы узнали со стороны, а что тѣ люди, которые должны были бы, кажется, чувствовать нѣкоторую отвѣтственность, такъ какъ сами обнадежили мужа, тѣ молчатъ, какъ ни въ чемъ не бывало... Мы, конечно, надежды вполнѣ не теряемъ, но обидно будетъ, если придется искать мѣста не въ Москвѣ. Я съ нетерпѣніемъ жду, какъ это все рѣшится? И. И. работаетъ, кажется, какъ нельзя больше, и за нимъ дѣло не должно бы постоять".

Любопытно, что въ то же время у насъ начало появляться съ женой впервые, несмотря на всю усердную работу и удовольствія и культуру англичанъ, нѣкоторое Heimweh, тоска по родинѣ, которая чаще и чаще сказывалась въ нашихъ письмахъ, между прочимъ и въ письмахъ жены къ ея родителямъ, которая съ дѣтства (съ 12 лѣтъ) не видала Россіи, оставаясь безвыѣздно на воспитаніи въ Дрезденѣ. Такъ, въ вышеупомянутомъ письмѣ ея отъ 13 іюня 1874 г. она пишетъ по поводу извѣстія объ ея братьяхъ, уже вернувшихся домой, слѣдующія замѣчательныя строки: „Я по правдѣ сказать не вѣрю, чтобы мальчики", какъ она довольно смѣло называетъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ былъ по крайней мѣрѣ гораздо старше ея, а другой былъ почти ровесникомъ, „мало интересовались всѣмъ русскимъ. Мнѣ кажется, я, послѣ того какъ осмотрѣла нѣсколько европейскихъ столицъ, все-таки съ особеннымъ чувствомъ буду проходить черезъ простую русскую деревню. Оттого ли, что женская натура больше живетъ чувствомъ, я сохранила глубокое, хотя и смутное воспоминаніе о картинахъ дѣтства и боюсь, что расплачусь при первыхъ звукахъ русскаго народнаго языка(!). Много я видѣла хорошихъ странъ и вотъ теперь живу въ самомъ центрѣ цивилизаціи, гдѣ поминутно восхищаюсь успѣхами человѣчества, а внутреннее чувство все-таки тянетъ куда-то къ себѣ, въ свою родину, въ свой домъ, къ своимъ роднымъ. Чувство это такъ сильно, что когда предположишь возможность, что никогда не попадешь отсюда въ Россію, или, что какое-нибудь неожиданное обстоятельство задержитъ наше возвращеніе, то замираетъ сердце, и чувствуешь себя такъ же, какъ во снѣ, когда видишь близкаго человѣка, хочешь къ нему подойти, но увы, ноги окоченѣли и не можешь сдвинуться съ мѣста..."!! „Иногда мнѣ кажется, что я не переживу выѣзда въ Россію и радостной встрѣчи со всѣми. Но вы, впрочемъ, пожалуй скажете, что я фантазирую, и я начинаю раскаиваться, что это написала"....

Я долженъ въ настоящее время нѣсколько вернуться назадъ въ хронологическомъ отношеніи, къ веснѣ 1874 года, къ общему ходу

нашихъ съ женой занятій въ стѣнахъ Британскаго музея. Въ мартѣ значительная часть матеріала для диссертаціи была собрана, о чемъ я особенно и заботился, такъ какъ писать можно было бы вездѣ. Въ то же время лондонская дороговизна и особенно недостаточное питаніе и жизненная обстановка становились нестерпимы, послѣ полугодичнаго пребыванія. Иногда приходилось мнѣ прерывать свое куреніе, женѣ отказываться отъ молока къ чаю и все-таки не всегда удавалось сводить концы съ концами, какъ было въ январѣ. Кромѣ того нѣкоторыхъ важныхъ нѣмецкихъ книгъ для исторіи Англіи я не могъ найти въ Лондонѣ. Все это вмѣстѣ привело за собой мысль покинуть Лондонъ и дописывать диссертацію въ другомъ мѣстѣ. Списавшись, помню, по этому поводу съ А. И. Чупровымъ, который раньше меня былъ въ Мюнхенѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ, я остановился на мысли переселиться въ Мюнхенъ, Hof-Bibliothek котораго Чупровъ особенно хвалилъ, отмѣчая также и тамошнюю дешевизну жизни. И вотъ мы рѣшили переселиться изъ Лондона въ Мюнхенъ и пробыть тамъ до августа, срока нашего возвращенія восвояси, на родину.

Я не буду описывать нашей обратной дороги въ Германію, которая прошла благополучно, хотя была интереснѣй нашего стараго путешествія. Мы пріѣхали сначала въ тотъ же Гейдельбергъ съ нашими вещами, но только окружнымъ путемъ черезъ Парижъ, гдѣ пробыли всего нѣсколько дней, при чемъ послѣ продолжительной жизни въ Лондонѣ и нѣсколькихъ англійскихъ привычекъ къ нашему собственному удивленію, Парижъ намъ не понравился и показался вовсе не блестящимъ и шумнымъ городомъ, какъ приличествуетъ столицѣ. Насъ поразили, помню, въ это короткое пребываніе въ Парижѣ, лишь двѣ черты: необыкновенно изящный вкусъ французовъ во всемъ и про все, начиная съ украшеній лавокъ и магазиновъ и кончая костюмами женщинъ и затѣмъ сравнительная дешевизна съ Лондономъ, понятіе впрочемъ очень относительное, такъ какъ на дурно приготовленномъ англійскомъ продовольствіи я былъ сытъ, а на хорошемъ парижскомъ я все время чувствовалъ себя голоднымъ!!!

Въ Гейдельбергѣ мы застали большую знакомую компанію русскихъ, встрѣтившихъ насъ съ распростертыми объятіями, и пробыли тамъ, при хорошей къ счастью погодѣ, въ срединѣ марта около недѣли, забрали весь свой обширный багажъ, хранившійся у Розенберга и Черемшанскихъ, и отправили его малой скоростью на Мюнхенъ. Большая компанія пріятелей провожала насъ на бангофъ съ наилучшими пожеланіями скорѣй видѣться, что къ сожалѣнію относительно многихъ не осуществилось на цѣлые годы.

Выѣхавши вечеромъ изъ Гейдельберга при хорошей погодѣ, мы пріѣхали въ Мюнхенъ рано утромъ, при чемъ снѣгъ валилъ какъ среди зимы, и всѣ улицы наполнены были сугробами, что насъ очень сразу огорчило. Нашъ единственный пріятель, жившій въ Мюнхенѣ, Макаровъ подтвердилъ намъ свѣдѣнія Чупрова о дешевизнѣ Мюнхена, сравнивая съ Лондономъ, въ чемъ мы впрочемъ убѣдились скоро сами, а равно и въ томъ, что насколько начали лучше питаться, настолько же, увы, проиграли, оставивши Лондонъ, въ своихъ научныхъ интересахъ. На другой же день я отправился въ Государственную библіотеку, чтобы получить въ нее доступъ. Оказалось, какъ намъ, впрочемъ, раньше говорилъ Макаровъ, что тамъ собственно заниматься нельзя, вслѣдствіе дурного и неприспособленнаго помѣщенія, въ это время при томъ очень холоднаго, и что надо брать книги на домъ, для чего обязательно требуется рекомендація. На мой запросъ въ библіотекѣ, какую рекомендацію могу представить, старшій библіотекарь отвѣтилъ мнѣ: „Конечно, вашего посольства". Отправился туда (посланникомъ нашимъ, на сколько помнится, былъ тогда г. Озеровъ). На мою просьбу дать мнѣ рекомендацію для полученія книгъ секретарь посольства отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ: „Почемъ оно меня знаетъ?" При этомъ, какъ я слышалъ изъ громкаго разговора секретаря, очевидно, съ посломъ въ сосѣдней комнатѣ, поставленъ былъ вопросъ о моей доброкачественности, съ какой стати они будутъ ручаться, когда я каждую минуту могу съ книгами уѣхать изъ Мюнхена, а имъ отвѣчать?! На всѣ мои настоянія и просьбы дать мнѣ возможность заниматься, отвѣчали рѣшительнымъ „нѣтъ" и выдали только свидѣтельство, что по паспорту я значусь такимъ-то, что было совершенно безполезно, ибо, какъ извѣстно, въ иностранномъ паспортѣ имѣется и безъ того страница на нѣмецкомъ языкѣ. Какъ и слѣдовало ожидать, главный библіотекарь Hofbibliothek отвѣчалъ мнѣ рѣшительнымъ отказомъ выдавать книги. „Не могу я", резонно говорилъ онъ, „вѣрить Вамъ, когда вамъ не вѣритъ ваше посольство"?!! Мнѣ оставалось отправляться назадъ въ Лондонъ. Вѣроятно по моему лицу было замѣтно большое огорченіе, если секретарь (посла я не видалъ все время въ глаза) спросилъ меня, нѣтъ ли у меня кого-нибудь знакомаго изъ мѣстныхъ жителей? На что я ему рѣшительно отвѣтилъ, что нѣтъ. Тогда библіотекарь, спасибо ему хоть за это, посовѣтовавшись съ кѣмъ-то, предложилъ мнѣ, какъ послѣднее средство, внести залогъ и вотъ, будучи въ весьма тѣсныхъ матеріальныхъ условіяхъ, я долженъ былъ внести что-то въ родѣ 30 гульденовъ, сумму для меня большую, которая должна была постоянно лежать въ библіотекѣ до отъѣзда, а мнѣ

отпускалось за нее по рѣшенію библіотекаря всего лишь пять книгъ.

При новыхъ условіяхъ очень неудобныхъ пришлось мнѣ продолжать свою работу надъ диссертаціей въ Мюнхенѣ. Я имѣлъ прекрасную, сравнительно съ Лондонской, комнату около англійскаго и общественнаго сада въ Мюнхенѣ, съ хорошимъ воздухомъ, сытной, если не вкусной пищей, чрезвычайно дешевый напитокъ въ видѣ превосходнаго пива, и т. д., но, увы зато полное препятствіе къ успѣшному занятію. Вскорѣ оказалось, что система выдачи составляетъ въ библіотекѣ большое зло на практикѣ, что въ Британскомъ музеѣ было невозможно. Я получалъ часто отвѣты, что такой-то книги у нихъ нѣтъ, потому что она читается или совсѣмъ ея нѣтъ, чего я провѣрить былъ лишенъ возможности, а впослѣдствіи оказывалось, она есть и была не найдена лишь по небрежности библіотекаря. Двѣ, три недоставшихъ мнѣ нѣмецкихъ книги по исторіи XVII вѣка въ Англіи я, конечно, прочелъ очень быстро: затѣмъ пришлось обратиться къ тѣмъ же англійскимъ и особенно къ безконечному многотомному „Parliamentary Debates“ изъ многихъ тысячей томовъ. Я уже просмотрѣлъ съ помощью жены въ Британскомъ музеѣ нѣсколько сотъ томовъ этого изданія и выписалъ изъ нихъ все важнѣйшее по акцизу, но у меня оставалось за XVIII—XIX вѣкъ еще болѣе сотни непросмотрѣнныхъ томовъ и, если въ Англіи я имѣлъ возможность, съ помощью жены, перелистовать въ одинъ день 20 томовъ, то въ Мюнхенѣ можно было это же сдѣлать, и то не всегда, съ двумя, тремя, при общемъ числѣ пяти забранныхъ книгъ. Слѣдовательно, для одного только Parliamentary Histories, принимая во вниманіе большія выписки изъ нея, мнѣ понадобилось бы, расчелъ я, нѣсколько мѣсяцевъ. Очевидно я не могъ долѣе при этихъ условіяхъ оставаться въ Мюнхенѣ и работать съ успѣхомъ, чтобы кончить диссертацію до августа. Что же дѣлать? Какъ быть? Ѣхать въ Вѣну? Но тамъ библіотека была гораздо хуже, по словамъ Чупрова, и даже въ Берлинѣ въ то время библіотека была въ меньшихъ размѣрахъ, нежели въ Мюнхенѣ. Такимъ образомъ, послѣ нѣсколькихъ недѣль занятія и размышленія, я невольно пришелъ къ заключенію о необходимости покинуть Мюнхенъ, и какъ ни жалко, съ первыми пароходами по Рейну пришлось возвратиться въ Лондонъ съ его худыми матеріальными условіями.

Послѣ всѣхъ этихъ неудачъ и полуторамѣсячнаго пребыванія въ Мюнхенѣ, я оставилъ цѣлый большой ящикъ своихъ книгъ, накопившихся за двухлѣтнее пребываніе за границей, у одного пріятеля въ Мюнхенѣ съ просьбой ихъ нѣсколько позднѣе выслать малой скоростью въ Москву на имя профессора Соколова, который на

то согласился, дабы избѣжать всѣхъ мытарствъ и мукъ съ цензурой, увы, не предвидя, что къ этимъ мытарствамъ присоединятся еще совершенно неожиданно мытарства таможенныя, о которыхъ я не догадывался и въ свое время разскажу. Затѣмъ, самолично я довольно быстро перебрался въ Майнцъ, гдѣ мы сѣли на пароходъ и за дешевую, помню, чрезвычайно цѣну во второмъ классѣ, вдоль по Рейну и черезъ Роттердамъ, вернулись въ милую нашему сердцу, если не карману, столицу Альбіона.

Мы опять водворились у той же нестерпимой, но добродушной mrs Siggers, чуть не на чердакѣ, и избѣгали войны съ мышами только пребываніемъ большей части дня въ стѣнахъ Британскаго музея, открытаго лѣтомъ до 6 часовъ и, замѣчу въ скобкахъ, въ тѣ времена онъ позднѣе не открывался, ибо по старымъ законамъ занятія въ немъ возможны были только при солнечномъ свѣтѣ. Позднѣе, черезъ нѣсколько лѣтъ, во время одного изъ нашихъ многочисленныхъ посѣщеній Лондона, пріѣхалъ нашъ извѣстный изобрѣтатель Яблочковъ изъ Парижа, устроилъ электричество впервые на Ватерлооскомъ мосту и въ Британскомъ музеѣ, при чемъ мы, русскіе, конечно, торжествовали, что дали возможность какъ-бы отплатить англичанамъ за ихъ любезность и одолженія для насъ ихъ библіотекой; Британскій музей съ тѣхъ поръ началъ круглый годъ работать до 7 или 8 часовъ, хотя очень скоро какія-то практическія несовершенства, а можетъ быть практическая неловкость русскихъ изобрѣтателей проявилась и у Яблочкова, какъ у многихъ другихъ россіянъ (помню, оно часто и внезапно потухало). Дальнѣйшее усовершенствованіе для электричества сдѣлала берлинская фирма Сименсъ и Гальске: къ ней перешло скоро поэтому освѣщеніе музея, такъ что мы, русскіе, гордились очень короткое время.

Мы опять съ женой водворились на старыхъ столахъ, добродушно перездоровались со всѣми библіотекарями и служителями, какъ со старыми знакомыми, и усердно принялись на всѣхъ парахъ за дальнѣйшее приготовленіе диссертаціи. Писаніе пошло еще быстрѣе, чѣмъ прежде, несмотря на милое общество Стороженки, иногда насъ отвлекавшаго отъ работы.

Планъ моей книги вскорѣ былъ совершенно выработанъ. Историческій отдѣлъ, это часть первая диссертаціи, была цѣликомъ написана; второй же отдѣлъ, гдѣ описывалось дѣйствующее законодательство, лишь набросанъ частями; матеріалы для него лишь въ значительной части были собраны, и требовалось лишь мѣсяца два легкой работы привести конспектъ и этотъ матеріалъ въ настоящую книгу, что я надѣялся сдѣлать уже въ Россіи, хотя бы во время

самаго процесса печатанія. Главнѣйшимъ гвоздемъ моей работы являлась мысль или идея о борьбѣ классовыхъ интересовъ, которая отражается на государственномъ строѣ и характерѣ финансовыхъ учрежденій,—идея, выработанная мною самостоятельно, безъ всякаго вліянія, напримѣръ Маркса, который хотя незадолго передъ тѣмъ вышелъ, но я не зналъ его даже по имени, работая съ нимъ, какъ впослѣдствіи оказалось, чуть не рядомъ и по тѣмъ же источникамъ Британскаго музея, главное щедро пользуясь матеріалами и указаніями въ извѣстномъ трудѣ прошлаго вѣка „Morton Eden: The State of the Poor“, оригинальной книги, которой Марксъ обязанъ своими выводами больше, чѣмъ о томъ упомянулъ въ своихъ сочиненіяхъ.

„Историческій очеркъ англійскаго акциза“, писалъ я, позднѣе, для словаря Венгерова, „доказываетъ несомнѣнный фактъ, что на формѣ обложенія въ Англіи всегда рѣзко отражалось имущественное господство того или другого класса народа: борьба классовыхъ интересовъ опредѣляетъ характеръ финансовой системы. Такъ, акцизы, какъ форма выгодная для интересовъ землевладѣльческаго класса, введена въ Англіи въ XVII, а равно и въ XVIII вѣкахъ, во время именно преобладанія политическаго этого сословія въ странѣ; въ XIX вѣкѣ наоборотъ, съ ростомъ значенія высшей денежной аристократіи, огромное большинство акцизовъ, какъ и таможенныхъ пошлинъ, отмѣняется, потому что они препятствуютъ дальнѣйшему ходу развитія британской промышленности и торговли: изъ нихъ остаются немногіе, но очень доходные налоги, а въ настоящее время, наконецъ, съ нѣкоторымъ развитіемъ политическаго значенія рабочаго класса, уже болѣе и болѣе раздаются голоса за расширеніе прямого оцѣночнаго обложенія съ доходовъ и отмѣну уцѣлѣвшихъ косвенныхъ налоговъ. Главнѣйшій выводъ всего изслѣдованія состоитъ въ томъ, что равномѣрность и пропорціональность податной способности въ англійской финансовой системѣ явно нарушается, и рабочій классъ въ два съ половиной раза обложенъ сильнѣе, нежели высшіе классы.

„Добавлю къ этому, что Марксъ въ то время мнѣ былъ извѣстенъ лишь по имени и никакого вліянія на мои выводы оказать не могъ, и они получены совершенно самостоятельно на основаніи изученія англійской экономической исторіи, въ тѣхъ же залахъ Британскаго музея, гдѣ штудировалъ нѣмецкій соціалистъ (С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. т. VI СПБ. 1904—1907, стр. 62).

Главная идея моей книги чрезвычайно заинтересовала нѣмецкаго молодого экономиста Артура фонъ-Штудницъ, жившаго тогда

въ Лондонѣ, въ качествѣ корреспондента извѣстной тогда Аугсбургской нынѣ Мюнхенской Allgemeine Zeitung. Нѣсколько лѣтъ спустя, по его просьбѣ, мой другъ М. М. Ковалевскій, о которомъ позднѣе буду много говорить, работавшій тогда въ музеѣ, сдѣлалъ для него большой конспектъ изъ моей книги. Штудницъ напечаталъ въ своей газетѣ цѣлыхъ двѣ о ней статьи, подавшія поводъ къ обсужденію (1876 годъ) и критикѣ въ нѣмецкой печати моихъ экономическихъ воззрѣній, большею частью въ благопріятномъ смыслѣ.

Наконецъ, приблизилось время, въ концѣ, примѣрно, іюля, возвращаться намъ въ Россію и покинуть столь дорогой и полезный для нашей научной дѣятельности и развитія, Британскій музей и Лондонъ. Мы рѣшили вернуться тѣмъ самымъ путемъ, какъ первый разъ я вступилъ въ предѣлы Германіи, т. е. черезъ Дрезденъ, Сосновицы и Варшаву. Въ первомъ хотѣли повидать нѣкоторыхъ старыхъ знакомыхъ и этой дорогой, съ недѣльнымъ отдыхомъ въ Дрезденѣ, мы двинулись въ Москву, для моей жены совершенно не знакомую, которую, какъ приводилъ я раньше, она такъ жаждала видѣть вмѣстѣ со своей бѣдной необразованной родиной.

Въ Дрезденѣ, какъ мы ожидали, уже нашли очень мало старыхъ знакомыхъ. Какъ я раньше объ этомъ разсказывалъ, въ 1874 году, вмѣстѣ съ опубликованіемъ устава о всеобщей воинской повинности, огромное число русскихъ, постоянно проживавшихъ въ Дрезденѣ, возвратилось домой, ради пользованія льготными правами для воинской службы. То же продѣлала и семья моего тестя, сыновья котораго, братья моей жены, уже давно вернулись въ Москву. Естественно, поэтому, что Дрезденъ произвелъ на насъ болѣе грустное, чѣмъ радостное впечатлѣніе. Знакомыя улицы и отсутствіе привычныхъ родственныхъ и дружественныхъ лицъ производило угнетающее впечатлѣніе, и мы не зажились долго, черезъ недѣлю уже собрались домой на родину, демократически, конечно, въ 3-мъ классѣ, и дня черезъ три жена моя въ первый разъ не безъ удивленія и сильнаго волненія увидала Москву. Дорогой никакихъ особенно заслуживающихъ вниманія впечатлѣній не было, кромѣ развѣ комическаго случая на самой границѣ при таможенномъ надзорѣ, о которомъ стоитъ упомянуть. Матушка моей жены, вернувшись въ Россію въ городъ Ржевъ, гдѣ проживалъ Н. В. Вельяшевъ, не могла найти въ то время въ уѣздномъ городкѣ одинъ необходимый предметъ домашняго обихода, распространенный за границей, а именно каменное ведро для выливанія грязной воды послѣ умыванья. Жена моя, которой она жаловалась въ письмѣ на это маленькое горе, желая услужить милой мамашѣ, пріобрѣла въ Дрезденѣ такое именно ведро, при чемъ чрезвычайной тяжести, ничтоже сумняшеся набила

его мягкимъ бѣльемъ и помѣстила на днѣ нашего большого чемодана. Я рѣзко протестовалъ противъ этого, указывая на чрезвычайную тяжесть ведра, а потому на высокій желѣзнодорожный тарифъ, по которому придется платить за его перевозку, на огромное разстояніе до Твери (гдѣ ея мать тогда жила) вѣроятно дороже, чѣмъ ведро стоитъ, но все было тщетно. Тогда я пошелъ съ женой на компромиссъ, что я согласенъ взять это ужасное ведро, но съ тѣмъ, что, если на границѣ русской таможни, въ добавокъ ко всѣмъ расходамъ, объявятъ ведро подлежащимъ уплатѣ пошлины, то мы его выбрасываемъ (багажъ былъ сданъ только до границы). Когда мы пріѣхали въ Сосновицы, въ пограничную русскую таможню и чиновники обратились ко мнѣ съ вопросомъ: „Нѣтъ ли у васъ чего-нибудь подлежащаго оплатѣ пошлиною?" я имъ смѣло отвѣчалъ: „У меня ничего нѣтъ, у жены есть: она везетъ на днѣ своего сундука каменное ведро". Я, конечно, ожидалъ въ нихъ найти немедленно союзниковъ, что они потребуютъ высокую по нашему тарифу пошлину и ведро будетъ выброшено. Но, увы, эффектъ получился совершенно иной, даже съ противоположными послѣдствіями. Таможенные приняли мое заявленіе очевидно за шутку, громко разсмѣялись и тотчасъ же приказали артельщику запереть сундукъ и отправить его по назначенію. Жена моя торжествовала. Мнѣ вновь пришлось уплатить дорого за провозку ведра въ ущербъ для русской фаянсовой промышленности, къ интересу которой я отнесся такъ ригорозно и строго.

Когда мы прибыли въ Москву и немного осмотрѣлись, дѣло мое оказалось въ довольно удовлетворительномъ положеніи. По предложенію Соколова установлено было, въ виду моего прибытія и при томъ почти съ диссертаціей, немедленно открыть въ университетѣ другую каѳедру финансовъ—исторію и поручить мнѣ, но печатать мою работу университетъ отказался, потому что „Университетскія Извѣстія" въ это время по недостатку средствъ были прекращены, а другого источника не было.

Предстоялъ такимъ образомъ спѣхъ съ окончаніемъ диссертаціи. Матеріалъ для второй части у меня былъ почти весь собранъ, и даже конспектъ набросанъ. Мнѣ недоставало для пользованія нѣсколькихъ книгъ, которыя были вмѣстѣ съ прочими высланы моимъ пріятелемъ за мѣсяцъ до возвращенія въ Москву на имя профессора Соколова, чтобы облегчить хлопоты съ цензурою. Когда я обратился съ запросомъ къ Н. К. Соколову, пріѣхавши въ Москву, при первомъ посѣщеніи я получилъ отъ него отрицательный отвѣтъ, затѣмъ спрашивалъ еще два или три раза, но книгъ онъ все еще не получалъ. Между тѣмъ диспутъ мой непремѣнно дол-

женъ былъ состояться какъ можно скорѣй, въ виду чего пожертвовавши отчасти качествомъ своего сочиненія, я долженъ былъ пропустить обработку тѣхъ вопросовъ второй части, по которымъ нужныхъ книгъ недоставало. Между тѣмъ время шло своимъ чередомъ. Н. К. Соколовъ въ это время серьезно заболѣлъ и волею Божіею скоро умеръ. Диссертація моя была написана окончательно и напечатана уже безъ помощи моей библіотеки, исчезнувшей неизвѣстно куда. Я наводилъ справки въ Мюнхенѣ, оказывалось безполезно. Книги были посланы давнымъ давно и слѣдовало имъ быть собственно еще при жизни Соколова у него на рукахъ.

Наконецъ, по совѣту одного опытнаго практическаго человѣка, я явился къ одному нижнему чину въ таможнѣ и вручилъ ему напередъ въ благодарность рубль, если онъ найдетъ большой тюкъ съ книгами изъ Мюнхена. Представьте мое удивленіе и негодованіе, когда, черезъ нѣсколько времени, этотъ служащій увѣдомилъ меня открыткой, что дѣйствительно уже нѣсколько мѣсяцевъ книги мои пришли въ московскую таможню и лежатъ неполученныя, а сами книги записаны какъ старыя и удалены. Я вновь отправился за тридевять земель, потому что жилъ далеко, на Николаевскую станцію, гдѣ помѣщалась заграничная таможня. Провѣрили,—извѣстіе оказалось вѣрнымъ. Но, вмѣсто того, чтобы поправить свою вину и поспѣшить выдать мнѣ книги, таможенные объявили, что я кругомъ виноватъ, не получая столько времени свою собственность, они же вовсе не обязаны доставлять по адресу, а адресатъ долженъ постоянно справляться въ таможнѣ. Теперь-де я долженъ заплатить большой штрафъ за неявку, а сверхъ того за все полежалое храненіе книгъ, помимо обычныхъ сборовъ на артель и проч.!!!

Когда я заявилъ, что профессоръ Соколовъ успѣлъ скончаться, не получивши этихъ книгъ для меня, то мнѣ предъявили таможенные новую непріятность и осложненіе, отказались выдать мнѣ мой ящикъ съ книгами иначе, какъ я докажу судомъ свои права наслѣдства послѣ Соколова.

Представьте все мое отчаяніе послѣ этихъ хлопотъ? Книги крайне нужны, мои собственныя, пріобрѣтены на послѣдніе гроши, собранные за границей, и вдругъ я долженъ нести большія тягости, платить штрафъ, да еще судомъ доказывать на нихъ права наслѣдства! Послѣ большихъ хлопотъ, въ которыхъ принялъ участіе добрый С. М. Соловьевъ, написавшій отъ себя просительное письмо къ управляющему таможеннымъ округомъ, мнѣ рѣшили выдать книги безъ суда, но тѣмъ не менѣе таможня собрала экспертовъ изъ иностранныхъ книгопродавцевъ и опредѣлила стоимость книгъ, при чемъ я пострадалъ за честность, назвавши ихъ дѣйствительную

стоимость. Книги эти, съ обычной процедурой пройдя черезъ горнила цензуры и утративши нѣсколько секвестрованныхъ книгъ (въ томъ числѣ „Примѣчанія къ политической экономіи Милля“!!!), были мнѣ вручены и доставлены въ Грузины, гдѣ уже надобность въ значительной части этихъ книгъ для меня миновала, а въ настоящее время онѣ пребываютъ въ стѣнахъ университета въ качествѣ его собственности, дорого оплаченныя мною за мою неопытность и дикую нелѣпую волокиту и порядки нашей таможни.

Надо было привести въ порядокъ матеріалъ для второй части диссертаціи и хорошенько его изложить, для чего требовалось уединиться на нѣсколько недѣль. Сдѣлать это въ Москвѣ было мудрено при отсутствіи, съ окончаніемъ стипендіи, всякихъ средствъ и дороговизнѣ жизни, а въ это время родители жены настойчиво звали насъ вмѣстѣ къ себѣ въ Ржевъ; и вотъ я во второй разъ въ моей жизни направился въ этотъ промышленный городокъ Тверской губерніи съ молодой супругой и съ недоконченной диссертаціей, для ея окончанія. Я не буду говорить болѣе о самомъ Ржевѣ, хотя нашелъ въ немъ много перемѣнъ. Во-первыхъ, къ нему проведена была желѣзная дорога, измѣнившая во многомъ экономическое положеніе. Въ немъ открылась гимназія, банкъ, и городокъ замѣтно оживился. На этотъ разъ недостатка въ обществѣ отнюдь не было, хотя старыхъ извѣстныхъ мнѣ лицъ не доставало. Увы, отецъ Дмитрій скончался, В. И. Кудрявцевъ обѣднѣлъ и переселился куда-то въ другое мѣсто и т. д. Но мнѣ, впрочемъ, на этотъ разъ общество и не нужно было. Необходимо было сосредоточиться на три или на четыре недѣли, чтобы поставить въ диссертаціи послѣднюю точку, что̀ я собственно и сдѣлалъ. Уже въ концѣ сентября мое изслѣдованіе объ англійскихъ акцизахъ было закончено. Надо было лишь позаботиться объ его напечатаніи.

Такъ какъ университетъ отказывался мнѣ помочь въ этомъ дѣлѣ, а разумѣется, я не имѣлъ такой суммы, какъ 600 р., по вычисленію типографіи, необходимой для печатанія, то слѣдовало поискать издателя. Къ счастью тутъ помогли старые знакомые и нѣкоторыя добрыя души. Супруга издателя уже въ это время прекратившагося журнала „Грамотей“ Ольга Ивановна Алябьева, съ которой я имѣлъ удовольствіе прежде встрѣчаться, вспомнила старую пріязнь, употребила нѣкоторое вліяніе на своего брата, извѣстнаго московскаго типографщика, Анатолія Ивановича Мамонтова, который и взялся напечатать мою диссертацію безъ всякихъ съ моей стороны расходовъ и на самыхъ льготныхъ для меня условіяхъ. Я воспользовался съ истинной благодарностью этимъ добрымъ предложеніемъ и послѣ нѣкотораго, довольно впрочемъ продолжительнаго срока, недѣль

въ шесть, книга моя „Опытъ изслѣдованія англійскихъ косвенныхъ налоговъ. Акцизъ“ была напечатана, и я съ радостью держалъ ее въ своихъ рукахъ въ началѣ ноября. Немедленно затѣмъ она была роздана всѣмъ членамъ юридическаго факультета, и 23 ноября 1874 г. было торжественное публичное собраніе, на которомъ я выступилъ въ защиту тезисовъ своей работы для полученія степени магистра. Оппонентами на диспутъ явились два добро расположенныхъ ко мнѣ лица, самъ деканъ профессоръ Мильгаузенъ и другъ, профессоръ Чупровъ. Благодаря несомнѣнно отчасти этому обстоятельству, диспутъ мой былъ настоящимъ торжествомъ для меня и сошелъ вполнѣ благополучно, прерываемый постоянными рукоплесканіями. Въ заключеніе же, по нѣкоторомъ совѣщаніи очень краткомъ, Мильгаузенъ прочелъ слѣдующее о моей работѣ мнѣніе факультета и постановленіе его:

„Диссертація кандидата Янжула: „Исторія косвенныхъ налоговъ въ Англіи“ составляетъ трудъ совершенно самостоятельный, основанный на изученіи первоначальныхъ источниковъ, доступъ къ которымъ былъ открытъ ему въ Британскомъ музеѣ. Пользованіе этими источниками дало ему возможность не только пополнить, но и исправить нѣкоторыя свѣдѣнія, содержащіяся въ сочиненіяхъ ему предшествующихъ. Этого мало. Авторъ не ограничивается тѣсными предѣлами своей спеціальности, а разсматриваетъ исторію каждаго отдѣльнаго налога всегда въ связи съ общимъ политическимъ и экономическимъ состояніемъ страны, указываетъ на вліяніе господствующихъ политическихъ партій на сужденія и приговоръ общественнаго мнѣнія. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи богатымъ матеріаломъ служила ему текущая литература за всѣ два—три вѣка, которыхъ касается его сочиненіе, напримѣръ, памфлеты, газетныя статьи, петиціи разныхъ обществъ и т. д. На эту сторону предмета до него ни одинъ писатель не обращалъ надлежащаго вниманія, а между тѣмъ она-то сообщаетъ изложенію автора особенную живость и интересъ. По всѣмъ указаннымъ причинамъ Юридическій Факультетъ считаетъ диссертацію кандидата Янжула не только достойной искомой имъ степени, но удовлетворяющею и самымъ строгимъ требованіямъ науки“.

„Деканъ О. Мильгаузенъ“.

Послѣ обычныхъ поздравленій и лобызаній всѣ разъѣхались по домамъ. Увы, я былъ слишкомъ бѣденъ, чтобы предложить, по заведенному въ такихъ случаяхъ обычаю, своимъ товарищамъ обѣдъ. Помню, какъ теперь, послѣ диспута, я съ тремя изъ болѣе близкихъ своихъ закадыкъ, старыхъ пріятелей по студенчеству, вернулся къ себѣ въ маленькую комнатку въ номерахъ Андреева на

Пречистенскомъ бульварѣ и послалъ жену впередъ распорядиться купить водки и закуски, чтобы угостить этимъ простымъ русскимъ образомъ почтившихъ посѣщеніемъ товарищей, но, увы, она оказалась при своемъ нѣмецкомъ воспитаніи такъ наивна, что купила водки и больше ничего, такъ что, когда мы явились въ номеръ, оказались на столѣ большая бутылка водки и большая банка съ вареньемъ, присланная мнѣ ея милой мамашей, и за неимѣніемъ другой закуски мои гости со смѣхомъ рѣшились пить водку съ вареньемъ.

Вскорѣ же, какъ получившій степень магистра, я былъ избранъ совѣтомъ доцентомъ финансоваго права, со дня избранія т. е. съ декабря 14-го 1874 г. Такимъ образомъ скользкій и тернистый путь всей профессорской промоціи въ этотъ великій для меня день закончился полученіемъ перваго профессорскаго званія и мѣста, четыре года спустя послѣ моего оставленія при университетѣ, и нѣтъ сомнѣнія, повторяю опять, въ значительной степени благодаря благопріятнымъ обстоятельствамъ и, во главѣ ихъ, моей женитьбѣ и, слѣдовательно, двойной успѣшности въ ходѣ моихъ ученыхъ работъ и занятій. Разница между мной въ декабрѣ 1874 г. послѣ диспута и въ іюнѣ 1870 г., когда я былъ причисленъ къ университету, огромная. Во всѣхъ отношеніяхъ я сдѣлался выше. Благодаря четыремъ благотворно проведеннымъ годамъ за границей, я не только былъ гораздо болѣе свѣдущъ въ своей финансовой наукѣ, но сдѣлался еще зрѣлѣе, ровнѣе по образованію и съ большимъ сознаніемъ относился къ окружающему и своимъ нравственнымъ и гражданскимъ обязанностямъ.

Къ сожалѣнію, всякая радость въ моей жизни чередовалась немедленно съ горемъ. Такъ было и въ настоящее время. Едва я сдѣлался магистромъ и доцентомъ и причисленъ къ сонму профессоровъ, а въ концѣ этого мѣсяца наканунѣ новаго года моя молодая, неопытная супруга въ первый разъ обзаводилась разной рухлядью, мебелью, и мы устроили свое гнѣздо на далекой окраинѣ Москвы въ такъ называемыхъ Грузинахъ, а переселились туда лишь въ одинъ изъ первыхъ дней новаго 1875 года, какъ вдругъ разразилась надо мной гроза... Младшій братъ моей жены, мальчикъ 18 лѣтъ, Сережа, внезапно заболѣлъ злокачественной жабой, дифтеритомъ, въ то время болѣзнь страшная, ибо не знали еще способовъ борьбы съ ней. Онъ жилъ временно у насъ, и сестра за нимъ усердно ходила, частью не сознавая опасности болѣзни. Послѣ нѣсколькихъ недѣль страданія и колебанія то въ хорошую, то въ дурную сторону, несчастный мальчикъ скончался на ея рукахъ, когда уже приглашенъ былъ операторъ для совершенія извѣстной трахеотоміи. Жена моя была не только страшно

потрясена этой первою смертью (отъ матери, которая находилась во Ржевѣ, скрывали эту болѣзнь), но сама заразилась дифтеритомъ и слегла вслѣдъ за похоронами брата. Увы, такимъ образомъ мое гнѣздо, о которомъ я такъ мечталъ съ женой, обратилось быстро въ очагъ заразы, отъ котораго бѣгали всѣ знакомые. Мѣсяца два жена моя боролась со смертью, при чемъ по тѣмъ временамъ добрый и хорошій докторъ, мой землякъ по Рязани, Константиновскій, не желая шарлатанить, не употреблялъ никакихъ лѣкарствъ. Приказалъ лишь постоянно освѣжать комнату. Я цѣлый день переносилъ больную изъ одной комнаты въ другую—освѣжаемую, въ чемъ и состояло долго мое занятіе, вмѣсто чтенія лекцій. Наконецъ молодая природа побѣдила, жена начала понемногу очень медленно поправляться, и я лишь въ концѣ марта мѣсяца могъ открыть свой первый университетскій курсъ студентамъ 4-го курса по исторіи финансовъ, при чемъ успѣлъ ихъ познакомить, кажется, только съ исторіей бѣглаго очерка финансовъ двухъ или трехъ странъ, а главное, взялъ на себя тяжелую обузу и велъ за своего патрона Мильгаузена студенческіе экзамены.

ГЛАВА IV.

Новая поѣздка въ Лондонъ лѣтомъ 1875 г. для занятія въ Британскомъ музеѣ. Знакомство съ В. С. Соловьевымъ и его характеристика: мистицизмъ и равнодушіе къ жизни и человѣческимъ интересамъ.—М. М. Ковалевскій и его характеристика: удивительный образецъ трудолюбія и жизнерадости.—Мои профессора товарищи въ Москвѣ: В. А. Умовъ, А. С. Павловъ, С. А. Муромцевъ и др.—Защита докторской диссертаціи въ 1876 году и выборы въ ординарные профессора.—Двѣ новыхъ поѣздки въ Британскій музей.—Моя переписка съ женой изъ Лондона въ Крейцнахъ въ 1877 г. Н. П. Боголѣповъ, Алисовъ, Яблочковъ и пр.—Продолженіе работы надъ вторымъ выпускомъ „Англійской Свободной Торговли".—Мои журнальныя статьи и изслѣдованія въ „Отечественныхъ Запискахъ" и „Словѣ": 1. „Ливерпульская Ассоціація финансовыхъ реформъ". 2. „Дѣтскій и Женскій фабричный трудъ въ Англіи и Россіи". 3. „Кто отвѣчаетъ за несчастія съ рабочими?". 4. „Промышленная статистика и фабричное законодательство". 5. „О табачной монополіи въ Европѣ". 6. „Англійская политика въ Ирландіи". 7. „Англійскіе кабатчики". 8. Новый типъ англійскаго „радикализма". 9. „Возрожденіе Мальтузіанства". 10. „Причины и послѣдствія отмѣны соляного налога въ Англіи и Россіи"—и многія другія...

Въ маѣ мѣсяцѣ предстояло рѣшить, какъ проводить лѣто 1875 г. Къ сожалѣнію, родители моей жены почему-то не могли въ это лѣто оставаться въ своемъ имѣніи, которымъ мы потомъ, позднѣе, нѣсколько разъ пользовались какъ дачей. Кромѣ того подъ самой Москвой врачи не рекомендовали особенно оставаться ради ослабѣвшаго организма такому некрѣпкому отъ природы человѣку, какъ моя жена. Съ другой стороны, успѣхъ моей магистерской диссертаціи, похвалы со всѣхъ сторонъ и собственное сознаніе говорили мнѣ о необходимости постараться ускорить писаніе докторской диссертаціи. Начавши съ исторіи косвенныхъ налоговъ въ Англіи и оцѣнивши по достоинству выгоды Британскаго музея, я естественно пришелъ къ выводу, что для докторской диссертаціи необходимо мнѣ избрать предметомъ другой косвенный налогъ—таможенныя пошлины, но, какъ всѣмъ извѣстно, таможенныя пошлины имѣютъ двоякую зада-

чу: во-первыхъ, общую со всѣми налогами,—удовлетвореніе государственныхъ потребностей, во-вторыхъ—полицейскую цѣль, улучшеніе и поднятіе своей собственной промышленности. Я остановился на общей задачѣ, прослѣдить, пользуясь богатствами Британскаго музея, исторію развитія идеи свободной торговли и протекціонизма, оставляя разборъ изслѣдованій фискальныхъ цѣлей, впредь до будущаго, безъ вниманія.

Остановившись такимъ образомъ на темѣ и обдумавши нѣсколько общій планъ труда, впослѣдствіи впрочемъ, нѣсколько разъ измѣненнаго, я пришелъ къ заключенію о необходимости, опять пользуясь длиннымъ вакатомъ, мѣсяца на четыре ѣхать въ Лондонъ, въ стѣны милаго Британскаго музея для собиранія матеріала и работы.

Чтобы не нуждаться по-прежнему въ Лондонѣ, что было бы пагубно для слабаго организма только что вставшей съ одра болѣзни жены, я позаботился нѣсколько о расширеніи нашихъ матеріальныхъ средствъ. Во-первыхъ, намъ помогла одна добрая знакомая, большой другъ отца моей жены, ссудившая намъ нѣсколько сотъ рублей, а затѣмъ я обезпечилъ себѣ постоянную работу въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ у Скворцова, съ которымъ, безполезно говорить, вполнѣ примирился, кажется, черезъ посредство того же безцѣннаго А. И. Чупрова. Я разсчитывалъ, что и оправдалось на дѣлѣ, что работая нѣсколько меньше напряженно, перемежая трудъ прогулками и при лучшемъ питаніи, мы съ женой поправимся къ осени отъ всѣхъ болѣзней и напастей и вернемся, собравши значительный матеріалъ для будущей диссертаціи, восвояси, здоровые и веселые, что въ дѣйствительности и осуществилось.

Незадолго передъ отъѣздомъ я былъ съ прощальнымъ визитомъ у почтеннаго ректора того времени Сергѣя Михайловича Соловьева, противъ котораго какъ разъ въ это время строилъ ковы и интриги кружокъ „Московскихъ Вѣдомостей“, Катковъ, Леонтьевъ и К°, что кончилось сверженіемъ его съ ректорства. С. М. въ концѣ вечера отвелъ меня въ сторону и сообщилъ мнѣ интимнымъ образомъ: „Вотъ вы теперь ѣдете въ Лондонъ, какъ сообщали, гдѣ скоро будетъ мой сынъ Володя. Знаете вы его?“ Я сообщилъ, что видѣлъ лишь одинъ разъ. „Онъ мальчикъ хорошій“, сообщилъ почтенный историкъ, „но жить еще не умѣетъ, проживаетъ очень много отъ неопытности; его обираютъ. Не будете ли вы такъ добры, если встрѣтитесь, а это навѣрное возможно, если пожелаете, позаботиться объ его устройствѣ и помочь ему, въ виду его неопытности. Вы меня очень обяжете, и я буду покойнѣе, зная, что около него будетъ человѣкъ, дружественно расположенный помочь ему въ слу-

чаѣ нужды". При этомъ онъ подозвалъ свою супругу, которая подтвердила его просьбу. Разумѣется, я обѣщалъ со своей стороны оказать возможную любезность В. С., на сколько это будетъ отъ меня зависѣть.

Какъ я объяснилъ вполнѣ точно отцу, мое знакомство съ сыномъ, Владиміромъ Сергѣевичемъ, въ то время ограничивалось лишь однимъ какимъ-то мимолетнымъ свиданіемъ, при чемъ онъ меня заинтересовалъ своей обаятельной, симпатичной наружностью и веселымъ дѣтскимъ смѣхомъ, который впрочемъ раздавался изрѣдка. Все же, что я о немъ слышалъ тогда въ томъ кружкѣ, гдѣ я вращался, скорѣе говорило противъ него, нежели за. Магистерская диссертація его „Противъ позитивизма" претила мнѣ уже потому, что я самъ былъ немного позитивистъ, а самое главное, въ Москвѣ всѣ открыто разсказывали, что В. С. пріятель Любимова и Леонтьева, явныхъ враговъ своего почтеннаго и уважаемаго родителя, и не стѣсняется де бывать тамъ, гдѣ на него (т. е. отца) открыто клевещутъ. Насколько это была правда, я конечно не знаю, но несомнѣнно, что уже дальше при встрѣчѣ своей со мной за границей, В. С. не скрывалъ своей близости съ кружкомъ, для меня крайне противнымъ — „Московскихъ Вѣдомостей" — и даже разъ, по какому-то не помню случаю, предлагалъ мнѣ наивно протекцію у Любимова!!!

И такъ, я имѣлъ относительно личности и достоинства молодого Соловьева аргументы и за и противъ него, отношеніе весьма далекое отъ того обожанія всѣхъ его качествъ, которое образовалось въ послѣдніе годы его жизни въ кружкѣ „Вѣстника Европы", къ которому отчасти, пожалуй, примкнулъ и я, въ виду огромныхъ перемѣнъ, замѣтно въ немъ происшедшихъ, въ смыслѣ улучшенія всего его нравственнаго облика.

Нужно было такъ пошутить судьбѣ, что первое знакомое лицо, которое мы съ женой увидѣли въ Лондонѣ, по пріѣздѣ, былъ именно Владиміръ Соловьевъ. Утромъ мы пріѣхали въ Лондонъ на этотъ разъ по желѣзной дорогѣ, черезъ Дувръ. Вечеромъ послѣ обѣда вышли съ женой прогуляться на одну изъ лучшихъ лондонскихъ улицъ „Piccadilly" и у одного изъ ближайшихъ магазиновъ увидали, почти одновременно, длинную меланхолическую фигуру В. С., задумчиво взиравшую на какой-то предметъ за стекломъ и около него юркую фигуру, несомнѣнно еврейскаго происхожденія, ныряющую во всѣ стороны. Мы окликнули, оказалось дѣйствительно онъ. Изъ разспросовъ, давно ли онъ пріѣхалъ, что подѣлываетъ, оказалось, что онъ тоже пріѣхалъ лишь сегодня, но въ отличіе отъ насъ, проживавшихъ въ дешевыхъ комнатахъ м-рсъ Сиггерсъ, онъ оста-

новился въ дорогомъ аристократическомъ отелѣ, гдѣ къ нему немедленно заботливой администраціей при гостиницѣ былъ приставленъ, въ качествѣ новичка, чичероне, русскій еврей, чуть не за фунтъ въ день, который и не отпускалъ его ни на минутку изъ своихъ цѣпкихъ лапъ, сопровождая всюду въ ознакомленіи съ городомъ. Я немедленно заявилъ просьбу отца, чтобы жить гдѣ-нибудь съ нимъ поближе, если не вмѣстѣ. В. С. безъ всякаго разговора на это согласился, упомянувши, что также имѣлъ объ этомъ увѣдомленіе. Такимъ образомъ въ тотъ же день онъ переселился по сосѣдству съ нами въ одну изъ свободныхъ комнатъ м-рсъ Сиггерсъ и сдѣлался постояннымъ нашимъ завсегдатаемъ и товарищемъ до самаго отъѣзда нашего изъ Лондона, мѣсяца три или четыре. Но прежде, чѣмъ приводить всевозможныя подробности всѣхъ тѣхъ воспоминаній, которыя у насъ сохранились о Соловьевѣ, я долженъ разсказать о другомъ знакомствѣ, которое для меня нераздѣльно съ памятью о Соловьевѣ, такъ какъ мы жили и видались почти всегда вмѣстѣ. Я разумѣю моего настоящаго друга, многолѣтняго товарища по Московскому университету, профессора М. М. Ковалевскаго.

Съ М. М. Ковалевскимъ я познакомился также лѣтомъ въ 1875 г., одновременно съ Соловьевымъ, но нѣсколько инымъ образомъ. Когда я собирался въ Лондонъ, то магистрантъ историко-филологическаго факультета, Высотскій, впослѣдствіи правитель дѣлъ попечителя графа Капниста, при какой-то случайной встрѣчѣ, началъ мнѣ расхваливать своего молодого пріятеля по Парижу, Ковалевскаго, при чемъ съ нѣкоторыми оговорками по поводу его слабости-де къ женскому обществу, очень хвалилъ его за добродушіе, остроуміе и вообще способности и рекомендовалъ мнѣ съ нимъ познакомиться, если хочу, увѣряя въ томъ, что я не раскаюсь. Я взялъ у Высотскаго карточку и адресъ и въ одинъ изъ первыхъ же дней пріѣзда, послѣ находки Соловьева, разыскалъ М. М., жившаго, помнится мнѣ, недалеко отъ меня, кажется, на Woburn Place. М. М., былъ совершенная противоположность во всѣхъ отношеніяхъ съ Соловьевымъ, сразу же завоевалъ всѣ мои симпатіи. Человѣкъ очень умный, живой, жизнерадостный чрезвычайно для его юнаго тогда возраста (ему было около 23 или 24 лѣтъ, если не меньше). Онъ отличался большими знаніями, общительностью, истиннымъ джентльмэнствомъ, которымъ немедленно завоевывалъ расположеніе всѣхъ людей, съ которыми вступалъ въ сношенія. Въ добавокъ къ этому онъ обладалъ, какъ зажиточный харьковскій помѣщикъ, сравнительно со мной и многими другими профессорскими кандидатами за границей, хорошими матеріальными средствами, которыя давали ему возмож-

ность пріобрѣтать множество книгъ; ими онъ щедро дѣлился со всѣми желающими и угощалъ своихъ пріятелей съ самымъ широкимъ гостепріимствомъ и радушіемъ.

Разумѣется, Ковалевскій немедленно познакомился съ моей женой и В. Соловьевымъ. Всѣ мы очень сдружились, несмотря на значительную разницу вкусовъ, направленій и состояній, относились взаимно дружелюбно и проводили все время сообща. Ковалевскій былъ рѣшительный позитивистъ, другъ Вырубова во Франціи и Гаррисона въ Англіи; Соловьевъ мистикъ и антипозитивистъ. Я ближе подходилъ по своимъ воззрѣніямъ къ Ковалевскому, но до нѣкоторой степени чуждался нѣкоторыхъ его выводовъ и спеціально всегда былъ равнодушенъ къ вопросамъ политики, придавая гораздо большее значеніе экономическому моменту въ жизни человѣка и общества. Въ этомъ пунктѣ, если угодно, мнѣ кажется, Соловьевъ ближе стоялъ ко мнѣ, чѣмъ М. М. Онъ съ удовольствіемъ, какъ я убѣдился не разъ впослѣдствіи, читалъ соціалистовъ и другихъ фантазеровъ по экономической области, но всегда старался придавать всѣмъ ихъ построеніямъ религіозную подкладку. Мы не разъ съ нимъ, припоминается мнѣ, напримѣръ читая отца Ноэса и книгу Нордгофа объ Американскихъ коммунахъ и общинахъ, до нѣкоторой степени сходились съ Владиміромъ Сергѣевичемъ и различались только толкованіемъ. Онъ признавалъ будущее лишь за религіозными общинами Америки, въ родѣ „шекеровъ". „Онейда" его сильно интересовала, но, напримѣръ „Новую Гармонію" онъ рѣшительно отрицалъ, тогда какъ я за нее стоялъ и т. д. М. М., обратно съ нами обоими, былъ совершенно равнодушенъ къ подобнымъ вопросамъ, но придавалъ всегда огромное значеніе и любилъ поговорить по исторіи учрежденій, ихъ вліяніи на нравы и обычномъ правѣ.

Письма наши въ Россію этого времени наполнены главнымъ образомъ описаніями нашего общенія и приключеній съ этими двумя интересными знакомствами. Трактуется также, впрочемъ, часто модный вопросъ о спиритизмѣ, которымъ въ тотъ годъ было сильно заинтересовано все русское общество и по желанію, кажется, „Русскихъ Вѣдомостей" я тогда прислалъ нѣсколько корреспонденцій по спиритизму, сеансы котораго посѣщались мною какъ разъ въ веселой и пріятной компаніи Ковалевскаго и Соловьева. Вотъ что, напримѣръ, пишетъ моя жена своимъ родителямъ отъ 18/6 іюля 1875 года:

„Я не знаю, разсказывала ли я вамъ, что мы были на спиритическомъ сеансѣ одного знаменитаго медіума здѣсь и остались очень недовольны фокусническими пріемами духовъ. Мы послали довольно

интересную корреспонденцію въ „Русскія Вѣдомости“, постарайтесь добыть номеръ, она теперь навѣрное уже напечатана. Въ той же газетѣ будетъ вѣроятно помѣщенъ другой разсказъ уже Соловьева (?), который былъ у того же спирита вчера и пришелъ къ тому же самому заключенію, какъ и мы, хотя онъ, противно съ нами, сильно склоненъ вѣрить въ сверхъестественныя силы. Странный человѣкъ этотъ Соловьевъ; вы вѣрно о немъ слыхали“, разсказываетъ о немъ жена, „это сынъ историка Соловьева, ректора Московскаго университета, молодой человѣкъ 22 лѣтъ, защитившій уже диссертацію по предмету философіи. Онъ очень слабый, болѣзненный человѣкъ, съ умомъ, необыкновенно рано развившимся, пожираемый скептицизмомъ и ищущій спасенія въ мистическихъ вѣрованіяхъ въ духовъ. Во мнѣ лично онъ возбуждаетъ симпатію и сожалѣніе; предполагаютъ, что онъ долженъ сойти съ ума, потому что слишкомъ много работалъ мозгомъ для своихъ лѣтъ. Когда я его увидала въ первый разъ, онъ меня поразилъ своимъ мрачнымъ аскетическимъ видомъ“.

„Совершенную противоположность съ нимъ составляетъ нашъ другой новый знакомый Ковалевскій. Однихъ лѣтъ съ нимъ, онъ однако представляетъ собой фигуру, равную моему супругу по размѣрамъ, и подаетъ надежду на дальнѣйшее усовершенствованіе. Его веселый характеръ и простыя развязныя манеры составляютъ тоже не меньшій контрастъ со сдержанностью погруженнаго въ себя философа. Эта простота въ обращеніи заставила двухъ толстяковъ очень скоро сойтись, тѣмъ болѣе, что толстякъ Ковалевскій, по мнѣнію толстяка Янжула, обладаетъ необыкновенными для своихъ лѣтъ свѣдѣніями и очень свѣтлымъ взглядомъ на вещи. Въ настоящее время обѣ эти персоны такъ заговорились другъ съ другомъ, что забыли о своемъ обѣщаніи зайти за мной, чтобы пойти вмѣстѣ гулять“!

Всѣ письма жены того времени наполнены также описаніями разныхъ угощеній и обѣдовъ; такой большой контрастъ съ нашей прежней жизнью благодаря Ковалевскому съ Соловьевымъ! Отъ 6 августа 1865 г., напримѣръ, жена сообщаетъ между п[illegible] въ письмѣ матери, что: „Сегодня у насъ будетъ кутежъ. Ковалевскій задумалъ угостить насъ, Соловьева и кое-кого изъ другихъ знакомыхъ обѣдомъ“... Дальше: „На-дняхъ (вѣроятно, 15 іюля) мы кутили по случаю именинъ Соловьева, который угощалъ насъ и Ковалевскаго обѣдомъ съ шампанскимъ. Теперь рѣдко проходитъ вечеръ, чтобы кто-нибудь къ намъ не зашелъ, такъ что И. И-чу есть съ кѣмъ болтать, не то что зимой. Впрочемъ все-таки мы живемъ дѣльно, хотя и весело, и собирая много матеріаловъ для будущихъ работъ“...

„На-дняхъ я познакомилась съ очень милой нѣмкой, живущей здѣсь съ братомъ, которому она помогаетъ работать для разныхъ ученыхъ нѣмецкихъ журналовъ, и третьяго дня мы провели очень пріятно вечеръ въ большой компаніи, состоящей изъ насъ съ Иваномъ Ивановичемъ, Ковалевскаго, философа Соловьева, Орлова, Herr фонъ-Штудницъ и Frl. фонъ-Штудницъ. Первые, т. е. большая часть кавалеровъ, вели все время споръ о политической экономіи, при чемъ Ковалевскому нерѣдко приходилось исполнять должность толмача, а мы, остальные образовали особенный кружокъ и вели болѣе общій разговоръ, при чемъ Frl. фонъ-Штудницъ допрашивала философа о спиритизмѣ, который онъ, какъ вамъ извѣстно, признаетъ серьезно, и пришла къ заключенію, что онъ очень странный человѣкъ; она же сама очень умная и простая нѣмка, разговорчивая и пріятная“ [1]).

Кстати добавлю къ этому, что послѣднимъ особамъ, т. е. дѣвицѣ Штудницъ и моей женѣ, въ видѣ особаго или спеціальнаго знака довѣрія, В. С. не разъ серьезнѣйшимъ образомъ сообщалъ, что онъ во всѣхъ рѣшительныхъ и важныхъ случаяхъ своей жизни поступаетъ согласно указанію и совѣту духа одной „нормандки“ XVI или XVII вѣка, которая является къ нему по желанію и даетъ надлежащія указанія, какъ дѣйствовать или чего ждать? Повторяю опять, что онъ это сообщалъ нѣсколько разъ и при томъ самымъ категорическомъ образомъ, сторонясь насъ,—мужчинъ, которые поднимали его за подобныя сообщенія на смѣхъ. Вообще милый и симпатичный человѣкъ, особенно какимъ онъ сдѣлался послѣднюю половину своей жизни, В. С. представлялся нѣсколько ненормальнымъ въ ту эпоху, когда я съ нимъ встрѣтился въ Лондонѣ и работалъ вмѣстѣ въ Британскомъ музеѣ. Цѣлые часы, какъ я за нимъ иногда слѣдилъ въ Музеѣ, какъ онъ работаетъ, онъ сидѣлъ, по сосѣдству, надъ какой-то книгой о Кабалѣ съ курьезными диковинными рисунками и значками, совершенно углубленный и забывающій, что дѣлается вокругъ. Сосредоточенный, печальный взглядъ, какая-то внутренняя борьба отражалась у него на лицѣ почти постоянно. Онъ сидѣлъ отъ меня настолько близко, что я имѣлъ возможность много разъ наблюдать эту картину. Когда я къ нему обращался съ вопросомъ: „Что, Владиміръ Сергѣевичъ, о чемъ задумались?!“—или „какъ вамъ интересна ваша книга, которую вы такъ долго читаете? Почему вы ее не перемѣните“? и т. п., я получалъ отъ него такіе отвѣты:

---

[1]) Она въ настоящее время, насколько мнѣ извѣстно, живетъ въ Берлинѣ и занимается изданіемъ и редактированіемъ, вмѣстѣ со своимъ братомъ, весьма распространеннаго журнала по домоводству и домашнему хозяйству.

„Я ничего... въ высшей степени интересно; въ одной строчкѣ этой книги больше ума, нежели во всей европейской наукѣ. Я очень доволенъ и счастливъ, что нашелъ это изданіе“.

Самоуглубленный В. С. нерѣдко буквально забывалъ обѣдать и когда моя жена, взявшая его подъ свое попеченіе, часто допрашивала: „Да вы обѣдали ли, Владиміръ Сергѣевичъ, сегодня?“—„Нѣтъ, я забылъ, да, кажется, и вчера я не обѣдалъ!“. Мы пробовали брать его съ нами обѣдать въ то время въ такъ называемыя „tea shops“ или „tea house“, гдѣ было только ограниченное число блюдъ, обыкновенно мясо и мясо, полу-свареное и полу-жареное, изрѣдка пудинги (съ тѣхъ поръ Лондонскія кухмистерскія значительно улучшились). Отъ подобныхъ обѣдовъ изъ одного мяса онъ рѣшительно отказывался, большею частью оно ему было противно; рыбу еще иногда ѣлъ, но ее не всегда можно было найти, кушаньевъ изъ плодовъ не было, а потому приходилось волей неволей, не мѣняя собственнаго режима, отказываться отъ его общества и предложить ему ходить въ болѣе дорогіе рестораны, съ лучшимъ и болѣе богатымъ выборомъ; тѣмъ не менѣе онъ часто забывалъ это сдѣлать, или лѣнился по отдаленности всѣхъ лучшихъ ресторановъ отъ Британскаго музея. Въ самомъ Музеѣ собственнаго ресторана тогда еще не было.

Жена скоро замѣтила у него пристрастіе къ рыбному желе и начала пріобрѣтать его, спеціально для Соловьева, зазывая его каждый вечеръ къ себѣ послѣ Музея, и прикармливая этимъ желе. Обыкновенно въ это замѣчательное лѣто мы проводили время такимъ образомъ: послѣ Музея въ 6 часовъ шли втроемъ съ Соловьевымъ, иногда вчетверомъ съ Ковалевскимъ, закупать нашъ ужинъ въ колбасныя, рыбныя и фруктовыя лавки, гдѣ пріобрѣтали для себя немного мяса[1]), раковъ, или крабовъ, рыбы, желе для Соловьева и фруктовъ, иногда масла и молока. У насъ дома, на этотъ разъ уже въ лучшей комнатѣ, чѣмъ прежде, всѣ усаживались за чай, который дѣлала жена, я ей помогалъ, Соловьевъ въ это время читалъ обыкновенно русскія газеты, только что пришедшія, а Ковалевскій весело со всѣми болталъ и послѣ легкой закуски у насъ, уходилъ къ себѣ обѣдать, что совершалось гораздо позднѣе нашего ужина.

Помню я замѣчательную сцену одного вечера. Соловьевъ просматривалъ свѣжій № „Русскихъ Вѣдомостей“, жена готовила чайную посуду, а я подогрѣвалъ воду, сидя около камина, какъ вдругъ

---

[1]) Обыкновенно—на два пенса „stuff“ т. е. кусокъ мелко рубленнаго мяса („stuff“ собственно значитъ „дрянь“) изъ отбросовъ и на 1/2 пенни тертаго гороха. Всего, слѣдовательно, около 10 копѣекъ стоимостью.

Соловьевъ разразился неудержимымъ хохотомъ: „ха! ха! ха!"—„Владиміръ Сергѣевичъ, что такое смѣшное, разскажите скорѣй намъ"! Въ отвѣтъ на это опять раздался его столь милый дѣтскій хохотъ, вызывавшій невольно такой же откликъ, но на этотъ разъ съ добавленіемъ нѣсколькихъ совсѣмъ не дѣтскихъ словъ: „Ахъ, какіе дураки... можно ли быть такими глупыми?!"—„Что такое, разскажите пожалуйста, въ чемъ дѣло?" повторяли мы съ женой. Я не помню, былъ ли тутъ Ковалевскій, или только мы втроемъ.—„Представьте себѣ, въ хронику Московскихъ происшествій занесенъ слѣдующій случай", отвѣчалъ онъ: „отходники пріѣхали очищать помойную яму въ одномъ домѣ, открыли люкъ очень глубокой ямы и колодца, которые давно не чистили, и туда сначала отправился одинъ рабочій, не долѣзъ, свалился и, конечно, пропалъ. На его мѣсто былъ отправленъ другой рабочій и повторилось то же самое: рабочій полѣзъ, упалъ отъ вредныхъ газовъ въ обморокъ и свалился; наконецъ, третій и только послѣ трехъ несчастій, люди образумились, остановили очистку, провѣтрили люкъ, бросили туда огонь и т. п., прежде чѣмъ принялись за чистку, и вытащили трехъ мертвыхъ товарищей изъ этой ужасной ямы. Не странные, не глупые ли это люди?!. ха! ха! ха!"

Мы оба съ женой набросились на Соловьева: „Владиміръ Сергѣевичъ, это такъ на васъ не похоже, на ваше доброе сердце: что вы находите тутъ смѣшного, что смѣетесь чуть не до истерики?.. Конечно, это дѣйствія нелѣпыя, но, вѣдь, рабочіе влѣзли въ зловонную ужасную яму не для своего удовольствія, а изъ-за куска хлѣба, который этимъ трудомъ добываютъ. Имъ приказали лѣзть, они были только исполнителями. Не правильнѣе ли винить безсердечныхъ, глупыхъ хозяевъ, которые такъ неосмотрительно предпринимаютъ работы и, наконецъ, начальство, которое подобное веденіе очистки дозволяетъ". Я не помню точно, что намъ возражалъ на наше замѣчаніе В. С., но онъ все-таки стоялъ на своемъ, что это все очень глупо и смѣшно, и что во всякомъ случаѣ не стоитъ и не слѣдуетъ такъ много огорчаться этимъ происшествіемъ, когда увидалъ встревоженное и огорченное по данному поводу лицо моей жены. „Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше" замѣтилъ Соловьевъ. „Какъ вы полагаете, что для этихъ рабочихъ лучше, что они умерли такой ужасной смертью?!"—„Нѣтъ, я хочу сказать, что вообще здѣшняя жизнь на землѣ не составляетъ столь серьезнаго факта, за который стоило бы такъ держаться и дорожить, и чѣмъ человѣкъ испытываетъ больше непріятнаго и дурного въ этомъ мірѣ, онъ получитъ сторицею въ томъ!!? Позвольте, я вамъ разскажу одну русскую народную легенду; подобнаго замѣчательнаго произведенія ни одинъ европейскій народъ не создалъ". Мы, конечно, попросили его раз-

сказать и вотъ что онъ намъ въ сжатомъ видѣ передалъ изъ содержанія этой легенды:

„Когда-то Христосъ съ учениками, путешествуя по землѣ, пришелъ въ одну деревню къ вечеру уже на ночлегъ. Постучался въ одну избу, его не пустили, прогнали; въ другую, третью—тоже самое... Собаками травили... Наконецъ, пришелъ въ послѣднюю бѣдную избушку на концѣ деревни, гдѣ жилъ бѣднякъ, имѣвшій всего лишь одну коровенку. Бѣднякъ вышелъ изъ избы, когда подходилъ Христосъ съ учениками, поклонился ему до земли и обмылъ ему по тогдашнему обычаю ноги, принесъ чашку молока, ложку, краюху хлѣба, и сказалъ: „Кушайте съ Богомъ, что имѣю, простите, [illegible]о мало, больше нѣтъ“. Потомъ принесъ сѣна, постелилъ, гдѣ мо[illegible] и предложилъ гостямъ спокойно спать. На другое утро Христосъ съ учениками ушелъ отъ гостепріимнаго хозяина и изъ деревни. Вдругъ на выгонѣ, откуда ни возьмись, сѣрый волкъ и спрашиваетъ Христа: „Я голоденъ, Господи, гдѣ мнѣ поѣсть?“ Тотъ говоритъ: „Ступай въ послѣднюю избу, на краю деревни тамъ у мужика одна корова, ты ее зарѣжь. Всѣ ученики въ негодованіи: „Господи, что Ты дѣлаешь?!! Одинъ добрый человѣкъ нашелся въ деревнѣ, насъ угостилъ, чѣмъ Богъ послалъ, а ты у него послѣднюю корову отнимаешь!!!“—„Маловѣрные вы, маловѣрные“ отвѣтилъ Господь, „чѣмъ здѣсь хуже, тѣмъ тамъ лучше. Чѣмъ тяжельше мужику будетъ здѣсь, тѣмъ съ большей сторицей онъ будетъ награжденъ на небесахъ!“.

Намъ съ женой оставалось, конечно, только пожать плечами отъ такой странной, своеобразной логики по данному поводу, и мы рѣшительно протестовали, какъ противъ величія русскаго народа, благодаря сочиненію такой легенды, такъ и противъ системы оправданія самаго неумѣстнаго смѣха о людскомъ горѣ и несчастіи Владиміра Сергѣевича.

Вообще довольно странныя выходки замѣчались въ то время за милымъ и симпатичнымъ, какимъ онъ сдѣлался впослѣдствіи, Соловьевымъ, которыя совсѣмъ какъ-то не вяжутся и трудно примирить съ его добрымъ, необыкновенно сострадательнымъ характеромъ второй, послѣдней половины его жизни, когда онъ попалъ въ кружокъ „Вѣстника Европы“. Какъ разъ, напримѣръ, въ то самое послѣднее время, прійдя однажды къ Соловьеву въ гостиницу Angleterre, противъ Исааковскаго собора, гдѣ онъ жилъ продолжительное время, я сдѣлался свидѣтелемъ такой трогательной сцены: небольшая комната Соловьева имѣла обыкновенную форточку, которая была отворена настежь и изъ нея валилъ холодный воздухъ морознаго утра. Это было зимой. Множество голубей летало по подо-

коннику взадъ и впередъ. В. С., легко одѣтый, въ накинутомъ на ночной рубашкѣ пальто, щипалъ булку французскаго хлѣба и бросалъ голубямъ, которые безъ церемоніи вырывали хлѣбъ у него чуть не изъ рукъ. Комната быстро наполнилась холодомъ, и онъ, очевидно, простужался. На всѣ мои напоминанія объ опасности для его здоровья такой раздачи голубямъ продовольствія, онъ только смѣялся своимъ милымъ смѣхомъ и заперъ окно, выбросивши полъ-хлѣба прямо на подоконникъ, когда я наконецъ напомнилъ ему о моемъ личномъ опасеніи за собственное здоровье отъ такого голубинаго угощенія.

Совершенно обратно съ этой сценой, молодой В. С., въ то по крайней мѣрѣ время, людей очень мало сожалѣлъ и мало придавалъ значенія, повидимому, самымъ важнымъ человѣческимъ интересамъ. Такъ, напримѣръ, во время нашего совмѣстнаго пребыванія и житья въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ Лондонѣ, произошелъ крупный скандалъ съ нѣкіимъ мистеромъ Беккеръ, впослѣдствіи сдѣлавшимся извѣстнымъ Беккеръ-пашой въ Турціи. Капитанъ Беккеръ, адъютантъ тогдашняго принца Уэльскаго, нынѣ короля, путешествуя по Лондонской подземной дорогѣ (Underground Railway), сдѣлалъ покушеніе на честь одной молодой дѣвицы, съ нимъ ѣхавшей въ одномъ и томъ же купэ перваго класса (фамилію забылъ, что-то въ родѣ мисъ Дальтонъ). Въ одномъ туннелѣ, изъ котораго состоитъ большая часть дороги, испуганная дѣвушка было выскочила, съ большой опасностью для жизни, на приступку вагона и на слѣдующей станціи была найдена полиціей при открытыхъ дверяхъ, съ намѣреніемъ выскочить и подняла тревогу. Судъ обвинилъ Беккера, несмотря на всѣ его сильныя придворныя связи и вліянія, и приговорилъ къ какому-то наказанію. Вся печать, или точнѣе большая часть, съ чрезвычайнымъ негодованіемъ нападала и бранила Беккера. Одинъ только защитникъ нашелся между ними въ лицѣ В. С., который энергично доказывалъ намъ, что навѣрно эта дѣвица авантюристка и желала сорвать деньги и исключительно съ этой цѣлью устроила скандалъ, и что, если бы объ этомъ догадался Беккеръ, то ничего бы не вышло. Вообще въ отношеніи женщинъ В. С. всегда, даже и въ послѣднее время, какъ я помню нѣсколько разъ, а въ юности въ особенности, отличался значительной долей цинизма и большой также любовью къ скабрезнымъ анекдотамъ.

Само собою разумѣется, что несогласіе съ подобными мнѣніями вызывало иногда въ нашемъ кружкѣ бурныя пренія и нѣкоторое раздраженіе, но надо отдать справедливость Соловьеву, онъ былъ такъ незлобивъ и незлопамятенъ, что на другой день всѣ подобныя

столкновенія забывалъ и держалъ себя по-прежнему очень мило и любезно. Такъ, напримѣръ, припоминаю, какъ разъ у него на именинахъ, когда онъ угощалъ насъ съ Ковалевскимъ у Бодеги, въ испанскомъ погребѣ на Оксфордъ-стритъ, прекраснымъ ужиномъ съ большимъ количествомъ шампанскаго и, разумѣется, не безъ вліянія послѣдствій его, произошелъ очень рѣзкій споръ, гдѣ отчасти я долженъ признать себя виновнымъ за недостатокъ сдержанности. Я не помню, по какому предлогу рѣчь коснулась Бѣлинскаго, къ которому я всегда, особенно въ молодости, благоговѣлъ, какъ вдругъ В. С. воскликнулъ: „Что такое Бѣлинскій? Что онъ сдѣлалъ?.. Я уже теперь сдѣлалъ гораздо больше, чѣмъ онъ, и надѣюсь въ теченіе жизни уйти далеко отъ него и быть гораздо выше...“ Хотя было уже очень выпито и можетъ быть поэтому я не удержался, слушая подобное самохвальство, и замѣтилъ Соловьеву, что „стыдно такъ говорить о самомъ себѣ, лучше подождать, когда другіе васъ признаютъ ему равнымъ!!!“ Какъ вдругъ на мое замѣчаніе, къ вящему моему конфузу—это происходило въ общемъ залѣ, очень наполненномъ публикой,—В. С. разразился рыданіями, слезы потекли у него обильно изъ глазъ. Я немедленно попросилъ извиненія, Ковалевскій съ своей стороны всячески старался потушить его волненіе, но это намъ не скоро удалось. Праздникъ нашъ разстроился, и мы немедленно уѣхали домой. На другой день, однако, Соловьевъ встрѣтился съ нами въ Британскомъ музеѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, и когда я вновь извинялся за то, что вызвалъ вчерашнюю сцену, онъ только засмѣялся и тѣмъ и кончилось, повидимому, безъ вліянія на наши добрыя отношенія.

Совершенную противоположность, какъ уже упомянуто, составлялъ другой мой новый знакомый, М. М. Ковалевскій. Будучи всегда жизнерадостнымъ и не чуждымъ всѣхъ удовольствій міра, онъ предпочиталъ всегда землю съ ея радостями небесамъ, но это не мѣшало ему жить и духовными интересами, не меньше, чѣмъ В. С. Уже тогда онъ поражалъ огромной и разнообразной своей начитанностью въ области сравнительной исторіи юриспруденціи. Очень часто рано утромъ, послѣ весело проведеннаго вечера, уже раздавался въ сосѣдней комнатѣ, когда мнѣ приходилось ночевать у Ковалевскаго, его веселый голосокъ съ напѣвомъ какого-нибудь романса, а между тѣмъ онъ въ это время былъ въ сущности за тысячи верстъ отъ веселаго времяпрепровожденія и если войти къ нему въ спальню, какъ это дѣлалъ нѣсколько разъ я, то очень часто при этомъ находилъ его со всѣхъ сторонъ обложеннымъ и углубленнымъ въ огромные фоліанты на старомъ французскомъ, или старомъ англійскомъ и латинскомъ языкахъ, самыхъ серьезнѣй-

шихъ, съ обычной точки зрѣнія, скучнѣйшаго содержанія о какихъ-то средневѣковыхъ институтахъ, книгъ.

Прерванный въ этихъ занятіяхъ, Ковалевскій, немедленно, вслѣдствіе обращенія къ нему, пускался въ объясненія прочитаннаго, и оказывалось, что онъ только-что успѣлъ тонко подмѣтить какую-нибудь любопытную сторону и выводъ изъ сравненія нѣсколькихъ юридическихъ институтовъ и ихъ исторіи и поражалъ васъ одинаково, какъ остроуміемъ и глубиной своей анализа, такъ и необыкновенной своей памятью на разныя мелочи прочитаннаго. Вообще, если относительно В. С., въ его юности, 22 лѣтъ, когда мнѣ пришлось съ нимъ жить вмѣстѣ въ Лондонѣ, приходилось больше догадываться о его крупныхъ умственныхъ силахъ по его глазамъ, выраженію лица, отдѣльнымъ замѣчаніямъ и наконецъ репутаціи, установившейся со времени его диспута, то Ковалевскій немедленно завоевывалъ симпатію и уваженіе своего собесѣдника массою своихъ свѣдѣній и критикой всего подвергаемаго имъ обсужденію. В. С. въ то время выглядывалъ юношей, подававшимъ надежды, очень способнымъ, но и очень страннымъ, Ковалевскій же, несмотря на одинаковый съ нимъ возрастъ, внушалъ больше довѣрія и уваженія, какъ человѣкъ взрослый, зрѣлый и знающій, что онъ думаетъ и говоритъ.

Было еще нѣсколько русскихъ въ Лондонѣ того времени, какъ напримѣръ, Фирсовъ, Н. Н., проживавшій тогда въ Англіи и часто бывавшій въ нашемъ кружкѣ, пока не вынужденъ былъ покинуть Англію; но по разнымъ обстоятельствамъ я позволю себѣ умолчать въ данномъ случаѣ о своихъ впечатлѣніяхъ и приключеніяхъ этого бывшаго земскаго дѣятеля, нѣтъ сомнѣнія, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ человѣка ума замѣчательнаго, нынѣ въ большой бѣдности и болѣзни проживающаго гдѣ-то въ уголкѣ Южной Италіи.

Пособравши изрядное количество матеріаловъ для своей будущей диссертаціи объ „Англійской свободной торговлѣ", мы вернулись въ Москву, и для меня вновь началась моя профессорская дѣятельность. Передъ отъѣздомъ изъ Лондона М. М. Ковалевскаго, который хотя и былъ оставленъ при Харьковскомъ университетѣ, гдѣ онъ кончилъ курсъ подъ руководствомъ столь знаменитаго учителя, какъ профессоръ международнаго права Каченовскій, но мало цѣнился своими земляками въ силу общаго правила: „нѣсть пророка въ отечествѣ своемъ", я усердно зазывалъ его, во-первыхъ, поддерживать со мной переписку, давать о себѣ знать по временамъ, и во-вторыхъ, вмѣсто Харькова, пріѣзжать держать магистерскій экзаменъ къ намъ въ Москву и у насъ защищать диссертацію, когда онъ ее напишетъ, при чемъ я заранѣе пророчилъ ему блестящій успѣхъ

въ томъ и другомъ. Что касается до перваго, т. е. корреспонденціи, насколько помню, М. М. прислалъ мнѣ всего лишь одно письмо, хотя довольно большое и интересное по содержанію, гдѣ между прочимъ увѣдомлялъ о новости „самой удивительной", какъ онъ ее называлъ, послѣ нашего отъѣзда изъ Лондона „Соловьевъ-де ѣдетъ въ Египетъ; духи сообщили ему о существованіи тамъ тайнаго кабалистическаго общества и обѣщали ему ввести въ него, т. е. въ общество. Соловьевъ не желаетъ, добавляетъ М. М., „чтобы его намѣреніе стало извѣстно отцу раньше исполненія" [1]). Понятно поэтому, о сообщенномъ я умолчалъ передъ своими знакомыми.

Что касается до второй моей просьбы, пріѣхать въ Москву, для исполненія своихъ магистерскихъ повинностей, то, какъ извѣстно, М. М. скоро это и исполнилъ. Въ одну изъ ближайшихъ зимъ онъ появился въ Москвѣ, немедленно мной былъ представленъ декану, тогда Мильгаузену, и другимъ болѣе виднымъ членамъ факультета; почти безъ всякаго приготовленія, блестящимъ образомъ, какъ рѣдко—кто, сдалъ свой магистерскій экзаменъ и выслушалъ изъ устъ нашего престарѣлаго декана просьбу увѣнчать начатое прекрасно дѣло и, не ограничиваясь экзаменомъ, защитить въ будущемъ у насъ свою диссертацію, когда онъ ее напишетъ, и остаться на каѳедрѣ въ Москвѣ, вмѣсто возвращенія въ Харьковъ, гдѣ его видимо должнымъ образомъ не цѣнятъ. Маленькая рѣчь декана, вылившаяся искренно изъ его устъ, а Мильгаузенъ всегда отличался своей молчаливостью, вмѣстѣ съ добродушнымъ одушевленіемъ и просьбой присутствовавшихъ, подѣйствовали на юнаго М. М., и онъ немедленно далъ намъ обѣщаніе, что останется въ Москвѣ, и такимъ образомъ мы его пріобрѣли своимъ товарищемъ, пока жестокая воля судьбы, противъ нашего желанія, лишила насъ этого удовольствія!...

Перехожу теперь къ бѣглому очерку лицъ изъ профессорскаго кружка, въ которомъ мы вращались. Раньше всего это были Умовы мужъ съ женой, Толстопятовы, Усовы, Легонины. Первый, профес-

---

[1]) Въ этомъ же письмѣ отъ 15 октября 1875 года содержится нѣсколько замѣчательныхъ строкъ М. М. о его посѣщеніи Карльсбада, куда онъ ѣздилъ этимъ лѣтомъ для здоровья и встрѣчи тамъ съ знаменитымъ Карломъ Марксомъ: „Въ Карльсбадѣ", пишетъ онъ, „я провелъ много пріятныхъ часовъ въ обществѣ Маркса. Это благороднѣйшая и даровитѣйшая натура. Жаль только, что онъ былъ и остался гегельянцемъ, и что научныя положенія его написаны поэтому на пескѣ. Я прочелъ въ Карльсбадѣ болѣе половины его книги о капиталѣ, которую онъ подарилъ мнѣ, и нашелъ въ ней новое подтвержденіе тому, что всякое уклоненіе отъ позитивнаго метода и, больше всего, приложенное къ научнымъ изслѣдованіямъ положеніе: Les grandes idées viennent du coeur, неизбѣжно ведетъ къ частому безсознательному заблужденію"...

соръ гражданскаго права, былъ уже нашимъ знакомымъ раньше, въ Гейдельбергѣ, гдѣ мы его встрѣтили вмѣстѣ съ его молоденькой женой, вскорѣ послѣ свадьбы. Этотъ несчастный человѣкъ, который очень скоро заболѣлъ какою-то странною простудой ногъ, и быстро обезножилъ, а это привело къ его отставкѣ и рано свело въ могилу, былъ очень добрымъ, милымъ и хорошимъ. Домъ его сдѣлался въ Москвѣ, въ эту эпоху нашего ранняго профессорскаго пребыванія, притягательнымъ центромъ, куда сходилось множество профессоровъ, особенно юридическаго факультета и пріятно проводили время за бесѣдами, пѣніемъ жены Умова, обладавшей хорошимъ голосомъ и бесѣдою съ ея мужемъ. Какъ я припоминаю, нѣкоторыя темы изъ моихъ будущихъ работъ, напримѣръ „Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ" прямо появилась на свѣтъ во время этихъ бесѣдъ и разговоровъ въ гостепріимномъ домѣ Умовыхъ. Къ сожалѣнію, это продолжалось не долго, всего лишь три, четыре года. Развившаяся болѣзнь ногъ быстро усилилась у несчастнаго Владиміра Алексѣевича и заставила его даже экзаменъ и чтеніе лекцій производить у себя на дому, а затѣмъ выйти въ отставку, послѣ чего въ непродолжительномъ времени онъ умеръ при общемъ соболѣзнованіи всѣхъ товарищей. Изъ другихъ профессорскихъ семействъ и товарищей наиболѣе выдавалась семья Усова, одного изъ замѣчательныхъ людей 40-выхъ годовъ, большого пріятеля, если не товарища, Писемскаго и Юрьева, съ которыми онъ, кажется, былъ даже на „ты". Сергѣй Алексѣевичъ Усовъ былъ умный, очень разносторонне образованный, чрезвычайно живой и веселый русскій колоссъ, который, при огромномъ ростѣ, отличался большой подвижностью, веселостью, юморомъ и остроуміемъ. Цѣлый рядъ шутокъ С. А. по поводу отдѣльныхъ случаевъ и особенно лицъ, напримѣръ, одна по поводу М. М. Ковалевскаго, сдѣлалась, такъ сказать, традиціонною Московскаго университета и долго не забывалась, заслуживая этого по своей мѣткости. Почтенная и добрая супруга его являлась прекрасной хозяйкой и парою своего мужа, а потому ихъ вечера, кажется четверги, всегда были полны народомъ, особенно нами, молодежью, и были любимыми посѣщеніями. Разсѣвшись комфортабельно у себя на диванѣ, часто чуть не съ ногами, С. А. неутомимо что-то говорилъ и разсказывалъ или, ради увеселенія присутствующихъ, кого-нибудь даже пыталъ своими разспросами, наводившими на комическія сопоставленія и отвѣты, какъ, напримѣръ, помню я теперь, покойникъ дѣлалъ это часто со своимъ племянникомъ, Н. Н. Усовымъ, тогда еще юнымъ студентомъ, впослѣдствіи губернаторомъ. Будучи зоологомъ по профессіи, С. А. имѣлъ въ то же время большія симпатіи и большія познанія по археологіи, а потому былъ

близокъ къ довольно обширному обществу въ Москвѣ археологовъ, и всѣ они посѣщали его и съ большимъ почтеніемъ выслушивали его остроумнѣйшія и неожиданныя догадки и объясненія разныхъ остатковъ старины, какія никому и въ голову не приходили.

Изъ юристовъ, сдѣлавшихся нашими товарищами по профессурѣ, кромѣ Н. П. Боголѣпова, о которомъ будетъ говориться нѣсколько позднѣе, надо упомянуть двухъ лицъ: одного чужого, т. е. изъ другого университета, Павлова, Алексѣя Степановича, другого москвича, Сергѣя Андреевича Муромцова. А. С. Павловъ, перешедшій къ намъ, кажется, изъ Новороссійскаго университета, питомецъ нѣкогда духовной академіи, а затѣмъ нѣсколькихъ иностранныхъ университетовъ, спеціалистъ по каноническому и церковному праву, вѣроятно лучшій въ то время въ Россіи и наиболѣе авторитетный. Довольно интересный собесѣдникъ, неистощимый на анекдоты, какъ Усовъ, хотя въ другомъ родѣ, преимущественно изъ нравовъ и жизни духовенства и авторъ многихъ изслѣдованій по церковному праву, онъ являлся солиднымъ авторитетомъ въ глазахъ такихъ высокопоставленныхъ лицъ, какъ Побѣдоносцевъ и другіе. А. С. Павловъ, однако, былъ человѣкъ очень помятый жизнью, а потому привыкъ считаться съ обстоятельствами и приноравливаться къ нимъ и не могъ, вслѣдствіе этого, сходиться иногда въ пониманіяхъ и дѣйствіяхъ съ нѣсколько идеалистической по своимъ стремленіямъ молодежью, какую представляло большинство преподавателей тогдашняго юридическаго факультета въ Московскомъ университетѣ.

Какъ разъ въ это самое время умерло или вышло въ отставку большинство старыхъ профессоровъ этого факультета: Крыловъ, Бѣляевъ, еще раньше Чичеринъ и Дмитріевъ, Соколовъ (мѣсто котораго занялъ Павловъ) и Баршевъ. Мильгаузенъ прожилъ лишь года три, читая одновременно со мной и даже представляя изъ себя декана, но въ 1877 году сошелъ въ могилу, и другая каѳедра финансовъ, о которой я говорилъ, не была возстановлена.

Кромѣ Ковалевскаго, изъ молодыхъ профессоровъ особеннаго упоминанія заслуживаютъ, впослѣдствіи получившіе такое громадное общественное значеніе по занятымъ ими постамъ, С. А. Муромцевъ и Н. П. Боголѣповъ, несчастный министръ народнаго просвѣщенія, павшій отъ руки убійцы. С. А. Муромцевъ, впослѣдствіи занимавшій мѣсто предсѣдателя нашей первой Государственной Думы, вступилъ въ Московскій университетъ и занялъ профессуру еще въ очень, относительно, юномъ возрастѣ, примѣрно лѣтъ 26 или 27, если не моложе. Ученикъ знаменитаго Іеринга, котораго онъ слушалъ въ Іенѣ вмѣстѣ со своимъ другомъ княземъ Львомъ Голицынымъ, С. А. выдавался на каѳедрѣ цѣлымъ рядомъ завидныхъ ка-

чествъ. Онъ не только обладалъ серьезными свѣдѣніями по предмету своей спеціальности—римскому праву—который между прочимъ въ Москвѣ онъ слушалъ у Никиты Крылова, но всегда отличался хорошимъ даромъ слова, обладая привлекательной наружностью и замѣчательнымъ умѣніемъ собой управлять. Это послѣднее свойство, которое онъ развилъ впослѣдствіи, въ качествѣ многолѣтняго предсѣдателя юридическаго общества, выказалось у него прекрасно и въ одномъ изъ первыхъ засѣданій юридическаго факультета, на которомъ я лично не присутствовалъ, но слышалъ потомъ отъ товарищей. Незадолго передъ этимъ отъ насъ ушелъ въ отставку пресловутый ректоръ и профессоръ, Сергѣй Баршевъ. А. С. Павловъ, самъ только-что вошедшій въ факультетъ, не справляясь съ мнѣніемъ товарищей, вздумалъ угодить и подкурить Баршеву. Онъ предложилъ факультету именно Баршева избрать почетнымъ членомъ университета, но потерпѣлъ крушеніе. С. А. самый младшій, вѣроятно по возрасту членъ факультета, въ одномъ изъ своихъ первыхъ засѣданій, такъ отпѣлъ за это приличнымъ, но рѣшительнымъ образомъ Павлова, что попытка его превознести Баршева со срамомъ провалилась. Самъ А. С. на будущее время сдѣлался гораздо скромнѣе и чаще сталъ помнить и руководствоваться русской поговоркой: „Не спросясь броду, не суйся въ воду“.

С. А. Муромцевъ очень скоро попалъ въ юридическое общество, которое долго у насъ было мертворожденнымъ, особенно его органъ „Юридическій Вѣстникъ“, который благодаря искусству и таланту С. А. и помощи такихъ лицъ, какъ Ковалевскій и многихъ другихъ, утратилъ свою мертвенность, ожилъ и сдѣлался серьезнымъ юридическимъ органомъ, со множествомъ интереснѣйшихъ статей и оставилъ несомнѣнно навсегда память о полезной и плодотворной дѣятельности С. А. въ Московскомъ университетѣ, не менѣе въ этой области, какъ и въ профессурѣ. Правда, было изрядное количество недовольныхъ С. А., вѣроятно большей частью изъ лицъ, завидовавшихъ его быстрому успѣху и имъ чѣмъ-нибудь затронутыхъ; такіе, напримѣръ, утверждали, что умственныя и научныя качества почтеннаго предсѣдателя юридическаго общества подвергаются-де многимъ сомнѣніямъ, и что въ дѣйствительности его личность представляетъ-де собой въ сущности весьма посредственное явленіе, личность, которая никогда ничего оригинальнаго и выдающагося не дѣлала и не говорила и, что-де Муромцевъ, не болѣе, какъ, любили они употреблять прозвище, представляетъ будто бы собой „общее ходячее мѣсто“ (?!). Разумѣется, такіе злые языки и отзывы можно объяснить лишь исключительно завистью или злопамятностью.

Быстро, за работой, я помню, прошла зима 1875 и 1876 года. Этотъ послѣдній годъ принесъ мнѣ опять большое горе. Зимой 1876 года жена моя сильно заболѣла той самой болѣзнью воспалительнаго характера, отъ которой едва не умерла невѣстой. Перепробовавши разныхъ московскихъ эскулаповъ, намъ пришлось рѣшиться зимой на нѣкоторую, мѣсячную примѣрно, разлуку. Жена моя ѣздила съ одной родственницей въ Петербургъ къ извѣстному тогда доктору Сусловой, женѣ моего впослѣдствіи друга Ф. Ф. Эрисмана, которая нѣсколько облегчила ея страданія, но настоятельно совѣтовала ей, въ унисонъ, впрочемъ, съ Московскими врачами, непремѣнно ближайшимъ лѣтомъ (это уже 1877 года) ѣхать въ Крейцнахъ для лѣченія тамошними цѣлебными водами и ваннами.

Еще раньше, лѣтомъ 1876 года, мы опять ѣздили въ Лондонъ собирать матеріалъ для моей диссертаціи. Я собралъ его въ значительныхъ размѣрахъ для первой части своей работы объ „Англійской свободной торговлѣ", и выпускъ первый представилъ, какъ диссертацію. Такимъ образомъ этотъ первый томъ появился черезъ два года послѣ „Акциза", т. е. осенью 1876 года, второй же много лѣтъ позднѣе, какъ мы дальше увидимъ. По внутренней связи, „Англійская свободная торговля" представляетъ собой непосредственное продолженіе магистерской диссертаціи о косвенныхъ налогахъ, но только лишь съ одной стороны, со стороны политики. Фискальныя пошлины я выбросилъ, изслѣдуя въ своемъ новомъ сочиненіи исторію идеи свободной торговли, въ связи съ ихъ практическими результатами, или отраженіемъ ихъ развитія на таможенномъ законодательствѣ Англіи и всей экономической жизни страны. Для этой новой работы, такимъ образомъ, я опять, какъ говорилось, совершилъ дважды (въ 1875 и 76 годахъ, во время ваката) паломничество въ стѣны Британскаго музея и успѣлъ въ эти два года покончить для выпуска первый томъ труда. Онъ обнималъ собой меркантильный періодъ исторіи идей свободной конкурренціи, при чемъ, согласно общей задачѣ сочиненія, я имѣлъ въ виду главнымъ образомъ лишь развитіе идеи собственно свободной торговли. Что же относится до свободы промышленности и труда, то я касался ихъ только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ тѣсной связи съ главнымъ предметомъ изслѣдованія. Цѣль всей работы заключалась въ томъ, чтобы въ бѣгломъ историческомъ очеркѣ намѣтить тѣ условія, при которыхъ развились въ Англіи начала экономической политики, указать тѣ вліянія, при которыхъ появились на свѣтъ идеи свободной конкурренціи, а затѣмъ постараться опредѣлить ихъ относительное значеніе и самые результаты, къ которымъ привела страну система экономической свободы.

Благодаря такому плану изслѣдованія, „Англійская свободная торговля“, по своему содержанію, имѣетъ какъ бы двойственный характеръ: съ одной стороны она содержитъ въ себѣ историко-литературный очеркъ воззрѣній различныхъ писателей на данный предметъ книги въ ихъ исторической послѣдовательности, съ другой, очеркъ самого англійскаго народнаго хозяйства и частью соотвѣтствующаго законодательства.

Научный интересъ перваго тома главнымъ образомъ и заключается въ разработкѣ исторіи англійской экономической литературы и обстоятельномъ описаніи организаціи торговли въ меркантильный періодъ (проведеніе границъ между системой денежнаго и торговаго баланса), такъ какъ противно мнѣніямъ Макколоха, Рошера и другимъ, главой и типичнымъ представителемъ англійскихъ меркантилистовъ долженъ считаться не Мэнъ, а Вильямъ Стаффордъ. Точно такъ же первая систематическая разработка экономическихъ понятій и въ то же время протестъ противъ нѣкоторыхъ крайнихъ меркантилистовъ принадлежитъ труду Э. Миссельдена, найденнаго мною въ Британскомъ музеѣ, и т. д. и т. д. Вообще сдѣланы нѣкоторыя болѣе или менѣе важныя поправки и добавленія къ существовавшимъ тогда (т. е. въ 1876 г.) свѣдѣніямъ по исторіи англійской экономической мысли въ меркантильный періодъ.

И вотъ 9 октября 1876 года, я успѣшно защитилъ мою диссертацію и былъ объявленъ докторомъ финансоваго права, а вслѣдъ за тѣмъ, минуя промежуточную градацію экстраординарнаго профессора, былъ утвержденъ приказомъ министра народнаго просвѣщенія, отъ 30 октября, ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ финансоваго права.

Исполняя предписаніе врачей относительно моей болѣвшей жены, мы двинулись изъ Москвы въ маѣ мѣсяцѣ 1877 года, съ небольшой остановкой въ Петербургѣ, черезъ который ѣхали ради большаго удобства, черезъ Дрезденъ, въ Крейцнахъ. Намъ сопутствовала милая и добрая родственница и другъ моей жены, Елена Петровна Пусторослева, такъ какъ я не могъ рѣшиться оставить мою жену одну или на попеченіе чужихъ людей въ Крейцнахѣ, гдѣ она должна была пробыть примѣрно около шести недѣль. Пріѣхавши въ Крейцнахъ и устроившись довольно недурно въ одномъ изъ многочисленныхъ пансіоновъ, съ большою горечью въ сердцѣ, я оставилъ жену заботамъ доброй родственницы и врачей, а самъ уѣхалъ, на этотъ разъ одинокій, въ Лондонъ продолжать занятіе и собирать матеріалъ для второго тома или выпуска своей „Свободной Торговли“. Это не было уже диссертаціей, а лишь продолженіе диссертаціи и оффиціально отъ меня не требовалось, и поэтому я

могъ не торопиться. (Писаніе 2-го тома или, точнѣе, выпуска продолжалось 6 лѣтъ; онъ вышелъ лишь въ 1882 году). Тѣмъ не менѣе работа эта долго и тяжело лежала на моей совѣсти, ибо первый томъ мною былъ выпущенъ, неожиданно для меня разросшійся въ размѣрахъ, лишь съ обязательной подпиской на второй. Такимъ образомъ я считалъ себя нравственно обязаннымъ спѣшить удовлетворить желаніе подписчиковъ на мой трудъ, которые неутомимо напоминали объ этомъ книгопродавцамъ. Изданіе „Свободной Торговли" вообще стоило не мало хлопотъ и расходовъ, для чего деньги мною занимались.

Само собою разумѣется, мнѣ было чрезвычайно тяжко разстаться съ больной женой, да еще на продолжительный срокъ и въ первый разъ за границей, но утѣшеніе предстояло, помимо освобожденія отъ взятаго на себя неосторожно обязательства съ изданіемъ, и въ той пользѣ, которую приносило мнѣ каждое посѣщеніе этого драгоцѣннаго учрежденія—Британскаго музея. Жена моя сама прежде всего понимала и сознавала эту пользу, а потому и уговорила меня настойчиво ѣхать, тѣмъ болѣе, что въ Крейцнахѣ, благодаря присутствію добрѣйшей Е. П. Пусторослевой, я былъ тогда совершенно безполезенъ для больной... Вотъ какъ, напримѣръ, моя жена описываетъ въ одномъ письмѣ къ своей крестной матери и теткѣ—Лондонъ и его для насъ значеніе:

„....милый нашему сердцу Лондонъ, гдѣ мы оба такъ сильно жили умственной жизнью, и гдѣ въ особенности мужъ работалъ такъ серьезно и такъ много сдѣлалъ для своего развитія... Британскій музей для насъ есть старый учитель, которому мы чувствуемъ себя обязанными за серьезное и плодотворное обученіе и къ которому обращаемся вновь и вновь за дальнѣйшимъ образованіемъ съ вѣрою въ успѣхъ"...

3-го іюня 1877 года я пріѣхалъ благополучно въ Лондонъ и устроился, увы, уже одинъ въ той же самой Keppelstreet, хотя въ другомъ домѣ и у другой хозяйки. М-рсъ Сиггерсъ, по справкамъ, должно быть, умерла, или покинула Лондонъ, и я ея не нашелъ. Въ тотъ же день, или не дальше, какъ на слѣдующій я успѣлъ получить или возобновить свой входной билетъ въ Британскій музей. Одновременно я былъ такъ счастливъ, что встрѣтился почти тотчасъ съ П. В. Макаровымъ, моимъ бывшимъ товарищемъ, который когда-то, т. е. въ 1874 году вмѣстѣ со мной пріѣхалъ въ Лондонъ писать диссертацію, но ее не написалъ, а остался безъ всякаго серьезнаго и убѣдительнаго повода, какъ русскій нерѣшительный человѣкъ, въ Лондонѣ, сдѣлавшись корреспондентомъ „Новаго Времени". Въ качествѣ таковаго онъ получалъ достаточно

денегъ и съ прекращеніемъ стипендіи. Съ возвращеніемъ его никто не безпокоилъ, такъ какъ политически онъ былъ безусловно чистъ, и въ результатѣ онъ умудрился пробыть въ Англіи не менѣе десяти лѣтъ, прежде чѣмъ вернулся восвояси и поступилъ гдѣ-то на югѣ Россіи на службу въ министерство финансовъ. Макаровъ оказался какъ бы представителемъ русской колоніи въ Лондонѣ: немедленно свелъ меня въ свою квартиру, недалеко отъ того же Британскаго музея и тотчасъ познакомилъ съ большимъ числомъ россіянъ и россіянокъ, въ это время почему-либо пребывавшихъ въ Лондонѣ. Отъ него я узналъ, между прочимъ, впервые, что въ Лондонѣ только что былъ профессоръ Анучинъ и незадолго до меня уѣхалъ, и находился одесскій профессоръ Успенскій (нынѣ академикъ), московскій ученый (тогда еще не профессоръ) Н. П. Боголѣповъ и еще нѣсколько русскихъ, въ томъ числѣ и дамъ, очень интересныхъ по его словамъ. Со всѣми ими я познакомился очень скоро.

Уважая болѣе всего точность и своевременность, я позволю себѣ пребываніе этотъ разъ въ Лондонѣ описать собственными словами своего письма изъ Лондона, отъ 18 іюня того года, къ родителямъ моей жены: „Вотъ уже ровно двѣ недѣли, какъ я покинулъ Крейцнахъ и нахожусь въ Лондонѣ, и счелъ обязанностью дать вамъ о себѣ вѣсточку. Добрался сюда безъ особенно важныхъ приключеній и устроился на той же Keppelstreet, на которой постоянно проживалъ съ женой, недалеко отъ Британскаго музея“.

„Жизнь моя течетъ по прежнему образцу, хотя и съ нѣкоторыми немаловажными отступленіями психическаго свойства. Цѣлый день работаю въ Музеѣ, повидимому при той же обстановкѣ и даже надъ болѣе интересной темой, чѣмъ прежде, но увы, не имѣю около себя моего безцѣннаго помощника въ лицѣ жены, а потому работаю менѣе спорко. Вѣдь когда не имѣешь около себя своего другого я, которое съ сочувствіемъ откликается на всякій запросъ и съ которымъ дѣлишься каждымъ впечатлѣніемъ и наитіемъ мысли, то невольно въ душу закрадывается пустота и какъ-то скорѣй перестаешь думать, и дѣло идетъ вяло, какъ будто бы нѣсколько нехотя!! Особенно пусто и непріятно себя чувствуешь, когда возвращаешься въ свою одинокую каморку, садишься за чай и берешь газету для отдыха. Такъ и кажется, что жена сейчасъ войдетъ въ комнату и спроситъ: „что ты читалъ интереснаго?!!“ Та же улица, тѣ же магазины, выставки товаровъ напоминаютъ старыя сцены и разговоры и обращаютъ неотвязно мысль къ той же отсутствующей персонѣ“.

„Къ счастью, „продолжается въ моемъ письмѣ“, или точнѣе къ

моему спокойствію, съ перваго же дня пріѣзда моего начались встрѣчи съ русскими. Я встрѣтилъ здѣсь, напримѣръ, Орлова, Боголѣпова, Макарова и цѣлую кучу другихъ русскихъ, до тѣхъ поръ незнакомыхъ. Въ двухъ шагахъ отъ меня проживаетъ въ одномъ пансіонѣ цѣлая русская колонія, въ которой есть даже двѣ дамы, а одно семейство и съ дѣтьми. Все это нѣсколько развлекаетъ меня, наполняетъ свободное отъ занятій время. Эти двѣ дамы (обѣ молодыя и одна почти красавица), жены двухъ довольно интересныхъ субъектовъ. Первый—самоучка механикъ, бывшій телеграфистъ, нѣкто Яблочковъ, изобрѣлъ удивительную вещь: электрическую свѣчу, которая должна собой замѣнить всякіе фонари и лампы для освѣщенія улицъ и большихъ зданій". (Значитъ, я еще и не мечталъ тогда объ освѣщеніи комнатъ электричествомъ?!!) „Онъ продалъ свою выдумку въ Парижѣ какой-то компаніи за значительный кушъ денегъ и сверхъ того постоянное жалованье въ двѣ тысячи франковъ въ мѣсяцъ. Сюда въ Лондонъ онъ пріѣхалъ по порученію компаніи распространять свое изобрѣтеніе и дѣлать опыты въ разныхъ мѣстахъ, и о немъ уже кричатъ здѣшнія газеты. Другой (мужъ красавицы, но самъ уже не молодой человѣкъ) по фамиліи Алисовъ, когда-то питомецъ Петербургскаго университета, изобрѣлъ особую печатную машину, величиной съ обыкновенную швейную: особенность ея заключается въ томъ, что не нуженъ наборъ, а только съ маленькимъ навыкомъ каждый человѣкъ можетъ прямо излагать свои мысли печатно, вмѣсто того, чтобы сначала писать, а затѣмъ уже нести въ типографію [1]). Такимъ образомъ эта машина, на которую Алисовъ уже выхлопоталъ привилегію, должна уничтожить всѣхъ писцовъ и каждый дѣловой кабинетъ, напримѣръ, Николая Васильевича" (моего тестя), „превратить въ типографію, гдѣ мамаша будетъ печатать кассаціонныя жалобы и апелляціи!!... Алисовъ заказалъ въ Манчестерѣ сто своихъ машинъ и ждетъ ихъ выполненія. Здѣсь скоро будетъ выставка типографскихъ и печатныхъ принадлежностей и первое русское изобрѣтеніе, нужно думать, получитъ свою оцѣнку отъ знатоковъ дѣла".

---

[1]) Думаю, что тогдашняя машина Алисова, дальнѣйшая судьба которой мнѣ совершенно неизвѣстна, и лично ее видѣть не пришлось, только много разъ слышать описаніе со словъ изобрѣтателя, представляетъ скорѣй форму не теперешней пишущей машины, а такъ называемую „линотипію", linetype, т. е. „пишущая наборная", какія мнѣ пришлось нѣсколько разъ видѣть въ новѣйшее время на выставкахъ въ Европѣ. Посредствомъ ихъ можно, по тому же способу, какъ пишущими машинами, дѣлать готовый наборъ и затѣмъ пускать его въ печать, что очень ускоряетъ газетное дѣло.

„Такимъ образомъ, по вечерамъ, мы, т. е. вся русская молодежь, къ которой и я вѣдь принадлежу пока, проводимъ время двояко: слушаемъ и смотримъ мужей изобрѣтателей и затѣмъ гуляемъ и любезничаемъ съ женами изобрѣтателей. Особенно всѣ ухаживаютъ за m-me Алисовой, весьма милой болтушкой, готовой на всякую шалость, и возбуждающей чопорныхъ англичанокъ своимъ громкимъ дѣтскимъ смѣхомъ и рѣшительными манерами".

Въ добавленіе къ этому письму, собственно нѣсколькими днями раньше, отъ 14 іюня, я писалъ по тому же поводу и моей супругѣ въ Крейцнахъ: „Въ томъ же домѣ, гдѣ живетъ Макаровъ, помѣщается много русскихъ, напримѣръ, профессоръ Одесскаго университета, Успенскій, нѣкто Яблочковъ, техникъ изобрѣтатель электрической свѣчи. Его находку пробуютъ въ настоящее время въ East India Docks и Waterloo Bridge, Кенсингтонскомъ, а позднѣе и въ Британскомъ музеяхъ. Съ нимъ молодая жена, или точнѣе госпожа, которую онъ выдаетъ за жену, затѣмъ тутъ же живетъ другой русскій техникъ Алисовъ, изобрѣтатель особой печатной машины. Онъ пріѣхалъ сюда брать привилегію и изготовляетъ въ Англіи эти машины. Его я еще не видалъ и знаю только по разсказамъ. Съ нимъ молоденькая жена, ему совсѣмъ не пара, — 45 и 20 лѣтъ,—очень, видимо, тѣмъ не менѣе влюбленная въ мужа (??) и въ его весьма разнообразныя техническія изобрѣтенія. Г-нъ Алисовъ теперь находится въ Манчестерѣ или Шеффильдѣ, и г-жа Алисова очень скучаетъ, особенно благодаря совершенному незнанію англійскаго языка. Понятно, вся наша русская молодежь всячески старается ее утѣшать и развлекать. Такъ въ пятницу ради нея вся наша компанія ѣдетъ въ Хрустальный Дворецъ. Со мной m-me Алисова очень мила и любезна, выражаетъ все свое сожалѣніе, видя, что я скучаю, не получая отъ тебя писемъ, и наконецъ настояла, чтобы вчера, находясь у ней въ гостяхъ, немедленно тебѣ отвѣтилъ, для чего даже ссудила меня своими письменными принадлежностями. Сама она также переживаетъ, видимо, какую-то тревогу". Нѣсколько позднѣе всѣ мужья, видимо, съѣхались, дамы утѣшились и стало еще веселѣе, хотя темы писемъ нѣсколько измѣнились.

Большую роль въ моей тогдашней перепискѣ занимаетъ мой почтенный товарищъ Н. П. Боголѣповъ, тогда всего-навсего частный преподаватель университета, командированный за границу (онъ, кажется, писалъ тогда свою докторскую диссертацію), которому суждено было впослѣдствіи сдѣлать такую блестящую карьеру, окончившуюся ужасной катастрофой. Я съ нимъ въ Москвѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ профессорства успѣлъ только слегка познакомиться, но

въ Лондонѣ я его засталъ совершенно одинокимъ, поселившимся Богъ знаетъ въ какой дали отъ центра и Британскаго музея, который онъ посѣщалъ, хотя и не особенно аккуратно, и видимо скучалъ безъ общества соотечественниковъ. Съ указанной выше компаніей онъ познакомился лишь во время моего пріѣзда и черезъ мое посредство. Вотъ что я, напримѣръ, писалъ моей женѣ въ то время отъ 6 іюня: „Только сейчасъ вернулся, милая жена, отъ Боголѣпова, котораго, Богъ вѣдаетъ, куда занесло! Онъ живетъ на самомъ сѣверѣ Лондона, въ окрестностяхъ города, близъ Alexandra Palace и ѣхать къ нему надо было за Euston Road, по конно-желѣзной дорогѣ цѣлый часъ, а потомъ пѣшкомъ идти минутъ десять. Тамъ было вечеромъ уже совершенно безлюдно и темно, какъ въ Московскихъ Грузинахъ, такъ что мнѣ было немного жутко возвращаться, пока не добрался до трамвая и болѣе цивилизованныхъ мѣстъ. Живетъ онъ въ семьѣ, дешево, за 35 шиллинговъ въ недѣлю. Выучился по неволѣ говорить по-англійски, не видя два мѣсяца ни одной русской души, на зато Лондона и здѣшней общественной жизни совсѣмъ не видалъ, и не знаетъ, какъ будто въ Англіи и не былъ!! Онъ, видимо, радъ мнѣ чрезвычайно и безъ всякаго съ моей стороны вызова или нужды, разсказалъ мнѣ свой прерванный романъ, съ которымъ познакомлю тебя при свиданіи“.

Н. П. часто заходилъ ко мнѣ отводить душу о разныхъ матеріяхъ и, кажется, ему бѣдному очень тяжело было вспоминать вдали отъ родины Россію и своихъ близкихъ. Онъ безпрестанно, безъ всякаго напоминанія, возвращался на эту послѣднюю тему, видимо волнуемый мыслями и переживаніемъ стараго и дорогого ему. Вообще онъ охотно искалъ русской компаніи. Зная еще по Россіи, что онъ не особенный охотникъ до выпивки, я помню, напримѣръ, какъ разъ русская молодежь собиралась въ какой-то извѣстнѣйшій Gin-Palace, т. е. по-просту роскошный питейный домъ гдѣ-то на Totten ham Court Road, и забыли предложить компанію Н. П., онъ былъ очень обиженъ и настойчиво насъ упрекалъ, зачѣмъ мы его не включаемъ въ наше общество?? На дружескомъ обѣдѣ, который я давалъ тогда нѣсколькимъ россіянамъ по случаю дня рожденія моей жены, и гдѣ приглашенъ былъ также и Боголѣповъ, онъ былъ всѣхъ веселѣй и сказалъ очень милый и остроумный тостъ за мою жену, меня очень растрогавшій, и о которомъ я счелъ долгомъ подробно написать ей немедленно.

Участвуя такимъ образомъ въ нашихъ увеселеніяхъ и прогулкахъ русской компаніи, Николай Павловичъ, какъ красивый молодой человѣкъ, видимо, очень понравился нашимъ дамамъ, которыя

стали за нимъ ухаживать, а онъ въ свою очередь платить имъ удвоенной любезностью и разными услугами. Вотъ что я, напримѣръ, писалъ своей супругѣ, отъ 20 іюня, значитъ, не долго спустя послѣ выше разсказаннаго: „Всѣ послѣдніе вечера, кромѣ трехъ", каялся я передъ женой, „я ухаживалъ напропалую, вмѣстѣ съ остальной компаніей за m-me Алисовой, которая представляетъ собою, какъ тебѣ уже извѣстно, весьма милую, но до крайности мало развитую, кисейную бабенку. Боголѣповъ, тотъ дошелъ до того", пишу я, „что является къ ней чуть не съ утра, какъ на службу, а легкомысленная бабочка все мучаетъ его съ Макаровымъ разными порученіями и комиссіями, которыя тѣ наперерывъ стараются исполнять. Боголѣповъ по этому случаю даже сочинилъ особенную теорію: „Общество этой госпожи", говоритъ онъ, „для меня благодаря ея красотѣ, также пріятно, какъ иная итальянская опера, безъ внутренняго содержанія!" Конечно, о такихъ удачныхъ сравненіяхъ своихъ поклонниковъ, какъ настоящее Н. П. Боголѣпова, m-me Алисова не знаетъ. Ну, довольно болтать о пустякахъ!!!"

Очень скоро, впрочемъ, мы всѣ замѣтили, какъ эта интересная дамочка начала отдавать всюду и всегда предпочтеніе, не стѣсняясь его выказывать, Николаю Павловичу, и тутъ же для насъ обнаружилось, насколько этотъ прекрасный человѣкъ, такъ несправедливо стертый съ лица земли рукой злой судьбы, стоялъ, по своимъ нравственнымъ понятіямъ, выше обыкновенной толпы [1]). Несмотря на настойчивую любезность со стороны г-жи Алисовой и всякіе авансы въ отношеніи къ Николаю Павловичу, онъ началъ замѣтно отъ нея удаляться, а скоро совсѣмъ пересталъ бывать въ ея квартирѣ (Woburn Place 39). На нашъ щекотливый вопросъ: почему онъ удаляется ея общества и пересталъ бывать? Николай Павловичъ съ достоинствомъ отвѣчалъ: „Почему вы такъ обо мнѣ дурно думаете?! Она меня забавляла и не болѣе того. Конечно, я не могу быть воромъ, и украсть жену у мужа никоимъ образомъ не рѣшусь". Таковы были нравственныя понятія этого замѣчательнаго человѣка; какіе бы недостатки онъ ни имѣлъ, онъ ни на іоту не отступалъ отъ своихъ правилъ при всякомъ случаѣ и палъ на посту, какъ ча-

---

[1]) Судьба г-жи Алисовой весьма странная и романтичная. Какъ я слышалъ потомъ, она не была законной женой Алисова, и впослѣдствіи разошлась съ нимъ и вышла замужъ за извѣстнаго физика, профессора N. N. въ Петербургѣ, который вскорѣ перешелъ въ Варшавскій университетъ, но жена за нимъ въ теченіе года не хотѣла послѣдовать, и онъ, лишь съ большимъ трудомъ, съ помощью покойнаго Побѣдоносцева, съ ней развелся. Впослѣдствіи она вышла замужъ за присяжнаго повѣреннаго X. и умерла, относительно довольно молодая.

совой, вѣрный своему долгу, за то, что онъ думалъ по-своему, не согласно съ толпой и не старался плыть по теченію!!

Какъ ни пріятно мнѣ было имѣть свое подходящее общество въ Лондонѣ на этотъ разъ, но отсутствіе больной жены меня сильно безпокоило и тревожило, тѣмъ болѣе, что она писала далеко не такъ аккуратно, какъ я, и были дни, когда я не получалъ отъ нея совсѣмъ извѣстій. Поэтому, въ началѣ іюля, я отправился и притомъ кратчайшимъ путемъ, черезъ Флиссингенъ въ Голландіи, на Кельнъ и Крейцнахъ, куда я пріѣхалъ быстро, 4-го іюля, къ пріятному удивленію не ожидавшей еще меня жены. Я засталъ ее сильно ослабѣвшей отъ лѣченія, чѣмъ всегда отличается замѣчательное дѣйствіе Крейцнахскихъ ваннъ, отъ которыхъ вмѣстѣ со слабостью, вѣроятно благодаря радіоактивности этихъ водъ, проходитъ постепенно болѣзнь и потомъ быстро возвращаются силы и здоровье. Недѣли двѣ я усердно ухаживалъ за больной, которая не могла даже свободно двигаться, и возилъ ее постоянно въ креслахъ, а черезъ какія-нибудь двѣ недѣли, въ Швейцаріи, куда мы переселились, для Nachkur'а, она уже свободно ходила по горамъ и дѣлала со мной довольно большіе туры. Послѣ мѣсячнаго отдыха въ горахъ, по совѣту врачей, мы заѣхали въ Франценсбадъ взять нѣсколько грязевыхъ ваннъ и вернулись въ Москву съ легкимъ сердцемъ, къ счастью значительно поправивши здоровье.

Въ Москвѣ меня ждала куча разнообразнаго дѣла; два съ половиной года до тѣхъ поръ, я читалъ исторію финансовъ, гдѣ попутно съ историческими свѣдѣніями передавалъ и нѣкоторыя теоретическія, но въ этомъ году внезапно скончался Мильгаузенъ и мнѣ пришлось временно занять его каѳедру, т. е. теорію финансовъ; исторія пока осталась за штатомъ. Такимъ образомъ понадобилось составлять собственно новый курсъ теоріи науки, что дѣлалось вовсе не быстро, и весь конецъ 70-хъ годовъ прошелъ у меня за этой работой, составленіемъ и переработкой университескаго курса, впослѣдствіи напечатаннаго, и въ то же время цѣлаго ряда монографій по всевозможнымъ предметамъ и вопросамъ. Цѣлая масса, навѣрное, гораздо болѣе 20-и моихъ трудовъ, не считая переводовъ, напримѣръ, фабричныхъ законовъ, относится именно къ этой эпохѣ моей жизни, къ концу 70-хъ и началу 80-хъ годовъ. Эти работы и изслѣдованія опредѣлили не только всю мою научную физіономію и вкусы—достоинства и недостатки, но и дальнѣйшую судьбу моей жизни.

Еще продолженіе моей докторской диссертаціи о „Свободной Торговлѣ“ не было докончено, я все собиралъ матеріалъ и мѣнялъ планы, какъ уже начали появляться мои объемистыя изслѣдованія

разнаго рода. Только въ періодъ времени между напечатаніемъ двухъ выпусковъ „Свободной Торговли" (1876—82 годовъ), я помѣстилъ цѣлый рядъ большихъ журнальныхъ статей, изъ которыхъ одна составила впослѣдствіи цѣлую книгу, имѣвшую два изданія, это „Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ. Опытъ критики государственныхъ расходовъ 1880 г.". Монографія эта, для которой я нашелъ матеріалъ, попутно собирая его для своей книги о „Свободной Торговлѣ", въ видѣ брошюръ и газетъ одного политическаго общества въ Ливерпулѣ, была написана первоначально въ 1878 году и помѣщена въ 1879 году въ „Отечественныхъ Запискахъ", а на другой годъ вышла въ Москвѣ отдѣльной книгой (перепечатанной въ С.-Петербургѣ въ 1908 году, вторымъ изданіемъ). Цѣль этого изслѣдованія состояла, во-первыхъ, въ томъ, чтобы обрисовать значеніе общественной самодѣятельности и частнаго почина для улучшенія государственныхъ финансовъ и управленія; во-вторыхъ, она заключалась въ томъ, чтобы дать образецъ критики англійскихъ государственныхъ расходовъ, такъ какъ соотвѣтствующая критика русскихъ расходовъ за то время была еще невозможна. Такъ понималъ задачу сочиненія Г. З. Елисѣевъ, предложившій ее мнѣ помѣстить въ „Отечественныхъ Запискахъ".

Другая серія статей, вслѣдъ за тѣмъ, въ 1880 г. напечатанная въ томъ же журналѣ, имѣла своимъ предметомъ „Дѣтскій и женскій фабричный трудъ въ Англіи и Россіи". Исторія ея такова: въ качествѣ члена Комиссіи, учрежденной московскимъ генералъ-губернаторомъ Долгорукимъ, для изслѣдованія фабрикъ и заводовъ, я очень заинтересовался положеніемъ нашихъ рабочихъ и неустройствомъ фабрикъ. Собирая по этому предмету всевозможныя свѣдѣнія для Россіи, я попутно знакомился съ соотвѣтственнымъ отдѣломъ общественнаго благоустройства въ Англіи, съ исторіей тамошняго фабричнаго законодательства и всѣхъ учрежденій, которыя привели къ улучшенію и прогрессу фабричнаго санитарнаго дѣла и улучшенію экономическаго положенія рабочихъ. Какъ разъ въ это время нѣкоторыя случайныя обстоятельства способствовали моимъ стремленіямъ въ этомъ направленіи; именно мой другъ Ковалевскій началъ издавать съ В. Ф. Миллеромъ „Критическое Обозрѣніе", просуществовавшее, впрочемъ, короткое время, что-то около двухъ лѣтъ. Оно вступило немедленно въ обмѣнъ съ множествомъ, если не со всѣми русскими періодическими изданіями, которыя, однако, лежали въ редакціи „К. О." большею частью безъ употребленія. И вотъ, обѣщаясь дать за это посильную хронику и статейки, я выпросилъ ихъ себѣ и въ теченіе двухъ лѣтнихъ вакатовъ, проведенныхъ, благодаря нездоровью жены, въ деревнѣ

у ея родителей въ Старицкомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, я легко и удобно выбралъ изъ всѣхъ русскихъ изданій множество выписокъ и свѣдѣній, относящихся къ фабрикамъ. Переработавъ эти данныя, приведя въ порядокъ и сопоставивши должнымъ образомъ съ соотвѣтствующими фактами англійской фабричной жизни, я составилъ цѣлый рядъ довольно интересныхъ и во всякомъ случаѣ поучительныхъ для того времени статей объ общемъ санитарномъ состояніи русскихъ фабрикъ, а также положеніи у насъ безправномъ и беззащитномъ дѣтей и женщинъ и вообще рабочихъ и, параллельно, объ успѣхахъ и постоянномъ прогрессѣ англійскаго фабричнаго законодательства. Статьи мои, благодаря интересу сообщаемыхъ данныхъ, имѣли несомнѣнно значительный успѣхъ, что и выказалось мнѣ разнообразнымъ образомъ. Между прочимъ, впослѣдствіи, въ 1882 году, извѣстный министръ Н. Х. Бунге, пригласившій автора на только-что учрежденную должность фабричнаго инспектора, прямо мнѣ заявилъ, что въ значительной степени очерки мои остановили серьезно его вниманіе на этомъ вопросѣ, и что при предварительной законодательной работѣ, предшествовавшей выходу закона 1882 года, пришлось воспользоваться значительно этими трудами. Къ этой же категоріи относятся также и другія мои статьи, какъ напримѣръ: „Кто отвѣчаетъ за несчастіе съ рабочими"? напечатанная въ „Устояхъ", „Московскіе фабричные рабочіе", и „Промышленная статистика и фабричное законодательство" и т. д., слѣдовавшія довольно быстро другъ за другомъ, поддерживая и муссируя мысль въ обществѣ о необходимости пересмотра нашего устарѣвшаго фабричнаго и всего промышленнаго законодательства и большаго вниманія къ нуждамъ рабочихъ.

Фабричная комиссія князя Долгорукова въ Москвѣ также много, при томъ раньше всѣхъ, работала на пользу русскихъ рабочихъ и между прочимъ, въ свою очередь, толкала меня къ занятію фабричнымъ вопросомъ. Такъ, по порученію ея, я, напримѣръ, посѣтилъ въ Англіи и Швейцаріи нѣсколько фабричныхъ инспекторовъ, съ ними знакомился и съ ихъ помощью составилъ докладъ объ инспекторатѣ въ этихъ странахъ, который былъ напечатанъ въ Московской Комиссіи и быстро разошелся до полнаго истощенія запасовъ книжекъ, что лучше всего указывало на созрѣвшую потребность устройства и въ Россіи хорошо организованной спеціальной инспекціи за фабриками и заводами [1]).

---

[1]) См. „Объ инспекторатѣ въ Швейцаріи и Англіи 1880". Въ „Трудахъ Комиссіи, учрежд. московскимъ генералъ-губернаторомъ кн. В. А. Долгоруковымъ, для осмотра фабрикъ и заводовъ".

Успѣхъ конечно вызываетъ энергію и успѣхъ моихъ первыхъ статей, преимущественно въ „Отечественныхъ Запискахъ“, поощрялъ меня, несмотря на все усердіе занятій моихъ надъ продолженіемъ своей диссертаціи объ „Англійской Свободной Торговлѣ“, къ работѣ для журналовъ и на другія темы. Такъ въ 1879 году появилась, напримѣръ, моя большая статья въ журналѣ „Слово“ „О табачной монополіи въ Европѣ и вредныя послѣдствія ея введенія въ Россіи“. Въ этомъ очеркѣ я откликался тогда на назрѣвшій у насъ вопросъ и предложеніе, если не ошибаюсь министра финансовъ Грейга, ввести у насъ табачную монополію. Я подробно разобралъ условія введенія этой монополіи, стоимость операціи и тѣ невыгодныя и даже вредныя послѣдствія, которыя мѣра должна за собой повлечь. Я старался доказывать, что при общемъ характерѣ русскаго экономическаго строя и широкомъ господствѣ монопольнаго принципа, слѣдуетъ естественно желать для Россіи, въ интересахъ поднятія благосостоянія цѣлаго народа, не введенія новой монополіи, а возможно большаго уничтоженія старыхъ; не развитія въ обществѣ духа монополій, а искорененія его проявленій. Всякій шагъ въ этомъ смыслѣ, направленный къ свободной дѣятельности, утверждалъ я въ заключеніе, улучшитъ экономическое положеніе народа, а значитъ увеличитъ и средства самого Правительства, единственнымъ источникомъ котораго служитъ народное богатство. Въ заключеніе я напомнилъ, что можно считать почти аксіомой, что всякій налогъ и вообще источникъ государственнаго дохода, несомнѣнно легче установить, нежели уничтожить, почему и выборъ податныхъ источниковъ требуетъ особенной осторожности и крайней обдуманности. Единственнымъ девизомъ можетъ здѣсь служить практически мудрый совѣтъ Талейрана, обращенный къ юнымъ дипломатамъ: „Pas trop de zèle, messieurs, pas trop de zèle!“

Статья эта имѣла несомнѣнный успѣхъ, что̀ выразилось во многихъ ко мнѣ письмахъ отъ разныхъ лицъ, совершенно не знакомыхъ. Кромѣ того, если вѣрить извѣстному г-ну Воейкову, то на доводы этой статьи было обращено вниманіе въ правительственныхъ кругахъ и она въ значительной степени способствовала оставленію втунѣ проекта ген.-ад. Грейга и замѣны монополіи лишь увеличеніемъ акциза. Еще въ 1877 году появилась моя большая статья въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ „Англійская торговая политика въ Ирландіи“, посвященная изслѣдованію отношенія Англіи или, точнѣе, эксплоатаціи зависящей отъ нея Ирландіи и причинъ, частью, ея бѣдности; въ 1878 году появилось мое изслѣдованіе „Британскіе интересы на востокѣ“, по поводу себялюбивой англійской политики на Балканскомъ полуостровѣ и объясненія экономическихъ причинъ

ея вмѣшательства въ пользу турокъ. Въ 1878 году я прочелъ въ Москвѣ любопытный рефератъ о библіотечныхъ налогахъ и о возможномъ устройствѣ въ Россіи городскихъ общественныхъ библіотекъ,—вопросъ, тогда у насъ совершенно заброшенный. Указывая и доказывая на всѣ лады важность для дѣла народнаго просвѣщенія устройства хорошаго веденія общественныхъ библіотекъ, я взывалъ обратить на этотъ вопросъ болѣе серьезное вниманіе и послѣдовать хотя бы до нѣкоторой степени примѣру англичанъ и американцевъ. Я признавалъ, что препятствія къ этому у насъ (въ тогдашній періодъ самой мрачной политической реакціи), конечно, очень велики, но отнюдь не непреодолимы, если только большинство публики согласится съ моими выводами и признаетъ важность и серьезность задачи. Вопросъ объ устройствѣ городскихъ общественныхъ библіотекъ на новыхъ началахъ и размноженіе ихъ, можетъ быть, является у насъ мечтой, но всѣ препятствія къ его осуществленію отнюдь нельзя считать непреодолимыми, требуется рядъ нѣкоторыхъ преобразованій въ законодательствѣ и развитіе общественной самодѣятельности и тогда мечта можетъ превратиться въ дѣйствительность: „Des utopies jamais, des reformes toujours!"

Въ 1880 году на страницахъ „Недѣли" появился мой очеркъ: „Англійскіе кабатчики", описаніе силы и значенія всѣхъ питейныхъ торговцевъ, винокуровъ и пивоваровъ и вліяніе этой клики на внутреннюю жизнь и дѣятельность британскаго законодательства.

Въ 1880 же году я помѣстилъ въ журналѣ „Слово" довольно любопытную статью о дѣятельности знаменитаго тогда Чарльса Брадло, подъ названіемъ „Новый типъ англійскаго радикализма" и о той пользѣ, которую приносилъ этотъ энергичный человѣкъ своему родному англійскому обществу, борьбой съ суевѣріемъ и злоупотребленіями, или точнѣе вреднымъ вліяніемъ въ Англіи ея духовенства, между прочимъ и окончательнымъ освобожденіемъ англійской печати, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, отъ связывавшихъ ее узъ и препятствій къ ея развитію. Отчасти въ связи съ этой статьей о Брадло, нѣсколько лѣтъ позднѣе, мной было написано большое изслѣдованіе, тоже помѣщенное въ „Отечественныхъ Запискахъ" и содержащее въ себѣ нѣсколько главъ подъ именемъ: „Возрожденіе мальтузіанства".

Самое сильное, по моему мнѣнію, впрочемъ, по оригинальности нѣкоторыхъ мнѣній и множеству собранныхъ фактовъ, представляетъ изъ того періода мое, можно сказать, изслѣдованіе, сдѣланное цѣликомъ въ стѣнахъ Британскаго музея и стоившее мнѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ работы и отвлеченія отъ моего труда по собиранію матеріала для второго тома „Англійской Свободной Торговли". Я ра-

зумѣю свое изслѣдованіе объ отмѣнѣ соляного налога въ Англіи и Россіи, причемъ наибольшее значеніе и тяжесть лежитъ въ первой, т. е. въ Англіи.

Единственная страна или государство, на исторіи котораго можно было тогда удобно изучить условія отмѣны соляного налога, была именно Англія, гдѣ съ 1825 года соляной налогъ уже былъ отмѣненъ. Надо было, слѣдовательно, лишь постараться опредѣлить послѣдствія и результаты этой отмѣны. Въ это самое время въ 1880 году извѣстный нашъ почтенный экономистъ А. А. Головачевъ обратился ко мнѣ съ письмомъ, узнавши о моемъ предположеніи отправиться въ продолжительный заграничный отпускъ. Онъ предлагалъ мнѣ заняться, если буду въ Англіи, куда я и собирался, этимъ вопросомъ, постараться опредѣлить полезные результаты отмѣны соляного налога, чтобы этимъ до извѣстной степени дать толчекъ къ окончательной ликвидаціи у насъ нежелательнаго обложенія важнаго предмета народнаго питанія и не менѣе важнаго предмета для промышленности, скотоводства и т. д. Я охотно обѣщалъ Головачеву въ ближайшій же разъ своей поѣздки въ Англію серьезно заняться этимъ вопросомъ, для написанія ряда очерковъ, какъ онъ предлагалъ мнѣ, въ журналѣ „Слово“ (въ которомъ я уже участвовалъ раньше) при первой возможности.

Въ началѣ апрѣля 1880 года, я отправился съ женой за границу, въ продолжительный годичный отпускъ и на этотъ разъ, благодаря усердному писанію нѣсколько лѣтъ цѣлаго ряда крупныхъ статей въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и „Словѣ“, гонораръ за который былъ сберегаемъ, съ хорошимъ матеріальнымъ достаткомъ, мы въ первый разъ рѣшились съ женой на дерзкую прежде для насъ мысль—посѣтить и объѣхать Италію, что въ этотъ разъ и сдѣлали. Мы пробыли тамъ довольно продолжительное время (жена моя даже научилась говорить по-итальянски), осмотрѣли всѣ важнѣйшіе пункты страны, всѣ чудеса искусства и древняго міра, затѣмъ перебрались черезъ горный хребетъ Шплюгенъ въ мирную долину „Wallensee“ въ Швейцаріи, отдохнули отъ всѣхъ пріятныхъ впечатлѣній и духовныхъ наслажденій, столько же, сколько отъ итальянской жары и пыли, и къ концу лѣта кончили тѣмъ же привычнымъ паломничествомъ въ стѣны милаго Британскаго музея. Конецъ моего изслѣдованія о „Свободной Торговлѣ“, совершенно передѣланный по новому плану, уже былъ видимо близокъ, но все-таки требовалъ очевидно еще порядочной, упорной работы, оставалось многое передумать и многое передѣлать, къ чему я и приступилъ въ привычныхъ стѣнахъ читальни Британскаго музея, гдѣ опять остался на цѣлую зиму, до будущаго

лѣта, надѣясь за это время покончить предпринятую задачу съ „Свободной Торговлей“, но какъ разъ именно въ это время я получилъ новое письмо отъ Головачева съ напоминаніемъ о необходимости спѣшить, въ виду ходящихъ въ обществѣ слуховъ, съ работой о соляномъ налогѣ и по русской поговоркѣ, которой, къ сожалѣнію, нѣсколько разъ мнѣ приходилось слѣдовать „Дѣло не волкъ, въ лѣсъ не убѣжитъ“, я опять оставилъ второй выпускъ „Свободной Торговли“ и занялся, сначала равнодушно, потомъ постепенно съ истиннымъ увлеченіемъ изученіемъ вопроса о причинахъ и послѣдствіяхъ отмѣны соляного налога въ Англіи, чѣмъ я занимался почти непрерывно, начиная, примѣрно, съ ноября 1880 года до марта 1881 года.

Я спѣшилъ ознакомиться, благодаря каталогу Британскаго музея, съ обширной литературой этого вопроса. Оказалось, во-первыхъ, необходимымъ для этой цѣли просмотрѣть извѣстнаго „Cobbet'a“ „Парламентскую исторію и дебаты“, за нѣсколько десятилѣтій, гдѣ были разбросаны различные запросы и проекты реформированнаго соляного налога и описывалась исторія его отмѣны, затѣмъ выступали противники и защитники этой формы обложенія въ первой половинѣ XIX вѣка и еще раньше. Вообще, оказалось, его изслѣдовали уже съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ. Цѣлый рядъ сочиненій, за много при томъ лѣтъ, по соляному налогу и вопросамъ, сюда относящимся, существовалъ въ отношеніи интересовъ земледѣлія, въ отношеніи интересовъ человѣческаго здравія, въ отношеніи интересовъ скотоводства, въ отношеніи интересовъ разнообразныхъ отраслей промышленности. Поэтому обѣ стороны, часто одинаково увлекаясь, приводили явныя несообразности, требовавшія непремѣнно строгой провѣрки. Мнѣ припоминается, напримѣръ, одинъ врачъ, чуть не посвятившій всю жизнь на доказательства разнообразнаго вреда для человѣка употребленія соли, при томъ для разныхъ болѣзней и при разныхъ случаяхъ. Чуть не большинство болѣзней онъ приписывалъ употребленію этой необходимой приправы къ пищѣ человѣка. Въ земледѣліи одни извѣстные агрономы защищали значеніе соли въ сельскомъ хозяйствѣ, другіе ничего не видѣли, кромѣ вреда. Въ промышленности, нѣкоторые вопросъ о соляномъ налогѣ въ Англіи дѣлали совершенно безразличнымъ для развитія и прогресса даннаго промысла, другіе, напротивъ, существованіе налога считали вѣчнымъ тормозомъ и препятствіемъ. Все это меня чрезвычайно интриговало и тянуло къ тому, чтобы наилучше разобраться въ вопросѣ. Съ другой стороны это оттягивало время окончанія взятой мной работы и вынуждало къ экскурсіямъ въ новыя области неизвѣстныхъ мнѣ

знаній. Я долженъ былъ продѣлать массу справокъ и въ химіи, и въ технологіи, и въ агрономіи, и въ лѣсномъ хозяйствѣ, и въ огородничествѣ, и въ гигіенѣ и т. д.

Наконецъ первая часть „Причины отмѣны соляного налога въ Англіи“ была кончена, но, увы, въ это время отъ пріѣхавшихъ въ Лондонъ соотечественниковъ я узналъ печальную новость, что Головачевъ успѣлъ поссориться съ радикальной редакціей „Слова“, въ которую онъ вошелъ, и долженъ былъ покинуть редакцію. Такимъ образомъ мнѣ предстояло подвергнуться, можетъ быть, непріятному отказу, въ случаѣ обращенія къ новой редакціи „Слова“, для которой, конечно, старые заказы и условія прежней редакціи могли быть не только не обязательны, но даже прямо нежелательны къ исполненію. Послѣ нѣкотораго колебанія, я написалъ къ извѣстному мнѣ лично Г. З. Елисѣеву, одному изъ членовъ редакціи „Отечественныхъ Записокъ“, и онъ напечаталъ первую статью о соли въ своемъ журналѣ. Но въ это время произошло давно желаемое въ Россіи событіе: Лорисъ-Меликовъ, находившійся тогда во главѣ правленія, идя навстрѣчу единодушно выражаемому желанію общества, отмѣнилъ соляной налогъ съ 1881 года, и такимъ образомъ работа моя потеряла, если не ученый, то публицистическій смыслъ и оправданіе: нечего бороться съ тѣмъ, съ чѣмъ не надо бороться. Это немедленно отразилось на судьбѣ моей статьи. Вслѣдъ за первой статьей должна была бы идти вторая о послѣдствіяхъ или результатахъ отмѣны, но, увы, она не появилась въ журналѣ. На запросъ мой у Елисѣева я получилъ печальный отвѣтъ, что Салтыковъ рѣшительно возсталъ, послѣ отмѣны налога, противъ помѣщенія моей статьи, какъ совершенно безполезной и не нужной для интересовъ читающей публики, такъ какъ она сама увидитъ эти послѣдствія. Я остался такимъ образомъ съ продолженіемъ и окончаніемъ своей статьи у себя на рукахъ. Не знаю, что пришлось бы мнѣ дѣлать съ этой работой, стоившей мнѣ многихъ мѣсяцевъ прилежнаго труда, если бы добрѣйшій М. М. Стасюлевичъ не заявилъ о своемъ согласіи пріютить мою изгнанную изъ „Отечественныхъ Записокъ“ статью на страницахъ „Вѣстника Европы“. Съ этого именно времени и началось мое участіе въ этомъ послѣднемъ журналѣ. Покончивъ съ солянымъ вопросомъ, я, разумѣется, опять обратился къ продолженію прерванныхъ занятій надъ исторіей идей свободной торговли и конкурренціи.

ГЛАВА V.

Русская учебная колонія въ Лондонѣ зимой 1880—81 г.г.—Какъ мы труса праздновали. — Приключенія одного молодого россіянина въ посольской церкви. — Ужасная катастрофа 1 марта въ Петербургѣ, и какъ она была встрѣчена въ Лондонѣ. — Окончаніе 6-ти лѣтняго труда надъ 2-мъ выпускомъ „Англійской Свободной Торговли".—Значеніе личнаго и моральнаго фактора въ исторіи экономическихъ идей.—Примѣненіе къ практикѣ моихъ научныхъ силъ и способностей. — Моя фабрично-инспекторская служба. — Очеркъ ея исторіи: Главнѣйшія условія и основные пункты моей инспекторской дѣятельности. — Невозможность и безполезность дальнѣйшей службы.—Отставка.—Общіе выводы и заключенія.

Работа надъ солянымъ налогомъ отвлекла меня отъ изложенія моихъ личныхъ впечатлѣній и приключеній въ это время моего пребыванія въ Лондонѣ, зимой 1880—81 гг., когда я такъ усердно, но не совсѣмъ благодарно, работалъ надъ солянымъ налогомъ, а далѣе собиралъ факты по „Свободной Торговлѣ", безъ возможности довести ее до желаемаго окончанія. Эта зима мнѣ очень памятна по тому оживленію, съ которымъ она прошла, незаурядъ всѣмъ многочисленнымъ мною сдѣланнымъ раньше посѣщеніямъ Англіи и жизни тамъ. Во-первыхъ, ни разу больше мнѣ не пришлось работать въ Англіи при такомъ большомъ и интересномъ русскомъ обществѣ, главнымъ образомъ изъ числа нашихъ экономистовъ. Въ эту зиму 1880—81 г., русская колонія въ Лондонѣ, работавшая въ Британскомъ музеѣ, состояла изъ слѣдующихъ лицъ: Н. А. Каблуковъ, нынѣ профессоръ Московскаго университета, В. Г. Яроцкій, Н. И. Зиберъ, умершій экономистъ, мой старый пріятель (и еще болѣе А. И. Чупрова), Н. А. Русановъ, В. Т. Судейкинъ, впослѣдствіи магистръ политической экономіи, писатель-экономистъ, Даневскій, профессоръ международнаго и уголовнаго права въ Харьковѣ (умершій) и т. д., не говоря о лицахъ, появлявшихся, такъ сказать, на нашемъ горизонтѣ въ Лондонѣ пролетомъ, на короткое время. Большинство экономистовъ были люди молодые, во всякомъ случаѣ моложе меня, а потому,

само собой, занятія ихъ устроились какъ бы рядомъ со мной и отчасти съ помощью моей. Работали мы дружно, весело, помогая другъ другу и совѣтами и указаніями и въ то же время, посвящая много времени на дѣло, не забывали и удовольствія, хотя въ большинствѣ самыя невинныя, вродѣ прогулокъ и поѣздокъ по окрестностямъ Лондона и похожденій по разнымъ учрежденіямъ. Почти ежедневно мы сходились къ вечеру за чаемъ, или у меня чаще всего, или въ какомъ-нибудь пунктѣ, назначенномъ заранѣе для экскурсіи.

Не говоря о чисто личныхъ приключеніяхъ за эту зиму, вродѣ болѣзни, могу разсказать о двухъ заслуживающихъ вниманія событіяхъ. Въ домѣ, гдѣ я жилъ, у одной довольно милой, но нѣсколько странной хозяйки, мало, видимо, занимавшейся своимъ хозяйствомъ, произошло весьма непріятное событіе: мнѣ и Зиберу, жившему также въ это время въ одномъ со мной домѣ, пришлось быть его свидѣтелемъ. По англійскому закону, частный домъ, собственный или квартира, въ истинномъ смыслѣ представляется замкомъ: „My house is my castle“, и кредиторъ не можетъ проникнуть въ домъ своего должника раньше судебнаго рѣшенія и постановленія, законнымъ образомъ вошедшаго въ силу, безъ чего, разумѣется, должникъ можетъ десять разъ обезпеченіе, въ формѣ, положимъ, мебели, или другого движимаго имущества, спустить съ рукъ, или скрыть. Для этого необходимость заставила англичанъ придумать слѣдующій обходъ закона: кредиторъ, въ случаѣ неисправности должника, и имѣя въ виду наложить свои руки на его имущество, нанимаетъ такъ называемаго broker'a, т. е. „маклера“ или „маклака“, обыкновенно изъ очень низкихъ и низменныхъ слоевъ народа, забулдыгу, который, за небольшое вознагражденіе, готовъ исполнить все, что ему прикажутъ. Broker, подъ какимъ-нибудь ложнымъ предлогомъ, напримѣръ найма квартиры, проникаетъ въ намѣченное помѣщеніе, и тамъ уже предъявивши хозяйкѣ письменное удостовѣреніе, что онъ такой-то и нанятъ такимъ-то кредиторомъ этой хозяйки, остается, какъ у себя въ домѣ. Всѣ комнаты должны быть для него открыты, онъ безвыходно пребываетъ въ домѣ день и ночь, слѣдя за тѣмъ, чтобы хозяйка не стащила какую-нибудь часть имущества вонъ изъ дома, и полиція совершенно безсильна и не имѣетъ никакого права въ это мѣшаться. Broker, или маклакъ вполнѣ такимъ образомъ замѣняетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ хозяйку. Начинается какъ бы междуцарствіе: въ одной и той же квартирѣ два хозяина; broker, который занимаетъ любую комнату, и можетъ, какъ мы видѣли, валяться въ грязныхъ сапогахъ на шелковомъ диванѣ и пить цѣлый день водку и осматривать чуть

не съ ногъ до головы всѣхъ уходящихъ изъ квартиры, не уносятъ ли они съ собой часть имущества.

Какъ разъ въ такую непріятную минуту попали мы съ женой въ нашу квартиру, и безсильная хозяйка, будучи не въ состояніи уплатить долга и прогнать, слѣдовательно, маклака, подчинилась его строгому, назойливому, нахальному надзору. Расположившись произвольно въ одной изъ лучшихъ комнатъ, маклакъ пилъ съ утра до вечера, большею частью съ нашей кухаркой, пьяницей-ирландкой, приносившей ему водку и пищу, иначе онъ умеръ бы съ голоду, ибо не могъ выходить. Хозяйка же, несчастная, сидѣла въ своей комнатѣ и съ утра до вечера плакала, пытаясь нѣсколько разъ переселиться, увозя необходимѣйшее, но встрѣчала усиленный протестъ со стороны broker'а съ пьяной кухаркой, перешедшей совершенно на его сторону, и мы, связанные срокомъ найма, должны были оставаться въ этомъ домѣ очень долго, несмотря на все безобразіе, потому уже, что никто не могъ и не хотѣлъ принять отъ насъ денегъ; хозяйка возражала справедливо, что квартира уже больше не ея, broker, что онъ не хозяинъ, что хозяинъ живетъ гдѣ-то далеко и сносится съ нимъ письменно!!!

Въ это время съ нами произошелъ очень смѣшной случай, который, однако, насъ очень напугалъ, но къ счастью и заставилъ избавиться скорѣй отъ пьяной компаніи и перейти на другую квартиру. Поздно ночью, когда мы уже спали, мы услышали сначала грубые мужскіе голоса, внизу въ кухнѣ, затѣмъ раздался стукъ въ нашу дверь и голосъ Н. И. Зибера, который энергично стучалъ, взывая къ намъ. Мы пробудились и встали, впустили его въ комнату и спросили, что все это значитъ?! Оказывается, онъ изъ своей комнаты, ближе лежащей къ кухнѣ подвальнаго этажа, услышалъ шумъ, нѣсколько разъ окликался: кто кричитъ, шумитъ? чего мы сонные не слыхали, и затѣмъ отправился будить насъ, увѣряя, что какіе-то, вѣроятно мошенники, или разбойники забрались въ нашъ подвальный этажъ. Я забылъ упомянуть, что кромѣ насъ всѣ остальные жильцы успѣли уже сбѣжать съ квартиры, и вотъ подъ вліяніемъ энергическаго заявленія Зибера, съ нами съ женой произошла настоящая паника: мы дѣйствительно увѣрились, что тамъ внизу ходятъ какіе-то злые люди, угрожающіе намъ опасностью, и вооружившись, кто чѣмъ могъ, преимущественно каминными принадлежностями, гуськомъ, осторожно со свѣчами въ рукахъ спустились внизъ въ кухню, держась другъ за друга. Оказалось внизу нѣтъ ни души, но дѣйствительно всѣ двери наружу открыты. Въ такъ называемомъ Parlour, гостиной, которую самовольно занялъ broker, слышался его пьяный храпъ на диванѣ.

Маргарита, ирландская кухарка, исчезла. Мы составили тогда военный совѣтъ — что же дѣлать? Такъ домъ оставить нельзя, съ открытой дверью. Маргариты нѣтъ. Наконецъ, что сдѣлаетъ этотъ владѣлецъ, безсловесный broker? Вотъ, мы въ рѣшительный моментъ вспомнили о единственной надеждѣ и упованіи всякаго иностранца, какъ и мѣстнаго жителя Англіи, о полисменѣ.

Кое-какъ наскоро одѣлись, и оставивши въ запертой комнатѣ Екатерину Николаевну, отправились вдвоемъ съ Зиберомъ отыскивать полисмена. Не безъ труда мы нашли такового, объяснили въ чемъ дѣло, но лишь съ большой неохотой, отговариваясь неимѣніемъ права безъ особенныхъ обстоятельствъ входить въ частное жилище, полисменъ рѣшился войти къ намъ въ домъ, въ переднюю комнату. Тамъ онъ убѣдился въ полной безпомощности пьянаго broker'a, котораго не могъ даже дотолкаться и разбудить, по отсутствію кого-либо изъ людей въ квартирѣ, кромѣ насъ, и предложилъ квартиру запереть, увѣряя, что при малѣйшей тревогѣ, онъ немедленно появится, такъ какъ у него есть ключъ отъ всѣхъ наружныхъ дверей околотка, и что мы не должны безпокоиться о кухаркѣ, какъ она войдетъ, она сама должна объ этомъ позаботиться, если уходитъ, и имѣть ключъ. Въ этотъ самый моментъ появилась пьяная Маргарита съ двумя бутылками водки и грозно запротестовала противъ вторженія полисмена въ квартиру, ссылаясь на то, что мы, какъ иностранцы, не знаемъ обычаевъ, а онъ не долженъ никого слушать, кромѣ ея и broker'a. Полисменъ раскланялся съ нами, развелъ руками и ушелъ изъ квартиры, оставивши насъ въ пріятной компаніи пьяныхъ людей.

Разумѣется, на другой же день мы, наконецъ, принялись за розыски хозяевъ, сдѣлали соотвѣтственное недѣльное заявленіе (notice) и черезъ недѣлю переѣхали въ болѣе приличное мѣсто обитанія.

Хотя во второй половинѣ 1881 года русская колонія понемногу начала рѣдѣть—сначала уѣхалъ Каблуковъ, за нимъ Даневскій, — но все-таки оставалась довольно многочисленной, ибо появлялись вновь-пріѣзжіе, менѣе усидчивые россіяне, которые, пробывши недѣлю, другую, въ туманномъ Альбіонѣ, начинали скучать о Парижскихъ бульварахъ и о нѣмецкихъ Kneip'ахъ и покидали Лондонъ, съ тѣмъ, чтобы дать мѣсто другимъ новопріѣзжимъ, и т. д. Въ это время произошло одно нѣсколько странное и на этотъ разъ болѣе серьезное приключеніе съ однимъ изъ молодыхъ россіянъ, имя котораго я не хочу называть. Приключеніе это серьезно взбудоражило насъ, ибо наводило невольно на очень грустныя мысли

о томъ, что никто изъ насъ, ищущихъ свѣта, знаній и науки за границей, не гарантированъ отъ подобнаго приключенія и возможности крупнаго несчастья.

Одинъ молодой человѣкъ, N., занимавшійся также въ Британскомъ музеѣ, соскучился, не видѣвши русскихъ, кромѣ нашего ограниченнаго кружка, и не слышавши долго русской церковной службы, къ аккуратному посѣщенію которой привыкъ съ дѣтства, отправился въ русскую церковь. Онъ родился въ очень благочестивой дворянской семьѣ, воспитанъ былъ въ Москвѣ въ Лицеѣ Цесаревича Николая, и привыкъ, поэтому, съ аккуратностью и исправностью посѣщать въ положенное время церковь, чего былъ давно уже лишенъ во время своихъ странствованій по нѣмецкимъ университетамъ и проживанія въ Лондонѣ. Когда N. вернулся изъ русской церкви и былъ вечеромъ у насъ, пилъ чай, то, на разспросы наши, какъ ему понравилась русская посольская церковь, и какія онъ вынесъ впечатлѣнія изъ перваго посѣщенія, отвѣтилъ намъ, что ничего особеннаго, церковь была пуста, и что онъ попалъ въ церковь слишкомъ рано. Была какая-то знатная, расфранченная дама, сидѣвшая въ корридорѣ, около церкви, мимо которой онъ прошелъ, которая почему-то на него подозрительно посмотрѣла, и около нея нѣсколько человѣкъ, вѣроятно ея свиты, больше никого въ церкви не было.

Прошло недѣли двѣ времени, въ одно прекрасное утро N. прибѣгаетъ къ намъ блѣдный съ вытянутымъ лицомъ и стучитъ въ дверь, такъ какъ мы чуть успѣли съ женой встать. На разспросы: „Что съ вами? Что такое случилось?“ онъ сильно взволнованный, прерывающимся голосомъ, разсказалъ намъ слѣдующее, что онъ изъ дома своего дяди, заступающаго ему мѣсто отца, только что получилъ крайне тревожащее его письмо, чрезвычайнаго содержанія. Любящій и милый дядя, во-первыхъ, бранитъ его, во-вторыхъ, сообщаетъ, что у нихъ, или у близкихъ родственниковъ былъ обыскъ, вызванный будто бы его гнуснымъ поведеніемъ за границей, что онъ пренебрегъ всѣми наставленіями и примѣромъ всей семьи, нарушая ея добрыя традиціи и вмѣсто того, чтобы заниматься дѣломъ за границей, учиться, очевидно началъ заниматься политикой, ибо благодаря его дурному поведенію въ этомъ случаѣ былъ обыскъ, какъ по объясненію полиціи, прямо вызванный сообщеніемъ изъ-за границы о немъ, о его будто-бы неблагонадежности. Письмо наполнено выраженіями самаго глубокаго отчаянія и сожалѣнія о всемъ случившемся, шлетъ упреки и укоризны на голову юноши, заклинаетъ его всѣми святыми не скрывать своихъ грѣховъ, буде таковые есть, немедленно возвращаться въ Москву, какъ дядя уже обѣщалъ

полиціи, что онъ явится на отвѣтъ лично и смѣло, какъ подобаетъ порядочному человѣку, сознается, что̀ онъ такое надѣлалъ за границей и чѣмъ вызвалъ такой гнѣвъ и такія мѣры противъ себя государственной власти и полиціи, въ чемъ же заключаются его проступки и не можетъ ли, не въ состояніи ли онъ загладить ихъ искреннимъ раскаяніемъ?!

Бѣдный юноша, мирно занимавшійся въ Британскомъ музеѣ, отчасти подъ моимъ руководствомъ, изученіемъ разныхъ кредитныхъ формъ и банковъ, очень далекій отъ какихъ-либо помышленій о политикѣ и тѣмъ болѣе отъ сношенія съ людьми неблагонадежными, подозрительными или опасными, былъ, разумѣется, крайне пораженъ и огорченъ. Всѣ, мы—небольшая кучка оставшихся русскихъ, посѣщавшихъ Британскій музей, приняли въ его горѣ самое близкое участіе и выражали ему свое горячее сочувствіе, не жалѣя разныхъ добрыхъ совѣтовъ и пожеланій. N. имѣлъ въ Лондонѣ только одинъ бросающійся въ глаза недостатокъ, возбуждающій преслѣдованіе его на улицѣ со стороны уличныхъ мальчишекъ: противно всякому англійскому приличію и понятію о джентльменствѣ, онъ носилъ огромную войлочную шляпу въ родѣ того фасона, который приписывается, по слуху, калабрійскимъ разбойникамъ, съ широкими полями. Шляпа эта у чопорныхъ англичанъ вызывала улыбки и перемигиванія,—чего, вѣроятно, онъ самъ не замѣчалъ. Мальчишки бѣжали за нимъ иногда на улицѣ, показывали языкъ и кричали: „clergyman!“ и болѣе ничего. Мы, конечно, подшучивали надъ нимъ и всячески убѣждали его завести цилиндръ, но онъ былъ упрямъ и насъ не слушался. Наконецъ, въ своихъ манерахъ N., какъ истинный россіянинъ, изъ хорошей дворянской семьи, отличался большой развязностью и не всегда сдержанностью,—вотъ все, что можно было сказать противъ него.

Общее недоумѣніе, такимъ образомъ, относительно возможной или вѣроятной причины его бѣды, сводилось, однако, къ общимъ совѣтамъ: немедленно возвращаться въ Россію и объясниться, постараться выслушать, въ чемъ же его обвиняютъ? Нѣтъ ли тутъ просто ошибки въ имени, что иногда въ жизни бываетъ. Разстроенные, съ горячими объятіями, мы проводили его на вокзалъ, въ дорогу, въ нашу далекую, не всегда любезную, какъ изъ этого примѣра видно, къ своимъ сынамъ, родину. Прошло недѣли три безъ всякихъ извѣстій, какъ вдругъ, въ одно утро, или вечеръ, не помню хорошо, N., веселый, смѣющійся, развязный, въ томъ же самомъ невозможномъ калабрійскомъ шлыкѣ, появляется опять у насъ въ комнатѣ, какъ разъ въ присутствіи еще нѣсколькихъ россіянъ-сотоварищей. Естественно, съ нашей стороны посыпались градомъ вопросы:

„Что? Какимъ образомъ? Почему? Зачѣмъ васъ вызывали? Что такое случилось?!!!“

Оказалось, произошла слѣдующая, можно было бы сказать—комическая, исторія, если бы она не заключала въ себѣ зерно большого трагизма. Причина заключалась въ томъ самомъ вышеупомянутомъ неудачномъ, оказывается, посѣщеніи русской церкви, когда сердце молодого человѣка стосковалось по родинѣ и родной православной службѣ; какъ уже онъ разсказывалъ выше, въ церкви была при немъ какая-то очень знатная особа, герцогиня со свитой и болѣе никого. онъ прошелъ мимо нея по узкому корридору, въ своемъ невозможномъ калабрійскомъ колпакѣ, надвинутомъ низко на лобъ, съ весьма дерзкой, отважной манерой, и въ томъ широкомъ, безъ рукавовъ плащѣ англійскаго образца (Havelос), который у насъ въ Россіи получилъ характерное названіе „размахайки“, при чемъ, благодаря широкимъ размѣрамъ этого костюма задѣлъ, можетъ быть, нѣсколько неосторожно, самъ того не зная, въ узкомъ проходѣ сидящую даму. Когда онъ прошелъ въ церковь, то немедленно завязался разговоръ о немъ: „Кто этотъ нигилистъ, невѣжа, не раскланиваясь, въ такой ужасной шляпѣ, прошелъ мимо?“ Услужливые люди немедленно добились точныхъ свѣдѣній, узнали черезъ священника, который видѣлъ его раньше, его имя, при чемъ ему было приписано, якобы, очевидное намѣреніе чуть ли не нанести оскорбленіе дѣйствіемъ высокой особѣ, здѣсь присутствующей, своимъ неприличнымъ поведеніемъ. И вотъ немедленно, въ Петербургъ, куда слѣдуетъ, полетѣло, безъ дальнѣйшаго разбора дѣла, извѣщеніе о дерзкой, якобы, выходкѣ, этого, невиннаго по своему поведенію, младенца и, что называется по-русски, сыръ боръ загорѣлся!!!“

Когда N. вернулся въ Москву, то онъ узналъ тотчасъ же, что обыскъ и запросъ о немъ сдѣланы вслѣдствіе телеграфнаго требованія изъ Петербурга, куда онъ и долженъ направиться, чтобы съ этимъ дѣломъ познакомиться поближе. И вотъ, собравши всѣ необходимыя данныя о высокой доброкачественности и благонадежности, какъ своей лично, такъ и всей его семьи, пользующейся всеобщимъ уваженіемъ и далекой отъ какихъ-либо превратныхъ мыслей, въ томъ числѣ и захвативши аттестатъ отъ Катковскаго Лицея, N. немедленно отправился въ Канцелярію всемогущаго тогда министра Лорисъ-Меликова, гдѣ все дѣло очень быстро объяснилось поспѣшнымъ и непровѣреннымъ сообщеніемъ изъ Лондона. Юноша, который уже приготовился ѣхать въ мѣста не столь отдаленныя и, какъ онъ намъ разсказывалъ, уже боялся за свой арестъ на самой границѣ, былъ, наконецъ, совершенно обѣленный, мирно отпущенъ на всѣ четыре стороны, съ совѣтомъ, впрочемъ, быть осторожнѣе въ будущемъ.

Насколько вся эта печальная и смѣшная тревога, грозившая, въ случаѣ меньшей энергіи и настойчивости, самыми серьезными послѣдствіями, была напрасна, можно судить уже потому, что этотъ претерпѣвшій юноша въ настоящее время, черезъ 28 лѣтъ, занимаетъ высокій постъ сенатора, чѣмъ наглядно доказываетъ, какая великая осторожность требуется при обвиненіи человѣка и осужденіи его въ проступкахъ, которые онъ и не думалъ совершать!? Воистину „всѣ мы подъ Богомъ ходимъ", какъ говоритъ русская народная поговорка!!!

Кромѣ этого непріятнаго происшествія, нарушившаго нашъ душевный миръ и спокойствіе, маленькая кучка русскихъ, занятая всецѣло книгами и диссертаціями, жила весьма мирно, каждый занятый своимъ дѣломъ. Какъ извѣстно, 1-го марта 1881 года, къ истинному горю всего мыслящаго человѣчества и вѣрныхъ подданныхъ Русскаго Государя, совершилась ужасная катастрофа цареубійства. Одинъ изъ великихъ Императоровъ Россіи, Царь-Освободитель, погибъ отъ руки кучки фанатиковъ. Мы какъ разъ въ это время проживали въ Лондонѣ. Интересно, можетъ быть, будетъ знать, что и какъ по этому поводу намъ сдѣлалось извѣстно о страшномъ событіи? Жена моя отъ 14 марта, 1881 года, пишетъ, напримѣръ, своимъ родителямъ слѣдующее: „Мамаша проситъ написать, когда мы узнали о страшной катастрофѣ и смерти Государя. Мы узнали это", отвѣчаетъ она, „на другой день, такъ какъ, наканунѣ, въ день убійства было воскресенье и газетъ не выходило, утромъ въ понедѣльникъ, въ половинѣ девятаго, какъ только встали, узнали одновременно изъ англійской газеты „Daily News", гдѣ уже появилась обширная телеграмма о печальномъ событіи, и изъ циркулярнаго письма здѣшняго русскаго священника, приглашавшаго насъ на панихиду. Мы отправились въ церковь, гдѣ отслужено было краткое и печальное молебствіе, на которомъ присутствовала масса знатнаго народа; полный комплектъ, конечно, русскаго посольства, а также и представители иностранныхъ державъ, включая турецкую, китайскую и японскую миссіи и т. д., кромѣ того многіе члены англійской королевской фамиліи, принцъ Уэльскій и принцесса Уэльская (настоящій король Эдуардъ съ супругой), которая очень похожа на свою сестру, нашу нынѣшнюю Императрицу", пишетъ жена, „и также пользуется здѣсь большой любовью народа. О подробностяхъ этого страшнаго дѣла мы здѣсь изъ англійскихъ газетъ узнали гораздо больше, чѣмъ Вы въ Россіи; черезъ нѣсколько дней, впрочемъ, мы имѣли также возможность получить весь русскій матеріалъ, потому что выписываемъ массу газетъ изъ Россіи. Англичане очень сочувственно отнеслись къ нашему національному

несчастью, и первые дни послѣ происшествія, пресса почти единственно толковала здѣсь о немъ. До сихъ поръ, собственно, публика сильно интересуется подробностями дѣла и его послѣдствіями...“

Впрочемъ, я долженъ пополнить письмо жены одной, нѣсколько курьезной подробностью, смутившей нашъ духъ наканунѣ этого события. Перваго марта, по русскому исчисленію, въ воскресенье, знаменитый англійскій проповѣдникъ лордъ Редстокъ говорилъ публичную проповѣдь. Входъ былъ свободенъ, и мы съ женой захотѣли какъ разъ послушать, что такое за Редстокъ и что онъ говоритъ? Проповѣдь назначена была и началась ровно въ четыре часа по полудни. Къ общему удивленію, Редстокъ началъ проповѣдь съ какихъ-то таинственныхъ и странныхъ намековъ на какое-то печальное событіе въ родѣ слѣдующихъ: „Завтра, христіане, вы встанете утромъ и узнаете, можетъ быть, какую-нибудь страшную новость о внезапной насильственной смерти какого-нибудь монарха могущественнаго государства, но это событіе отнюдь не должно смущать вашу совѣсть: будьте увѣрены, что какъ бы печаленъ этотъ фактъ ни былъ, но Богу было такъ угодно. Мы должны смириться передъ Его волей и молить Его, чтобы такихъ несчастій было на свѣтѣ поменьше“ и т. д. въ этомъ родѣ.... Мы были, разумѣется, удивлены, но пропустили сказанное мимо ушей. На другой же день все сдѣлалось ясно изъ чтенія газетъ: наканунѣ, въ два часа съ чѣмъ-то, герцогъ Эдинбургскій съ супругой Маріей Александровной получили извѣстіе о смерти покойнаго Александра II, немедленно заказали экстренный поѣздъ въ Дувръ и въ три часа съ минутами уѣхали на континентъ по дорогѣ въ Россію. Очевидно, въ придворныхъ кругахъ былъ извѣстенъ фактъ катастрофы, еще, въ воскресенье днемъ, но Редстокъ не хотѣлъ нарушать святости воскресенія и смущать совѣсть слушателей этимъ извѣстіемъ и въ то же время не утерпѣлъ, чтобы на него не намекнуть и тѣмъ привлечь наше вниманіе, изобразить мысленно знаки вопроса, кто и что такое? Предсказаніе вышло не мудреное!

Тяжело было весной, послѣ довольно продолжительной холодной зимы этого года, оставаться въ городѣ. Весь, повидимому, или большая часть матеріала, необходимаго для второго желаннаго, тома моей „Англійской Свободной Торговли“, былъ уже собранъ и мы смѣло могли на этотъ разъ, послѣ продолжительнаго сожительства съ Британскимъ музеемъ, покинуть Лондонъ и переселиться въ другое, болѣе веселое, если не поучительное мѣстопребываніе. Такъ мы и сдѣлали. Въ началѣ мая весь нашъ довольно не малый, благодаря росту книгъ, багажъ, послали впередъ, въ Гейдельбергъ,

а вслѣдъ затѣмъ переселились въ этотъ прелестный, тогда еще покойный и мало объангличаненный, „nicht verengländert“, городокъ Германіи. Я имѣлъ пріятелей между профессорами и при томъ одного владѣльца богатой экономической библіотеки, профессора Эмануила Лезера, такъ что могъ смѣло разсчитывать на возможную помощь въ смыслѣ снабженія книгами. Мы поселились очень уютно и комфортабельно, въ хорошемъ не дорогомъ пансіонѣ Ланга, распредѣлили правильно свой день занятій и незамѣтно, одновременно пріятно и полезно, за писаніемъ сочиненія и прогулками, по составленной заранѣе программѣ, проводили свое время. Сначала насъ смутило одно непріятное приключеніе: сундуки и чемоданы, посланные нами впередъ, съ нашими вещами и книгами, долго не приходили въ Гейдельбергъ. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца по пріѣздѣ, живя при томъ около самой станціи желѣзной дороги, я непрестанно наводилъ справки, но все было тщетно; нашихъ вещей нѣтъ какъ нѣтъ! По совѣту нашего хозяина, черезъ мѣсяцъ мы уже поставили крестъ на наши вещи и хотѣли рекламировать, т. е. требовать отъ желѣзной дороги, или отъ правительства, то жалкое вознагражденіе, которое приходится отправителю за пропавшую кладь, какъ вдругъ нашъ багажъ нашелся на станціи и, оказалось, мы столько разъ получали отрицательный отвѣтъ, благодаря необычайной несообразительности нѣмецкаго конторщика на желѣзной дорогѣ.

Жена моя по этому поводу писала матери изъ Гейдельберга, отъ 24—12 іюня 1881 года: „Я вамъ могу сообщить наконецъ веселое извѣстіе: мы добились своихъ вещей. Скучно и досадно разсказывать всѣ наши хлопоты о нихъ и странный пассажъ съ ними. Пока мы посылали запросы, даже телеграфные, въ разныя мѣста пути слѣдованія багажа, начиная съ Лондона, онъ преспокойно лежалъ около насъ здѣсь и былъ налицо... Совершенно случайно мы до него добрались... Во всякомъ случаѣ день, когда мы получили вещи, былъ для насъ праздникомъ, мы точно получили подарокъ. Еще раньше мы начали заниматься по книгамъ, которыя сейчасъ нашлись или въ университетской библіотекѣ или у профессора Лезера и въ другихъ книжныхъ учрежденіяхъ города. Книгописаніе наше идетъ очень успѣшно, у насъ уже написано свыше ста страницъ“ (жена ошиблась, въ дѣйствительности было гораздо больше). „Матеріалы такъ разрослись, что книга грозитъ выйти больше, чѣмъ слѣдовало. Работать здѣсь очень хорошо; день правильно расположенъ; заботъ, напримѣръ, о ѣдѣ, ни малѣйшихъ, какъ въ Лондонѣ. Недавно, впрочемъ, простояло нѣсколько дней такихъ жаркихъ, что нападала на насъ нѣкоторая вялость, работа шла какъ

бы хуже. Теперь же чудная, не слишкомъ жаркая погода, и я съ утра сѣла вамъ писать въ нашемъ саду, гдѣ въ другое время бываетъ невыносимо жарко. Мы купаемся въ Неккарѣ и чувствуемъ себя совсѣмъ хорошо. Жизнь привольная, заниматься удобно, погулять есть гдѣ..."

„Письмо это", говорится далѣе, „продолжаю вечеромъ. И. И. пошелъ съ нѣсколькими русскими гулять въ довольно отдаленный пунктъ, а я нынче отказалась отъ прогулки, потому что во время купанья передъ ужиномъ много плавала и устала. Да и рано здѣсь хочется спать, потому что сравнительно рано встаемъ, мужъ въ половинѣ восьмого, и даже въ семь, я полчаса позднѣе; до часу такимъ образомъ, до времени нашего ранняго обѣда, у насъ много часовъ для занятій, и мы, если диктовка мужа идетъ гладко, успѣваемъ написать довольно много. Послѣ обѣда мы занимаемся какимъ-нибудь легкимъ чтеніемъ и не спимъ ни тотъ, ни другой, потому что часа въ четыре пьемъ кофе уже не дома, а въ кондитерской, а послѣдніе жаркіе дни передъ этимъ обязательно купаемся въ прохладномъ Неккарѣ. Отъ 5—7 часовъ, большею частью, мы опять усердно пишемъ, въ восьмомъ часу получаемъ ужинъ и чай и затѣмъ вновь отправляемся въ вечернюю прогулку, которая единственно возможна при такой жарѣ, которая здѣсь наступила лѣтомъ. Каждый вечеръ, почти регулярно, заходитъ за нами кто-нибудь изъ здѣшнихъ русскихъ"... Я умышленно привелъ это безыскусственное письмо, чтобы точнѣе представить идиллическую картину нашей новой жизни, столь не схожей съ лондонской, надъ той же работой, усердно подвигавшейся впередъ. Наконецъ послѣ всѣхъ шестилѣтнихъ стараній, передѣлокъ, перемѣнъ и измѣненій плана, совсѣмъ не похожаго на первый, моя работа надъ „Свободной Торговлей", или, точнѣе, „Развитіемъ идей свободной торговли", видимо, приближалась къ благополучному окончанію. Въ началѣ августа работа настолько подошла къ концу, что мы рѣшили сдѣлать себѣ нѣкоторый отдыхъ и удовольствіе мѣсячной поѣздкой въ Швейцарію, и я взялъ круговой билетъ III-го класса на это время. (Большей роскоши я себѣ тогда еще не могъ позволять).

У насъ сохранилось одно интересное письмецо жены объ этомъ важномъ для насъ событіи долго желаннаго окончанія второго тома. Жена моя пишетъ объ этомъ изъ Берна своей матушкѣ въ слѣдующихъ словахъ: „Имѣю сообщить новость, мы вчера кончили послѣднюю главу книги; теперь И. И. хочетъ только дополнить нѣсколько ту главу, которая уже давно написана, и для этого мы остались въ Бернѣ собственно на нѣсколько дней. Кстати погода дождливая и все равно нигдѣ въ Швейцаріи гулять еще нельзя. Даже по слу-

хамъ рѣки разлились отъ дождей. По случаю нашей общей радости, окончанія работы, я получила отъ мужа сюрпризъ, о которомъ вамъ теперь не скажу, чтобы лучше поразить при свиданіи. Чѣмъ ближе придвигается время отъѣзда, тѣмъ невольно чаще вспоминается, какъ будетъ пріятно обнять васъ, послѣ долгаго скитанія по бѣлому свѣту... Намъ только хочется воспользоваться своимъ круговымъ билетомъ, насмотрѣться напослѣдяхъ чудесами природы, которая потомъ надолго оставитъ наслажденіе своими воспоминаніями, а затѣмъ уже восвояси, опять за трудовую жизнь въ Россіи. Веселья тамъ теперь ждать нельзя, все кругомъ очень грустно. Одно утѣшеніе—дѣлать, по возможности, свое дѣло. Мнѣ по пріѣздѣ надо будетъ, кромѣ устройства квартиры, за полтора года отсутствія, измарать порядочно много бумаги, продолжая переписку, и книга дастъ намъ обоимъ еще достаточно работы въ Москвѣ: мнѣ переписки, а И. И. просмотра сначала, а потомъ корректуры при печатаніи. За то какое блаженное чувство мы ощущаемъ при окончаніи этой работы, которая тяжелымъ бременемъ лежала на нашей совѣсти и сначала давалась очень трудно, вслѣдствіе измѣненій нѣкоторыхъ воззрѣній и расширенія матеріала со времени писанія перваго выпуска?!" Мораль, которую И. И. вынесъ отсюда: въ умственныхъ работахъ никогда не связывать себя и не гадать за будущее. „Все хорошо, что кончается хорошо“, говоритъ пословица, поэтому теперь нечего ворчать на судьбу, но было тяжелое время, когда И. И. долго не могъ приняться въ Британскомъ музеѣ за эту обязательную работу, которая, напоминая о себѣ постоянно, не давала намъ свободы вполнѣ предаться тѣмъ занятіямъ, которыя болѣе привлекали въ данное время его интересы, какъ, напримѣръ, фабричное законодательство. Теперь мужъ росписался, и книга, кажется, выйдетъ недурная, но она далась труднѣе всѣхъ прежнихъ его сочиненій. Но, однако, довольно объ этомъ“...

Къ осени мы благополучно вернулись изъ продолжительнаго полуторогодового отсутствія изъ Россіи, на этотъ разъ съ новой и давно желанной книгой, вторымъ выпускомъ „Свободной Торговли“, съ новымъ большимъ трудомъ, готовымъ для печати. Немедленно она отдана была въ типографію, въ томъ же домѣ, гдѣ я прежде проживалъ съ Ковалевскимъ (Миллера): теперь я уже поселился въ другой части города Москвы, на Арбатѣ, гдѣ и оставался до окончательной ликвидаціи моей московской жизни.

Такъ какъ второй томъ или выпускъ этого сочиненія, обнимающій періодъ свободной торговли, представляетъ для того времени главную мою работу, потребовавшую большихъ усилій, то я считаю долгомъ нѣсколько долѣе на ней остановиться. Сначала я хотѣлъ

во второмъ выпускѣ этой книги ограничиться лишь выясненіемъ торжества принциповъ свободной торговли, но, продолжая работать, я не могъ не замѣтить сильной перемѣны въ воззрѣніяхъ англійскаго общества на политическую экономію и упадка стараго престижа самой экономической науки. Вѣра во многіе наиболѣе существенные положенія и принципы политической экономіи, какъ они были установлены въ XVIII и XIX вѣкахъ ея первыми основателями, вѣра эта явилась уже давно, въ значительной степени подорванной и поколебленной, и въ то же время новые законы, новые принципы, которые могли бы замѣнить собой старые, потерявшіе довѣріе, еще не созданы и составляютъ лишь pium desiderium.

Это послѣднее обстоятельство заставило меня всмотрѣться ближе въ данное явленіе и подвергнуть его спеціальному изслѣдованію. Чѣмъ же объясняется эта громадная перемѣна относительно значенія и важности политической экономіи? Какъ, какимъ образомъ, подъ какимъ вліяніемъ и благодаря какой обстановкѣ дѣйствительной жизни могло образоваться и развиться это столь распространенное нынѣ недовѣріе къ вѣрности, правильности, къ цѣлесообразности выработанныхъ политической экономіей началъ, а также убѣжденіе въ практической непригодности большею частью ихъ законодательнаго примѣненія къ жизни?!!

Прослѣживая, шагъ за шагомъ, съ конца 20-хъ годовъ прошлаго вѣка англійскую экономическую литературу, я пришелъ къ заключенію, что главное вліяніе на измѣненіе общественнаго мнѣнія въ отношеніи къ этой наукѣ оказали слѣдующіе четыре фактора: 1) альтруизмъ, 2) соціализмъ, 3) индуктивизмъ, 4) протекціонизмъ. Въ этомъ построеніи, которое я дальше вкратцѣ изложу, я ставлю себѣ въ заслугу, что до сихъ поръ привыкли въ наукѣ бороться лишь логическими способами, путемъ доводовъ, добываемыхъ разсужденіемъ и фактами, а я постарался показать въ своемъ изслѣдованіи, что помимо логическихъ доводовъ, въ построеніяхъ разныхъ экономическихъ воззрѣній и прямомъ воздѣйствіи ихъ на законодательство и государственную жизнь имѣютъ мѣсто, помимо доказательствъ разсудка, *доводы простого чувства* и экономическая наука развивалась, видоизмѣнялась и распространялась въ такой же мѣрѣ, благодаря аргументамъ холоднаго разсудка, сколько и горячаго, можетъ быть, *чувства* человѣческой симпатіи къ несчастнымъ и обездоленнымъ въ жизни; поэтому-то я на первомъ мѣстѣ и поставилъ альтруизмъ и его значеніе и воздѣйствіе на науку.

Это положеніе я старался доказать на основаніи, болѣе всего,

біографіи Джона Стюарта Милля, а также, впрочемъ, и другихъ многихъ писателей (Коббетъ, Уэкфильда, Джона Рэ, Самуила Ленга и мн. др.). Каждый, кто, напримѣръ, читалъ автобіографію Джона Стюарта Милля, навѣрное припомнитъ прекрасныя страницы, которыя онъ посвящаетъ описанію того медленнаго, но сильнаго вліянія, которое оказала на укладъ его всѣхъ убѣжденій м-рсъ Тейлоръ, сдѣлавшаяся впослѣдствіи его женой. Вліяніе это, судя по всему, имѣло характеръ гуманизирующій и выразилось въ томъ, что Милль началъ больше обращать вниманія на положеніе рабочихъ классовъ, на вопросы, съ ними связанные, и уже отсюда во многомъ измѣнилъ свои экономическія убѣжденія на этотъ предметъ, какъ въ этомъ легко убѣдиться, если даже сопоставить его раннія экономическія произведенія съ позднѣйшими, не говоря о личномъ сознаніи автора. Достаточно было этой причины, т. е. возбужденія большого сочувствія Милля къ положенію бѣдныхъ массъ народа, большого развитія чувства альтруизма, чтобы это личное обстоятельство постепенно, но прочно, выразилось въ несогласіи, съ его стороны, съ нѣкоторыми положеніями господствовавшей школы политической экономіи и стремленія построить науку (напримѣръ, ученіе о распредѣленіи, ассоціаціи и др.) на иныхъ новыхъ началахъ, нежели дѣлали предшественники, болѣе независимо, широко. Такимъ образомъ, повторяю, не одни лишь голые аргументы логики воздѣйствовали на экономическія убѣжденія Милля, но и *доводы чувства*, предрасполагавшаго его къ оппозиціи противъ нѣкоторыхъ положеній суровой абстрактной науки и толкавшаго его къ изслѣдованію иныхъ возможныхъ формъ человѣческаго существованія и иного разрѣшенія насущныхъ вопросовъ.

Къ альтруизму примыкаетъ непосредственно другой факторъ означенной оппозиціи,—соціализмъ, дальнѣйшее развитіе и возведеніе перваго въ нѣкоторую систему. Значеніе его въ этомъ случаѣ, если признать существованіе перваго фактора—альтруизма, въ томъ смыслѣ, какъ я его выставилъ, доказаннымъ, становится понятнымъ само собой и не требуетъ особеннаго объясненія.

Ученіе протекціонизма, хотя исходитъ, обратно съ предыдущимъ факторомъ, изъ своекорыстныхъ началъ и побужденій, тѣмъ не менѣе также сыграло роль въ исторіи экономическихъ идей: хотя протекціонисты еще чаще, чѣмъ фридредеры, являются защитниками не принципа собственно, а лишь интереса извѣстной категоріи лицъ и класса, тѣмъ не менѣе, защищая вмѣшательство правительства относительно ввозной торговли, протекціонисты, уже въ силу логики, должны были допускать и даже защищать и права государственнаго вмѣшательства, вообще, въ экономическую жизнь, гдѣ

это требуется общимъ благомъ, подкапываясь, такимъ образомъ, подъ тотъ же самый фундаментальный принципъ политической экономіи—свободу конкурренціи.

Наконецъ, индуктивная провѣрка или наблюденіе хозяйственной жизни другихъ странъ и народовъ также не осталась безъ вліянія на измѣненіе многихъ воззрѣній на солидность и пригодность иныхъ выводовъ экономической науки. Однимъ словомъ, индуктивизмъ привелъ къ заключенію, что большая часть принциповъ политической экономіи имѣетъ лишь условное, относительное значеніе, а отнюдь не общее и абсолютное, какъ толковали тогда многіе изъ экономистовъ въ Англіи. Сверхъ того, моя книга, кромѣ указанной, имѣла еще другую цѣль: выяснить причины, по которымъ Англія приняла въ своей политикѣ систему именно свободной торговли. Изслѣдованіе показало въ этомъ случаѣ, что Англія должна была принять эту систему по особеннымъ условіямъ своего экономическаго быта, что она являлась для нея тогда наиболѣе выгодной и безопасной. Въ заключеніе я выражаю, что новая перестройка политической экономіи должна покоиться по преимуществу на индуктивномъ методѣ, съ наибольшими шансами на ея продолжительное существованіе, что въ этомъ смыслѣ политическая экономія является болѣе наукою будущаго, нежели настоящаго, и что эта перестройка не кончится на многіе годы.

Таковы вкратцѣ главнѣйшіе выводы изъ 2-го выпуска моего труда по исторіи идеи англійской свободной торговли, поглотившей столько лѣтъ моей жизни и столько времени разнообразныхъ занятій въ стѣнахъ Британскаго музея и внѣ его. Интересъ для экономической науки этой книги, по моему мнѣнію, заключается прежде всего въ томъ, какъ упомянуто уже, что я обратилъ вниманіе въ исторіи доктринъ на личные факторы, т. е. условія жизни и дѣятельности даннаго писателя: обыкновенно предполагается, что сила аргументаціи тѣхъ или иныхъ положеній опредѣляетъ принятіе или отрицаніе тѣмъ или другимъ лицомъ; между тѣмъ въ дѣйствительности любовь, напримѣръ, Джона Стюарта Милля къ м-рсъ Тейлоръ и дружба съ нѣкоторыми представителями „христіанскаго соціализма" непосредственно отразились на его воззрѣніяхъ и способствовали ихъ перемѣнѣ. Точно также у цѣлаго ряда писателей, мною приводимыхъ въ сочиненіи, горячее сочувствіе бѣднымъ классамъ народа, при самой различной степени умственнаго здоровья и интеллекта, немедленно и одинаково у всѣхъ экономистовъ отражалось въ формѣ оппозиціи тѣмъ или инымъ принципамъ классической экономіи, а главнѣе всего противъ невмѣшательства государственной власти. Въ фактическомъ отношеніи значеніе моей книги

заключалось въ томъ, также, что я первый изъ европейскихъ экономистовъ объяснилъ и сдѣлалъ очеркъ ученія „англійскихъ христіанскихъ соціалистовъ“. Нѣмцы, профессора Нейманъ и Гельдъ выступили лишь вскорѣ послѣ меня и, благодаря рецензіи Альфонса Туна (въ Тюбингенскомъ журналѣ), они уже знали о моемъ сочиненіи, а Нейманъ даже со мной списывался по этому поводу...

Тотъ же самый 1882 годъ, въ которомъ появился на свѣтъ второй выпускъ моей „Свободной Торговли“, завершившій большую работу, ознаменовался для меня, собственно, другимъ великимъ событіемъ, первой пробой моихъ силъ на практическомъ поприщѣ, попыткой приложенія моихъ книжныхъ теоретическихъ свѣдѣній къ дѣйствительной жизни. Я разумѣю мою фабрично-инспекторскую дѣятельность, продолжав... юся цѣлыхъ 5 лѣтъ, съ перваго дня созданія этого новаго института въ Россіи для регулированія взаимныхъ отношеній хозяевъ и рабочихъ въ промышленномъ производствѣ. Вслѣдъ за этой пробой практики имѣли мѣсто въ моей профессорской жизни и еще нѣсколько весьма важныхъ, хотя и кратковременныхъ изслѣдованій по порученію правительства въ разныхъ отрасляхъ государственной жизни. Въ настоящее время я постараюсь ихъ лишь кратко намѣтить и перечислить.

Моя научная, теоретическая дѣятельность нашла себѣ практическій исходъ и примѣненіе:

1) Фабрично-инспекторская служба (1882 — 1887). (Фабричные законы 1882 года, введеніе инспекціи, краткая исторія инспекціи и законовъ).

2) Изслѣдованіе фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ.

3) Промысловые синдикаты, преимущественно въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки.

4) Отпускная торговля и нѣкоторыя мѣры для ея развитія. Торговые музеи, экспортные союзы и склады товарныхъ образцовъ.

5) Отчетъ о практическихъ занятіяхъ на юридическихъ факультетахъ восьми русскихъ университетовъ.

Начну съ краткаго изложенія воспоминаній о моей фабрично-инспекторской дѣятельности.

Лѣто 1882 года я проводилъ на дачѣ въ Соколовѣ близъ станціи Химки по Николаевской желѣзной дорогѣ, мѣстечко, извѣстное своей живописностью и нѣкогда принадлежавшее генералу Дивову, а теперь купеческой семьѣ Мазуриныхъ. П. Д. Боборыкинъ удачно назвалъ когда-то Соколово маленькимъ Московскимъ Шварцвальдомъ. По преданію въ немъ нѣкогда проживали лѣтомъ Бѣлинскій,

Грановскій и Герценъ; послѣдній даже не разъ упоминаетъ о немъ въ своихъ произведеніяхъ.

25 іюня 1882 года, проживая мирно въ Соколовѣ, я получилъ письмо отъ извѣстнаго профессора технологіи и дѣятеля по кустарному образованію, Евгенія Николаевича Андреева, котораго я встрѣтилъ раньше лишь однажды; онъ просилъ меня, для переговоровъ по одному дѣлу, если я въ принципѣ ничего не имѣю противъ,— явиться къ нему въ гостиницу, или на промышленную выставку, тогда происходившую въ Москвѣ, гдѣ могу найти его всегда въ извѣстные часы, на извѣстномъ мѣстѣ.

Послѣ краткаго размышленія, я поѣхалъ въ назначенное время въ Москву, встрѣтился съ Андреевымъ на выставкѣ и бесѣдовалъ болѣе двухъ часовъ. Отъ него я узналъ, что законъ о малолѣтнихъ находится уже въ Государственномъ Совѣтѣ, что самъ Андреевъ ждетъ со дня на день утвержденія себя въ должности главнаго лица по этому закону. Меня же съ полнаго согласія министра онъ желаетъ притянуть къ новымъ обязанностямъ въ роли инспектора Московскаго округа, которому будутъ подлежать шесть центральныхъ губерній. Я принялъ предложеніе Андреева и по совѣту его поѣхалъ въ Петербургъ представляться моимъ будущимъ властямъ. Представленіе началось съ министра, почтеннѣйшаго Н. Х. Бунге, покровительство и симпатіи котораго я очень скоро и прочно завоевалъ. Онъ принялъ меня крайне любезно и не какъ министръ, а какъ профессоръ профессора, какъ старшій товарищъ младшаго: мило, добро и участливо разспрашивалъ меня о послѣдней моей работѣ по финансамъ и о будущихъ предположеніяхъ въ смыслѣ научныхъ занятій. Затѣмъ перешелъ къ рабочему вопросу и благодарилъ меня за то, что я рѣшилъ принять на себя создаваемое мѣсто фабричнаго инспектора. „Рабочій вопросъ", говорилъ Н. Х.,— „важный государственный вопросъ, правильная постановка котораго необходима. Поэтому особенно дорого привлеченіе къ дѣлу столь свѣдущихъ людей, какъ вы... Мнѣ хорошо извѣстны всѣ ваши труды по рабочему вопросу; мы должны просить вашего извиненія, что", какъ онъ выразился, „мы васъ нѣсколько обобрали по этому предмету". Въ этомъ шутливомъ замѣчаніи Н. Х. Бунге, очевидно, разумѣлъ представленіе въ Государственный Совѣтъ и мотивы къ новому фабричному закону, для которыхъ пользовался матеріаломъ изъ моихъ сочиненій по фабричнымъ вопросамъ нерѣдко ссылаясь на нихъ... „Само собою разумѣется", продолжалъ министръ, „мы не можемъ сдѣлать сразу много для рабочихъ, надо дѣйствовать осторожно, чтобы не раздражать заинтересованные предубѣжденные круги,—но я убѣжденъ, что постепенно возможно будетъ ввести

надлежащій порядокъ въ этотъ вопросъ и сдѣлать все, что можно, для его измѣненія къ лучшему". Счастливый и довольный имѣть такого главнаго начальника, я оставилъ министра, полагая, что я его больше этотъ разъ не увижу, но уже въ тотъ же день получилъ съ курьеромъ маленькую записку, радушно приглашавшую съ нимъ запросто отобѣдать, что мнѣ дало немедленно возможность еще болѣе сблизиться и обмѣняться мыслями съ этимъ замѣчательно благороднымъ русскимъ дѣятелемъ, собственно мало оцѣненнымъ своими современниками.

Другое впечатлѣніе впервые произвелъ на меня директоръ Департамента Торговли и Мануфактуръ въ то время, Н. А. Ермаковъ. Онъ не имѣлъ большого образованія и даже не скрывалъ этого (кажется, не пошелъ дальше духовнаго училища), но это не помѣшало ему быть очень умнымъ и практически хорошо свѣдущимъ человѣкомъ во всѣхъ чиновничьихъ путяхъ и дорогахъ. Мнѣ заранѣе о немъ много разсказывалъ А. И. Чупровъ, когда-то его хорошо знавшій. Между прочимъ А. И. говорилъ, что Ермаковъ ему энергически нѣсколько разъ рекомендовалъ, какъ лучшій способъ имѣть въ жизни успѣхъ, принять за правило всѣмъ нравиться и со всѣми быть въ мирѣ. „Пчела", иллюстрировалъ онъ свою „Молчалинскую" философію, „одинаково собираетъ свой медъ со всѣхъ цвѣтовъ"!!!...

Ермаковъ принялъ меня отечески ласково, говоря, что „они", т. е. Министерство Финансовъ, „задумали новое дѣло, заняться судьбой рабочихъ, начиная съ малаго возраста. А для новаго дѣла", добавилъ онъ, „нужны и новые ученые люди", и онъ очень-де радъ видѣть такихъ у себя на службѣ, „тѣмъ болѣе, что министръ-то у насъ ученый". Поэтому онъ только проситъ объ одномъ, заботиться о рабочихъ, но быть осторожнѣе, осторожнѣе. „Разумѣется", добавилъ онъ, смѣясь, „вы имъ соціализмъ проповѣдывать не будете?" Тамъ же у Ермакова я познакомился съ моимъ будущимъ ближайшимъ начальникомъ (Промышленнаго Отдѣленія) А. Г. Неболсинымъ, моимъ дорогимъ до настоящаго времени другомъ.

30 августа 1882 года всѣ длинныя формальности у меня были окончены, и я былъ утвержденъ въ должности, какъ тогда наименовали ее, „Московскаго инспектора надъ занятіями малолѣтнихъ рабочихъ". Я получилъ затѣмъ, вскорѣ же, самыя общія указанія отъ Андреева на свои обязанности и предложеніе возможно усерднѣе посѣщать фабрики для ознакомленія съ ними и собиранія разнообразныхъ свѣдѣній по всѣмъ родамъ производства о положеніи рабочихъ, о числѣ малолѣтнихъ, ихъ возрастѣ, школахъ, гигіеническихъ условіяхъ, занятіяхъ и т. д. и наконецъ о школьномъ обу-

ченіи. Вскорѣ затѣмъ былъ выданъ мнѣ открытый листъ, дающій право входа во всѣ промышленныя учрежденія. Я получилъ такимъ путемъ широкій просторъ для удовлетворенія своей любознательности, для знакомства, одинаково, какъ съ фабричнымъ бытомъ, такъ и съ условіями, необходимыми для подготовки меня къ новымъ обязанностямъ, когда законъ вступитъ въ силу. Предварительно же законъ о работѣ малолѣтнихъ былъ уже изданъ 1-го іюня 1882 года, въ то же время законъ этотъ оставался совершенно бумажнымъ и въ началѣ же было объявлено, что онъ не вступитъ въ силу до 1 мая 1883 года, данныхъ намъ, инспекторамъ, такъ сказать, для подготовки. Позднѣе, однако, вслѣдствіе извѣстной медленности нашей государственной колесницы, вступленіе закона въ силу было отсрочено еще на годъ, т. е. до 1-го мая 1884 года.

Итакъ, я имѣлъ цѣлыхъ два законныхъ года въ своемъ распоряженіи для практическаго знакомства съ фабриками и промышленностью. Само собой разумѣется, что и раньше московскія фабрики не были для меня совершенно terra incognita: я перечиталъ большую часть того, что о нихъ существовало тогда въ литературѣ. Мнѣ были хорошо извѣстны прекрасныя изслѣдованія московскихъ земскихъ врачей, и, наконецъ, я былъ освѣдомленъ относительно фабрикъ изъ личныхъ разсказовъ какъ этихъ врачей, такъ и земскихъ статистиковъ, изъ которыхъ съ В. И. Орловымъ я былъ особенно хорошо знакомъ. Тѣмъ не менѣе первые шаги сдѣлали для меня очевиднымъ такіе факты изъ фабричной жизни, которые по чужимъ сообщеніямъ не производятъ никакого дѣйствія и не оставляютъ глубокаго слѣда. Меня больше всего поражало у большинства посѣщаемыхъ фабрикъ, очень долгое время, крайнее невѣжество и незнаніе тамъ о намѣреніяхъ правительства относительно предполагаемаго вмѣшательства въ фабричную жизнь и объ изданныхъ фабричныхъ законахъ. Много мѣсяцевъ спустя въ Москвѣ и нѣсколько лѣтъ спусти въ провинціи, на мои вопросы фабрикантамъ или управляющимъ и довѣреннымъ, слыхали ли они что-либо о намѣреніяхъ правительства установить новыя правила и ограничить работу малолѣтнихъ, обычно я получалъ отвѣтъ: „Нѣтъ, ничего не слыхали". И говорилось это искренно: нѣкоторые, видимо, даже посмѣивались надо мной, не довѣряя этому факту, и я долженъ былъ вынимать изъ кармана печатный текстъ закона: тогда только начинали слушать внимательно. Большинство привыкло даже относиться ко всякимъ толкамъ о законѣ какъ къ самой пустой вещи, не стоющей вниманія.

Я помню, напримѣръ, какъ одинъ изъ крупныхъ московскихъ

фабрикантовъ, въ первый разъ, по его словамъ, услыхавшій отъ меня о новомъ законѣ о малолѣтнихъ, повидимому для него крайне важномъ, въ самомъ же началѣ объясненія прервалъ меня словами: „Вы меня извините, господинъ, мнѣ пора въ городъ, въ амбаръ ѣхать (какъ будто я къ нему пришелъ съ пустяками!). Вы разскажите лучше свое какому-нибудь молодцу въ конторѣ, они мнѣ потомъ все передадутъ, будьте спокойны"... Другой фабрикантъ былъ еще наивнѣе и, не ссылаясь даже на дѣловой предлогъ, при первомъ объясненіи твердилъ, чтобы, молъ, такъ и такъ, „пріѣхали бы въ другое время, что ему-де пора червячка заморить, жена, знаете, ждетъ къ обѣду, чтобы лучше объ этомъ я зашелъ въ другое время потолковать, коль охота".

Самыя смѣшныя предположенія и толкованія возникали обыкновенно, когда я заявлялъ, по пріѣздѣ на фабрику, о своемъ новомъ званіи и, даже, когда вынималъ и предъявлялъ открытый листъ. Въ большинствѣ случаевъ (за исключеніемъ, нужно сознаться, иностранцевъ) никто изъ русскихъ фабрикантовъ открытаго листа обыкновенно не читалъ, какъ бы считая это неприличнымъ, и немедленно возвращалъ мнѣ его назадъ, но, принимая меня при этомъ, какъ къ моему негодованію оказывалось, совсѣмъ не за того, кто я былъ и т. д.

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ обнаруживалась и другая, еще болѣе непріятная сторона русской чиновничьей дѣятельности и приходилось считаться со зломъ нашего подмазыванія. Всякій старался всучить взятку и очень, видимо, удивлялся, иногда наивно это выражая, отказу. Даже запросто спрашивали, не мало ли? Словомъ, въ такой откровенной формѣ взятка предлагалась неизвѣстно за что, потому что и законъ-то не дѣйствовалъ. Очень трудно было убѣдить, что я не беру, и что это совсѣмъ не хорошо; сердиться было прямо смѣшно, такъ какъ видимо было обычно. Одинъ разъ, напримѣръ, помнится, на Московскомъ Даниловскомъ сахарномъ заводѣ, я нашелъ, садясь, по окончаніи осмотра фабрики, на своего извозчика, что-то въ ногахъ санокъ твердое; къ моему удивленію, я нащупалъ цѣлую голову сахара. Тогда я вызвалъ вновь, черезъ кого-то изъ служителей, управляющаго фабрикою изъ конторы, указалъ на эту сахарную голову и попросилъ ее убрать и никогда впредь этого не дѣлать. Онъ рѣшительно мнѣ отвѣчалъ: „Я не понимаю, почему Вы, милостивый государь, отказываетесь,— это просто обычай, и тутъ дурного нѣтъ ничего, всѣ и вездѣ такъ дѣлаютъ, и намъ это ничего не стоитъ". Чтобы избѣжать безполезнаго спора, и для интересовъ будущаго, я ему объявилъ: „Я сейчасъ записывалъ у васъ въ конторѣ размѣръ заработной платы,

и записалъ, что вы получаете жалованія пять тысячъ рублей, вѣрно это, или нѣтъ?"—„Конечно, вѣрно, если я вамъ показалъ это".—„А я получаю шесть тысячъ рублей,—какъ же вы хотите, чтобы я бралъ взятки, за которыя меня могутъ завтра же прогнать со службы?!" Такой аргументъ его, видимо, удивилъ и подѣйствовалъ. Онъ отвѣтилъ: „Ну, если бы всѣ такъ хорошо оплачивались, какъ вы, ваше превосходительство, тогда бы мы головъ въ экипажъ не клали" (я считалъ свое инспекторское жалованіе, плюсъ профессорское).

Еще противнѣе было мое положеніе, когда фабрика отличалась, видимо, какими-нибудь большими недочетами, напримѣръ, дурнымъ санитарнымъ положеніемъ, массою больныхъ лицъ, съ печатью вреднаго вліянія производства на нихъ, какъ, напримѣръ, на спичечныхъ фабрикахъ, гдѣ макальщики фосфора, иногда молодые здоровые люди,—безъ признаковъ зубовъ, и т. п. Въ этихъ случаяхъ подмазываніе совершалось особенно часто и назойливо и практиковались самые разные способы. Напримѣръ, я имѣлъ съ собою нѣсколько экземпляровъ новыхъ законовъ, и нѣкоторые промышленники или ихъ довѣренные просили, послѣ моихъ объясненій, посмотрѣть законы, пока я остаюсь на фабрикѣ; къ моему негодованію, нѣсколько разъ, когда возвращали мнѣ книжку, изъ нихъ выпадали или я находилъ страницы переложенныя бумажками, такъ что я принялъ за правило [illegible] залѣ тщательно осматривать каждую возвращаемую мнѣ книжку. Иные безцеремонно разспрашивали моего извозчика (къ счастью, кромѣ наемныхъ лошадей, я другихъ не имѣлъ), не знаетъ ли онъ, какъ къ барину лучше подъѣхать? Скоро, впрочемъ, разнеслось по губерніи, что на новой должности не берутъ, и мало-помалу оставили меня въ покоѣ и, позднѣе, случаевъ даянія я уже припоминаю сравнительно мало и рѣдко. Но волей неволей, при огромныхъ разстояніяхъ отдаленныхъ фабрикъ, и это надо принять и нынѣ для соображенія высшаго начальства, приходится пріѣзжимъ инспекторамъ пользоваться для ночлега фабричнымъ помѣщеніемъ и фабричнымъ продовольствіемъ, что можетъ легко, разумѣется, переходить, да такъ и дѣлается, въ прямой подкупъ.

Вслѣдъ за описанными послѣдствіями нашихъ дурныхъ чиновничьихъ нравовъ, тормозомъ къ спокойному исполненію фабрично-инспекторскихъ обязанностей, даже раньше вступленія закона въ силу, явилось тоже наше полное невѣжество и незнаніе о самыхъ важныхъ фактахъ существованія фабрикъ. Обладая самой широкой возможностью, какъ профессоръ университета и лицо видное и извѣстное въ Москвѣ, сравнительно съ обыкновеннымъ чиновникомъ получить должныя свѣдѣнія, и имѣя довольно широкое довѣріе всѣхъ,

для данной цѣли, ученыхъ учрежденій, я не могъ, однако, и не въ состояніи былъ иногда добиться точнаго списка фабрикъ, даже въ предѣлахъ города Москвы. Почти въ каждую мою поѣздку по губерніи, или пѣшее хожденіе въ городѣ, я открывалъ новыя Америки. То на дворѣ большой фабрики ютится какая-нибудь маленькая, которая совсѣмъ другого рода, и которая ни въ какіе списки не занесена, то сзади извѣстной крупной фабрики лежитъ другая тоже изрядныхъ размѣровъ, которая по небрежности числится за тѣмъ же владѣльцемъ, ибо выстроена на арендованной землѣ, но больше ничего общаго съ первой фабрикой не имѣетъ, и т. д. Пропуски фабрикъ повторялись постоянно, что же послѣ этого говорить о числѣ рабочихъ, о двигателяхъ и другихъ свѣдѣніяхъ? Всѣ эти данныя въ мое время, на фабрикахъ, кромѣ нѣкоторыхъ образцовыхъ заведеній, рѣшительно никуда не годились.

Я помню, нѣсколько разъ въ теченіе своей дѣятельности я встрѣчалъ такой удивительный фактъ, который заявлялся мнѣ даже не безъ гордости,—когда я высказывалъ сомнѣніе по поводу того или иного статистическаго свѣдѣнія, сообщаемаго мнѣ администраціей фабрики: „Помилуйте, да у насъ всѣ эти свѣдѣнія, напримѣръ, о двигателяхъ, о числѣ рабочихъ, о распредѣленіи по родамъ труда, о заработной платѣ, даже на печатныхъ листкахъ разсылаются по начальству, когда требуется, какія же тутъ могутъ быть ошибки!“ т. е. это означало, что измѣняющіяся очень быстро свѣдѣнія, какъ, напримѣръ, послѣднія, печатались разъ на нѣсколько лѣтъ и затѣмъ разсылались и предъявлялись разнымъ чинамъ и вѣдомствамъ; какъ будто бы въ это время все замерзало, рабочіе не принимались и не отпускались, заработная плата не измѣнялась и т. п., что, разумѣется, чистый вздоръ, и такимъ образомъ свѣдѣнія съ подобныхъ фабрикъ сообщались не о дѣйствительномъ положеніи дѣла, а совершенно ложныя и случайныя?!!?

Еще большей помѣхой и препятствіемъ, очень долго, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ вступленія нашего въ должность къ надлежащему исполненію закона служило отсутствіе такъ называемыхъ „Правилъ исполненія законовъ для фабрикантовъ“ и „Инструкцій чинамъ инспекціи по надзору за занятіями малолѣтнихъ“. Безъ этихъ двухъ важныхъ документовъ и при самыхъ общихъ выраженіяхъ статей закона, мы не знали, какъ намъ дѣйствовать, какъ поступать въ самыхъ мало-мальски затруднительныхъ случаяхъ, а фабриканты—какъ относиться къ предписаніямъ закона и какъ его примѣнять? Десятки писемъ и оффиціальныхъ представленій писались инспекторами по этому поводу, но впередъ однако дѣло не двигалось. По этой причинѣ законъ съ 1 мая 1883 года былъ отложенъ соб-

ственно на годъ, но и съ 1884 года примѣненіе закона не могло имѣть мѣста, потому что оба документа еще не вышли въ свѣтъ, и всѣ наши мольбы и настоянія игнорировались какъ министерствомъ, такъ и главнымъ инспекторомъ.

Всякаго рода тренія и несогласія между главнымъ инспекторомъ и Департаментомъ усилились въ это время настолько, что Андреева попросили выйти въ отставку въ концѣ 1884 года. Назначенный на его мѣсто другой главный инспекторъ былъ на этотъ разъ уже не техникъ, а даже преподаватель въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ Я. Т. Михайловскій, человѣкъ очень почтенный, добрый и любезный, но къ фабричному дѣлу, конечно, не имѣвшій никакого отношенія и начавшій только ему учиться. Новый инспекторъ во многихъ отношеніяхъ былъ покладистѣе и сговорчивѣе, нежели Андреевъ, и обладалъ многими благими намѣреніями. Напримѣръ, онъ, обратно съ Андреевымъ, охотно и быстро отвѣчалъ на всякій письменный запросъ, но не иначе, какъ въ формѣ частныхъ писемъ и очень часто весьма уклончиво; очевидно, что всѣ его настоянія и просьбы на первомъ же шагу разбивались о бюрократическія препоны, и благія намѣренія не приводили ни къ чему положительному.

Благодаря отсутствію „Правилъ для фабрикантовъ" и „Инструкцій для инспекторовъ", инспекторъ являлся на фабрикѣ, при маломальски умномъ хозяинѣ или его довѣренномъ, истиннымъ мученикомъ, который на многіе естественные и вполнѣ умѣстные вопросы ихъ вынужденъ былъ отвѣчать лишь междометіями или ничего не значащими фразами!!!

Въ январѣ 1884 года появился мой первый инспекторскій отчетъ о свѣдѣніяхъ, собранныхъ мной, не по исполненію, разумѣется, закона, который не дѣйствовалъ, а по описанію фабричнаго быта. Отчетъ этотъ представляетъ собой довольно полную картину описанія положенія рабочихъ центральнаго района съ разныхъ сторонъ и большое количество фактовъ, относящихся какъ спеціально къ малолѣтнимъ рабочимъ, такъ и вообще къ рабочимъ всякаго возраста. Онъ рисовалъ вообще всю картину фабричнаго быта въ довольно черныхъ краскахъ, такъ что, если въ нѣкоторыхъ кругахъ даже фабриканты дѣлали мнѣ комплименты за безпристрастіе и точность сообщаемыхъ свѣдѣній, то другіе подъ шумокъ дѣлали намеки, что описательная часть моего отчета страдаетъ преувеличеніями, что содержаніе его пахнетъ-де „соціализмомъ", и что „автора его слѣдовало бы сократить!!!"...

Какъ бы то ни было, отчетомъ въ большинствѣ были довольны, и картина печальнаго быта русскихъ рабочихъ, нарисованная мной, вѣроятно въ первый разъ получила оффиціальное одобреніе со сто-

роны начальства, начиная съ министра и кончая особенно Михайловскимъ, который въ своемъ отвѣтѣ назвалъ его образцовымъ и по содержанію и по изложенію. Н. Х. Бунге, въ разговорѣ съ однимъ лицомъ, выразился такъ: что такой отчетъ, конечно, не могъ бы быть написанъ чиновникомъ(!?). Черезъ годъ, совершенно неожиданно для себя, вовсе не представляя своей книги для конкурренціи, я получилъ отъ Географическаго Общества золотую медаль за свой трудъ. Въ русскихъ и иностранныхъ журналахъ появлялось множество лестныхъ разборовъ и рецензій. Въ англійскихъ „Синихъ книгахъ“ было сдѣлано извлеченіе изъ моего отчета in extenso. Все это вмѣстѣ, разумѣется, давало мнѣ силу и бодрость съ надеждой смотрѣть на будущее и стоять такъ же твердо при исполненіи фабричныхъ законовъ, какъ и до тѣхъ поръ, при ознакомленіи съ фабричной жизнью и бытомъ рабочихъ [1]).

Наконецъ, въ концѣ декабря 1884 года появились давно желанныя „Правила“ и „Инструкціи“, которыя сдѣлали наконецъ возможнымъ приступить менѣе ощупью и рѣшительнѣе къ осмотру фабрикъ и заводовъ и обратить болѣе вниманія на замѣчаемыя злоупотребленія; но и тутъ явилось одно крупное неудобство: „Инструкціи“ и „Правила“ не были разосланы по фабрикамъ, а потому дѣлались крайне медленно извѣстными заинтересованнымъ лицамъ; кромѣ того огромныя разногласія, неясность и неопредѣленность существовали въ толкованіяхъ отдѣльныхъ положеній. Каждый молодецъ толковалъ на свой образецъ, главнымъ образомъ на словахъ, и Департаментъ дѣлалъ къ сожалѣнію очень мало или почти ничего для объединенія толкованій. Я безпрестанно обращался по этому поводу къ г. Михайловскому, но онъ относился отрицательно къ моему предложенію сдѣлать запросъ и попытаться установить нѣкоторое единство въ этомъ случаѣ. Очевидно, онъ не желалъ взять на себя отвѣтственности, а потому такіе крупные факты, какъ различеніе фабрикъ отъ ремесленныхъ и домашнихъ заведеній, предоставлялось на произволъ заинтересованныхъ лицъ и толковалось разно, въ различныхъ мѣстностяхъ, иногда даже въ одной. Все это вело къ чрезвычайной путаницѣ, неравенству и несправедливости, бросающимся въ глаза. Очевидно, сверху недоставало ни рѣшимости вести дѣло, какъ слѣдуетъ, ни желанія, или мѣшала та же вѣчная боязнь кого-либо раздразнить, или кому-нибудь не понравиться!!!

[1]) Фабричный бытъ Московской губерніи. Отчетъ за 1882—83 гг. фабричнаго инспектора надъ занятіями малолѣтнихъ рабочихъ Московскаго округа. *И. И. Янжулъ.* С.-Петербургъ. 1884.

Оба вышеупомянутые важные государственные документы,—„Инструкція чинамъ фабричной инспекціи“ и „Правила для фабрикантовъ“ были обнародованы 26 февраля 1885 года и, слѣдовательно, въ концѣ февраля инспекція могла бы покинуть свою пассивную роль изслѣдователя фабричной жизни и перейти къ активной и отвѣтственной дѣятельности въ качествѣ блюстителя законовъ и распоряженій, изданныхъ съ цѣлью регулировать занятія и обученіе малолѣтнихъ. Къ моему глубокому, однако, сожалѣнію, я именно лично былъ лишенъ возможности дѣйствовать, когда эта возможность наконецъ настала. Какъ разъ одновременно съ выходомъ двухъ желанныхъ законовъ, изъ Петербурга пришла телеграмма отъ директора департамента, съ вызовомъ къ участію въ занятіяхъ Высочайше утвержденной комиссіи подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, сенатора Плеве, для пересмотра отношеній хозяевъ къ рабочимъ. Комиссія эта, выработавшая первые важные законы, внесшіе нѣкоторый распорядокъ въ фабричный бытъ (опубликованные впослѣдствіи въ 1886 году 3 іюля), установила въ первый разъ человѣческія *права русскихъ рабочихъ на ихъ заработокъ*. Выработка этихъ законовъ, повторяю, для меня лично послужила новымъ поводомъ къ перерыву или откладыванію моей инспекторской дѣятельности.

Изъ постороннихъ въ комиссіи участвовали: П. Н. Дурново, Н. А. Ермаковъ, Н. С. Таганцевъ и нѣсколько другихъ человѣкъ. Въ основу работы были положены сначала московскія правила для хозяевъ и рабочихъ, выработанныя тамъ когда-то при моемъ участіи, а потому мнѣ близко знакомыя. Въ обѣихъ комиссіяхъ, естественно, благодаря этому обстоятельству, я оказался въ курсѣ дѣла и въ состояніи былъ давать объясненія и мотивировки къ каждой статьѣ и параграфу правилъ. Плеве былъ вполнѣ доволенъ этимъ обстоятельствомъ и просилъ меня приходить къ нему каждый вечеръ, послѣ засѣданія комиссіи, бывшей наканунѣ, для совмѣстной работы. Мы просматривали сдѣланное утромъ и приводили все въ порядокъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ я прямо по его порученію составлялъ нѣкоторыя важныя статьи и въ заключеніе, при сводкѣ проекта, Плеве поручилъ мнѣ проредактировать окончательно все сдѣланное и представить ему проектъ такъ же, какъ и прочее, *внѣ комиссіи*. Особенно много возложилъ онъ въ этомъ случаѣ на [illegible]я обязанностей при пріѣздѣ фабрикантовъ и выработкѣ вопросныхъ пунктовъ, которые были представлены на ихъ усмотрѣніе.

Засѣданія комиссіи съ фабрикантами происходили нѣсколько вечеровъ и вызывали иногда довольно горячія пренія. Со стороны правительственной говорилъ преимущественно я, какъ болѣе свѣ-

дущій въ фабричномъ дѣлѣ человѣкъ, изъ фабрикантовъ Найденовъ,—по теперешнему языку можно было бы его назвать крайне правымъ—извѣстные молодые тогда фабриканты, Четвериковъ и Алексѣевъ, московскій городской голова, болѣе лѣвый, т. е. не забывавшій объ интересахъ рабочихъ, помимо своихъ личныхъ фабрикантскихъ выгодъ. Странно въ настоящее время даже вспомнить, что особенно настойчиво держались фабриканты, хотя не всѣ, вычетовъ изъ содержанія на фабрикахъ, неограниченныхъ штрафовъ на рабочихъ. Столь справедливое желаніе со стороны правительства ввести нѣкоторый порядокъ въ это дѣло наказанія рублемъ вызывало наиболѣе протестовъ. Самое удовлетворительное рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ извѣстному ученому Н. С. Таганцеву, а затѣмъ фабриканту, московскому городскому головѣ Н. А. Алексѣеву. Почтенный ученый Н. С. выражалъ главнымъ образомъ общія сужденія по поводу юридической несостоятельности и произвола фабричныхъ штрафовъ, но встрѣтилъ рѣзкую оппозицію со стороны Найденова, котораго поддерживали нѣсколько человѣкъ фабрикантовъ, защищавшихъ штрафы, какъ вознагражденіе хозяевъ будто бы за разные ущербы отъ дурныхъ рабочихъ и средство удержанія должной дисциплины на фабрикахъ.

Вотъ тогда-то Н. А. Алексѣевъ обратился къ предсѣдателю и, вставши во весь свой огромный ростъ, произнесъ блестящую рѣчь, которая рѣшила судьбу штрафовъ въ русскомъ фабричномъ законодательствѣ. Указывая рукой на потолокъ, Алексѣевъ, послѣ всѣхъ іеремiадъ Найденова въ пользу штрафовъ, началъ ихъ опровергать съ такого рода напоминанія: „Здѣсь, въ этомъ самомъ зданіи, наверху, подъ предсѣдательствомъ также Вашего Превосходительства (т. е. Плеве) происходили засѣданія комиссіи по иниціативѣ военнаго вѣдомства о замѣтномъ физическомъ вырожденіи и ухудшеніи силъ и здоровья населенія нашихъ промышленныхъ губерній. Какъ ростъ, такъ и объемъ груди рекрутовъ въ промышленныхъ мѣстностяхъ замѣтно и быстро уменьшается, населеніе, видимо, хирѣетъ и даетъ все большій и большій % забракованныхъ для военной службы; очевидно, патріархальныя, якобы, условія нашего фабричнаго труда не такъ безвредны, какъ ихъ пытался защищать г-нъ предсѣдатель биржевого комитета, Найденовъ“. Въ заключеніе г-нъ Алексѣевъ, указывая на себя, какъ на представителя нѣсколькихъ отраслей промышленности и лично съ ними знакомый, рѣшительно высказывался за сильное ограниченіе штрафовъ на фабрикахъ и необходимость вообще упорядоченія и оздоровленія фабричной жизни и быта.

Какъ извѣстно, въ результатѣ работъ этой комиссіи получился

проектъ совершенно новаго фабричнаго закона, Высочайше утвержденнаго 3 іюня 1886 года. Онъ представляетъ собой первый важнѣйшій памятникъ нашего рабочаго законодательства, ибо въ первый разъ установилъ и упорядочилъ важнѣйшія стороны взаимныхъ договорныхъ отношеній рабочихъ съ ихъ нанимателями или хозяевами. Такъ, законъ 3 іюня опредѣлилъ: 1) срокъ расплаты, котораго не существовало раньше; 2) право рабочаго на цѣлый его заработокъ и ограничилъ штрафованіе и другіе вычеты, чего опять-таки раньше не было, и рабочіе очень часто прежде, уходя съ фабрикъ, благодаря вычетамъ, не только не получали ничего, но иногда оставались даже должны фабрикантамъ. Наконецъ, 3) законъ 3 іюня 1886 года переименовалъ насъ, „инспекторовъ по надзору за занятіями малолѣтнихъ рабочихъ", просто въ фабричныхъ инспекторовъ и возложилъ на насъ обязанность наблюдать за исполненіемъ новаго закона, изслѣдуя возникающія между сторонами неудовольствія и наказывая виновныхъ судомъ: такимъ образомъ, онъ стремился создать порядокъ и контроль, гдѣ его прежде не было.

Послѣ поѣздки въ Петербургъ для участія въ комиссіи Плеве, я возвратился въ Москву съ тѣмъ, чтобы дѣятельнымъ образомъ заняться объѣздами фабрикъ и примѣненіемъ закона, для чего уже существовала возможность съ созданіемъ „Инструкцій инспекторамъ" и „Правилъ для фабрикантовъ", но, увы, тутъ я обнаружилъ многія препятствія другого рода. Оказалось, что эти „правила" на огромномъ большинствѣ фабрикъ совершенно неизвѣстны, такъ какъ ихъ въ свое время не разсылали и не распространяли и пришлось опять повторять ту же вѣчную при нашихъ начинаніяхъ сказку о бѣломъ бычкѣ. „Слыхали вы о такомъ законѣ? Знаете ли о такомъ распоряженіи?" сыпались вопросы по адресу фабрикантовъ. „Нѣтъ, мы не слыхали о такомъ законѣ; нѣтъ, мы не знаемъ его"!!..

Кромѣ того оказалось, что законъ понимается и толкуется самими представителями его, инспекторами, помимо фабрикантовъ, въ разныхъ частяхъ Россіи и часто въ одномъ округѣ, весьма различно. Главный инспекторъ ничего не дѣлалъ для объединенія закона. Я много разъ приставалъ къ нему съ своими письмами, потому что отъ оффиціальныхъ отношеній этого рода онъ уклонялся, но тщетно; по всей вѣроятности, онъ не хотѣлъ взять на себя отвѣтственности. Тогда я обращался самъ къ начальнику отдѣленія Небольсину, съ убѣдительной просьбой оказывать, какъ выражался я „напоръ на Я. Т.", т. е. главнаго инспектора, но и отсюда не выходило ничего: законъ вездѣ примѣнялся очень плохо, или совсѣмъ не примѣнялся.

Наконецъ началась и наша, такъ сказать, кульминаціонная

дѣятельность инспекціи. Стали привлекать единицы изъ тысячъ виновныхъ фабрикантовъ къ суду, при чемъ встрѣчали новыя препятствія къ улучшенію дѣла и исполненію закона. Такъ, напримѣръ, первая фабрика, на которой я составилъ законный протоколъ и привлекъ фабриканта къ судебной отвѣтственности, была спичечная фабрика Захарова въ Клинскомъ уѣздѣ Московской губерніи. Я въ ней нашелъ, помимо полнаго и совершеннаго неисполненія всѣхъ фабричныхъ законовъ, массу малолѣтокъ, работавшихъ одинаково со взрослыми въ самыхъ опасныхъ частяхъ производства, и видѣлъ молодыхъ рабочихъ съ совершенно провалившимися челюстями и безъ зубовъ, и вообще фабрику въ страшно дурныхъ санитарныхъ условіяхъ. Въ результатѣ съ этой первой попытки моей творить судъ и правду въ фабричномъ дѣлѣ вышелъ совершенный курьезъ: Захаровъ волею Божіею, до дня судебнаго разбирательства и даже до врученія ему повѣстки, скончался, и я отъ мирового судьи Клинскаго уѣзда получилъ извѣщеніе, что, по случаю смерти отвѣтчика, дѣло прекращено!!!

Другое дѣло, которое я началъ, кончилось иначе и не менѣе печально,—большимъ скандаломъ. Оно едва не породило даже новаго дѣла о клеветѣ и диффамаціи. Второй протоколъ, мое судебное дѣло по обвиненію о нарушеніи закона о малолѣтнихъ имѣло мѣсто въ громкомъ процессѣ Н. П. Ланина, фабриканта минеральныхъ водъ и русскаго шампанскаго и издателя газеты „Русскій Курьеръ“ въ Москвѣ. Это дѣло прошло всѣ инстанціи, вплоть до Сената, попало въ Сборникъ Кассаціонныхъ Рѣшеній и испортило мнѣ не мало крови безъ всякой моей вины. Сущность его слѣдующая: всѣмъ извѣстна въ Москвѣ эта фабрика минеральныхъ водъ Ланина, либеральнаго въ то время издателя либеральной же газеты „Русскій Курьеръ“. Разумѣется, мы давно знали другъ друга, я даже помѣстилъ нѣсколько статей въ его газетѣ. Я нѣсколько разъ предварительно посѣтилъ его заводъ, хорошо познакомился съ положеніемъ у него рабочихъ, а между ними много было малолѣтнихъ, и предупреждалъ его и управляющаго о необходимости позаботиться о будущемъ. Наконецъ, 2 сентября 1885 года я пріѣхалъ къ нему въ четвертый разъ и всѣ замѣченные мною недостатки и невыполненія закона нашелъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ нетронутыми, и не было ничего сдѣлано для того, чтобы исполнить законъ. Мнѣ было въ высшей степени непріятно предавать это дѣло огласкѣ и приступать къ составленію протокола, именно о лицѣ, какъ Ланинъ, который относительно пользовался уваженіемъ, какъ издатель довольно хорошей газеты. Поэтому прежде составленія протокола, я явился къ нему на квартиру и, выставляя на видъ все неудобство

для него составленія протокола въ собственной его типографіи, по нарушенію гуманнаго закона, у редактора-издателя гуманной же газеты, я убѣдительно просилъ его исправить указанные недостатки и отступленія отъ закона, обѣщая оставить безъ всякаго взысканія. Вмѣсто того, чтобы идти навстрѣчу моему предложенію, Ланинъ вспылилъ, наговорилъ мнѣ грубостей и даже намековъ самаго неприличнаго свойства, будто бы я хочу съ него стянуть!? Всякая снисходительность далѣе становилась преступной, и я отправился въ участокъ за полиціей и понятыми. Былъ составленъ протоколъ, подписать который Ланинъ отказался, чисто изъ самодурства, но это было засвидѣтельствовано, и протоколъ врученъ мировому судьѣ, который приговорилъ Ланина къ высшему наказанію, къ сожалѣнію лишь денежному, 100 рублямъ штрафу и, несмотря на хлопоты Ланина, то же наказаніе было утверждено Мировымъ Съѣздомъ, и Сенатъ, отвергнувши просьбу о кассаціи, подтвердилъ лишь первоначальный приговоръ.

Болѣе никакихъ судебныхъ преслѣдованій я не велъ, и всѣ мои усилія въ инспекторской дѣятельности, помимо писанія двухъ отчетовъ, были сосредоточены въ двухъ присутствіяхъ—губернскомъ и столичномъ, гдѣ мнѣ приходилось вести упорную борьбу въ защиту рабочихъ отъ фабрикантовъ, тамъ сидѣвшихъ. Многочисленныя мои жалобы на фабрикантовъ и указанные закономъ случаи по неисполненію оныхъ правилъ закона 3 іюня были обжалованы въ Петербургѣ и лежали тамъ подъ сукномъ, не двигаясь и только три раза,—два по моей личной инпціативѣ, какъ указано, и одинъ моего помощника, были оштрафованы фабриканты по 100 рублей. Поэтому для меня въ настоящее время является трудно-объяснимой загадкой, какимъ образомъ, по какому поводу и вслѣдствіе чего именно сложилась обо мнѣ легенда въ Москвѣ, какъ о неумолимо строгомъ исполнителѣ закона и фабричномъ инспекторѣ, который чуть не съ пристрастіемъ притѣснялъ бѣдныхъ промышленниковъ, и они много разъ приносили на меня спеціальныя коллективныя жалобы и убѣдительныя просьбы къ правительству объ обузданіи инспекціи?! Побуждаемое ими министерство начало вызывать меня безпрестанно въ Петербургъ подъ пустыми предлогами, выказывая видимое неудовольствіе моей фиктивной строгостью.

Я могу лишь предположить слѣдующее объясненіе этой, ничѣмъ не вызванной, репутаціи своей фабрично-инспекторской строгости. Наши промышленники искони привыкли къ неисполненію всякихъ законовъ, регулирующихъ ихъ дѣйствія. Всякое выполненіе новаго закона для нихъ всегда имѣло лишь одно значеніе: надо ли платить и сколько?! Въ лицѣ же фабричнаго инспектора вдругъ по-

явился передъ очами промышленниковъ совсѣмъ особенный начальникъ, не похожій ни на полицію, ни на губернскихъ техниковъ: денегъ ни подъ какимъ предлогомъ не беретъ, угощеній не принимаетъ, вина не пьетъ и т. д. и т. д., мало того, даже Н. А. Найденову визитовъ не дѣлаетъ!! И вотъ отсюда вытекла необходимость такихъ инспекторовъ сплавить съ рукъ долой. На собраніи фабрикантовъ серьезно, говорятъ, обсуждался этотъ вопросъ. На помощь былъ приглашенъ извѣстный борзописецъ Сергѣй Шараповъ, который за умѣренную плату, цифру которой онъ иногда самъ выставлялъ, взялся помогать фабрикантамъ это дѣло исполнить наилучшимъ образомъ въ своей газетѣ, которая кстати называлась „Русское дѣло". И вотъ въ „Русскомъ дѣлѣ" начинается форменная атака на инспекцію вообще и на меня въ особенности. Не проходитъ номера газеты, чтобы не было какой-нибудь клеветы или выдумки самаго невѣроятнаго сорта. Такъ въ нѣкоторыхъ номерахъ г-нъ Шараповъ прибѣгалъ прямо къ доносу, доказывая, напримѣръ, по поводу права инспекторовъ утверждать харчевыя расцѣнки припасовъ, продаваемыхъ въ фабричныхъ лавкахъ, что г-нъ Янжулъ, какъ инспекторъ, старательно на фабрикахъ въ Великій постъ разрѣшаетъ все скоромное и по возможности запрещаетъ все постное!!!

Въ то же самое время, помимо постояннаго нервнаго напряженія, со всѣхъ сторонъ, даже отъ нѣкоторыхъ близкихъ лицъ, я встрѣчалъ сомнѣнія и неожиданныя препятствія къ выполненію гуманныхъ предначертаній правительства въ фабричномъ дѣлѣ и въ самомъ введеніи закона и его распоряженій. Законы издавались, а дополненій необходимыхъ и существенныхъ—нѣтъ! Правила появлялись на свѣтъ, а толкованій ихъ—нѣтъ, и сумбуръ этотъ часто вносился на мѣсто какой-нибудь разумной и твердой постановки вопроса! Всѣ мои отчеты переполнены жалобами и настояніями о необходимости тѣхъ или иныхъ мѣръ, которыя не приводились никогда въ исполненіе, а многія и до сихъ поръ не осуществлены.

Лишь въ 1886 году появился первый мой отчетъ послѣ вступленія закона въ силу, имѣвшій характеръ уже не статистическаго упражненія, какъ прежній такъ называемый отчетъ, подъ именемъ „Фабричный бытъ Московской губерніи за 1882 годъ": онъ весь, кратко сказать, заключалъ въ себѣ описанія тѣхъ многочисленныхъ препонъ и препятствій, которыя я встрѣчалъ, испытывалъ и ежеминутно чувствовалъ при выполненіи новаго закона съ самымъ чистосердечнымъ желаніемъ видѣть его исполненнымъ [1]).

[1]) VII. Московскій Фабричный Округъ. Отчетъ за 1885 годъ фабричнаго инспектора профессора И. И. Янжула, СПБ. 1886 г.

Положеніе мое, какъ фабричнаго инспектора, въ виду всѣхъ объясненныхъ выше причинъ, становилось нестерпимымъ, а дѣятельность между тѣмъ, обратно съ моими мечтами объ общемъ благѣ и улучшеніи быта рабочихъ, видимо, улетала въ трубу, и я оказался безсильнымъ. Естественно, все это способствовало тому, что я постепенно болѣе и болѣе, скрѣпя сердце, примирялся съ мыслью о необходимости покинуть любимое начатое дѣло и уйти отъ инспекціи, но происходило и многое иное, что переполнило чашу моего терпѣнія и вызвало необходимость такого рѣшенія. Такъ, опишу одну сцену и разговоръ. Замѣчу при этомъ, что 1-го января 1887 года Н. Х. Бунге вышелъ въ отставку, и его мѣсто занялъ извѣстный „дѣлецъ" И. А. Вишнеградскій.

12 января 1887 года происходилъ обычный торжественный актъ въ Московскомъ университетѣ. Множество народу едва помѣщалось въ огромной круглой залѣ университета... Еще во время чтенія я замѣтилъ запоздавшую и прошедшую въ первые ряды грузную фигуру почтеннѣйшаго городского головы, Н. А. Алексѣева, съ которымъ я былъ всегда въ наилучшихъ отношеніяхъ, какъ съ наиболѣе корректнымъ, по своимъ образцовымъ отношеніямъ къ рабочимъ, изъ фабрикантовъ Московской губерніи. Когда рѣчь кончилась, Алексѣевъ, подойдя ко мнѣ, поздравилъ, по обычаю, съ праздникомъ (Татьянинъ день) и шепнулъ, чтобы я не торопился уходить, что ему надо со мной поговорить.

„Мнѣ очень Васъ прискорбно огорчать въ день Вашего праздника и послѣ торжества Вашей рѣчи", сказалъ Алексѣевъ, когда мы съ нимъ отошли въ сторону, „но я считаю долгомъ Васъ предупредить, чтобы Вы приняли это къ свѣдѣнію: новый Министръ Финансовъ сильно предубѣжденъ противъ фабрично-инспекторской дѣятельности вообще, и противъ Васъ въ особенности. Онъ мнѣ прямо и откровенно заявилъ при недавнемъ свиданіи: „Я постараюсь передать инспекцію въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, пусть изъ инспекторовъ сдѣлаютъ становыхъ приставовъ"... „И такъ, вотъ что вамъ предстоитъ", закончилъ свое сообщеніе Алексѣевъ...

Никакого сомнѣнія въ искренности и правдивости Алексѣева не могло быть, и послѣ такого рѣшительнаго заявленія новаго министра о судьбѣ инспекціи не было дальше смысла оставаться на службѣ безполезному и непріятному дѣлу, какимъ сдѣлалось отправленіе обязанностей инспектора, но я не могъ уйти немедленно, потому что министерство предшествовавшимъ лѣтомъ, какъ это будетъ дальше изложено, еще при Н. Х. Бунге, дало мнѣ спеціальное порученіе объ осмотрѣ польскихъ фабрикъ, и я долженъ былъ представить отчетъ, который еще не былъ готовъ. Всю весну 1887 года

я усиленно работалъ именно надъ своимъ польскимъ отчетомъ, ускоренія котораго потребовалъ новый министръ Вышнеградскій, вѣроятно, въ свою очередь понукаемый изъ Варшавы. Время, между тѣмъ, усиленнымъ темпомъ приближалось къ кризису. Всѣ извѣстія изъ Петербурга подтверждали первоначальный планъ Вишнеградскаго передать инспекцію въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, но тутъ, къ его удивленію, онъ встрѣтилъ внезапно нѣкоторое противодѣйствіе въ самихъ фабричныхъ кругахъ, ибо фабриканты вполнѣ здраво разсуждали, что отъ хорошаго лучшаго не ищутъ, и предпочитали поэтому оставаться за Министерствомъ Финансовъ, имъ угодливымъ, нежели рисковать получить какого-нибудь самостоятельнаго министра вродѣ Плеве, который вѣдь при случаѣ могъ ихъ „согнуть въ бараній рогъ"...

Между тѣмъ время въ фабричномъ мірѣ было очень смутное, происходили забастовки, сопровождаемыя, такъ называемыми, безпорядками, т. е. разграбленіями и драками, то въ той, то въ другой фабрикѣ. Меня очень часто будили по ночамъ звонки телеграфистовъ, надо было ѣхать немедленно самому, или кому-нибудь изъ помощниковъ на фабрику, гдѣ происходили волненія [1]). Вообще положеніе инспектора становилось все болѣе и болѣе нестерпимымъ,

[1]) Какъ разъ, въ это серьезное время, произошелъ слѣдующій смѣшной случай, вызванный всѣми этими тревогами и спѣхомъ: въ одну прекрасную ночь мѣстный военный начальникъ въ Москвѣ дѣлалъ распоряженіе, запоздавшее по какой-то причинѣ, о порядкѣ чествованія на слѣдующій день юбилея короля Даніи, Христіана, родителя нашей Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны; онъ состоялъ, если не ошибаюсь, въ Перновскомъ полку шефомъ, и на другой день представители всѣхъ, стоявшихъ въ Москвѣ, полковъ и всѣ наличные офицеры Перновскаго полка должны были явиться на другой день утромъ къ генеральному консулу Даніи, съ поздравленіемъ по случаю юбилея Августѣйшаго родителя Государыни. Когда уже весь предварительный распорядокъ былъ конченъ, вспомнили о томъ, какъ точно фамилія консула и гдѣ онъ живетъ? Немедленно по телефону, ночью, обратились въ адресный столъ, откуда потомъ мнѣ сообщили этотъ курьезный случай, а тамъ впопыхахъ сонные чиновники на этотъ вопросъ канцеляріи командующаго войсками, отвѣчали: „фамилія Янжулъ, живетъ—Арбатъ, домъ Рахманова" (вмѣсто фамиліи консула Лангъ и адресъ тотъ же Арбатъ). И вотъ немедленно ночью же было гектографировано распоряженіе по войскамъ, чтобы на другой день утромъ, въ 12 часовъ, такъ и такъ, явились къ Датскому консулу Янжулу съ поздравленіемъ! Къ счастью, нашелся одинъ адъютантъ въ полку по фамиліи Соколовъ, мен[illegible]авшій лично и встрѣчавшій, который объяснилъ, что это какая-то странная, очевидно, ошибка, такъ какъ его дядя вмѣстѣ съ Янжуломъ въ университетѣ, и онъ навѣрно знаетъ, что онъ русскій и никакого отношенія къ Даніи не имѣетъ! Произошла провѣрка, показанія оказались справедливы, и я такимъ образомъ остался безъ поздравленія!!!..

и я выхлопоталъ себѣ мѣсячный отпускъ за границу, а затѣмъ на лѣто, гдѣ написалъ польскій отчетъ, сдалъ его съ рукъ и въ сентябрѣ мѣсяцѣ, наконецъ, покинулъ тяжкую, но безполезную обязанность инспектора, говоря проще, вышелъ въ отставку, или, какъ злорадный Шараповъ объявилъ въ своей газетѣ: „Янжулъ возвратился въ первобытное состояніе“, т. е. опять сдѣлался только профессоромъ!..

Подводя итоги моимъ фабрично-инспекторскимъ воспоминаніямъ, въ сжатомъ и краткомъ видѣ переданнымъ выше, болѣе подробно съ ними можно познакомиться въ полной книгѣ: „И. И. Янжулъ. Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора перваго призыва. Матеріалы для исторіи русскаго рабочаго вопроса и фабричнаго законодательства. С.-Петербургъ, 1907 г.“, я перехожу къ слѣдующимъ заключеніямъ, которыя считаю долгомъ здѣсь передать:

1) Своевременная, хорошо задуманная и хорошо проведенная государственная и общественная реформа фабричнаго быта и рабочаго вопроса въ Россіи, о которой толкуется тщетно до сихъ поръ, я не сомнѣваюсь, ослабила бы зло настоящей продолжительной смуты и революціоннаго періода нашей русской жизни. Если бы еще въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія были удовлетворительно разрѣшены вопросы объ упорядоченіи вообще фабричнаго быта, о чемъ такъ мечталъ когда-то Бунге при первомъ моемъ представленіи ему, о дѣтской и женской работѣ и продолжительности работъ, о правѣ собраній и т. д., и т. д., несомнѣнно, мы имѣли бы теперь въ Россіи рабочихъ во всѣхъ отношеніяхъ разумнѣе и умѣреннѣе въ своихъ желаніяхъ и требованіяхъ, умѣющихъ не только управлять собой, но и уважать чужія права, отъ чего они такъ далеки. Рабочіе, подготовленные нѣкоторымъ самоуправленіемъ и уваженіемъ къ своимъ правамъ, не составляли бы такую невѣжественную и необузданную толпу, которую легко направить на самое сильное нарушеніе собственныхъ интересовъ (какъ недавняя выборка изъ сберегательныхъ кассъ собственныхъ денегъ). Крайностями и эксцессами всегда и вездѣ отличаются люди, которые не имѣютъ законнаго и естественнаго выхода своимъ желаніямъ.

2) Другое заключеніе, которое неизбѣжно вытекаетъ изъ моихъ настоящихъ воспоминаній, состоитъ въ томъ несомнѣнномъ вредѣ, который эта, дурно проведенная, незаконченною брошенная реформа фабричнаго законодательства принесла дѣлу русскаго народнаго просвѣщенія. Она не только не способствовала распространенію грамотности и образованія между рабочими (какъ это было напр. въ Англіи), но привела къ противоположному результату, т. е., нѣтъ сомнѣнія, уменьшила число обучающихся въ промышленныхъ

заведеніяхъ, а не увеличила ихъ и способствовала, слѣдовательно, совершенно противному положенію.

3) Наконецъ, важное заключеніе, которое можно сдѣлать на основаніи моихъ воспоминаній, состоитъ въ томъ, что у насъ, русскихъ, въ противоположность старымъ европейскимъ странамъ, какъ Англія и Франція, всегда отсутствуетъ *чувство мѣры*. Мы, русскіе, представляемъ, вѣроятно, большею частью чрезвычайно экспансивныя, увлекающіяся натуры и разъ пришли къ необходимости совершенія извѣстной реформы, перемѣна слѣдуетъ быстрымъ шагомъ одна за другой. Законы растутъ у насъ, какъ грибы, часто безъ всякой нужды мѣняются и гораздо раньше, чѣмъ старый законъ съумѣлъ пустить корни и привиться къ русской почвѣ. Особенно это прилагается къ фабрично-заводскому, именно, законодательству.

Любопытно сюда добавить, что у насъ, въ Россіи, самыя лучшія дѣйствія и побужденія, сознанныя лучшими людьми, имѣютъ всегда тенденцію перетолковываться почему-то въ другую сторону и авторамъ приписывается желаніе демонстрировать, сдѣлать протестъ, или, выражаясь просто по-русски, показать кому-нибудь кукишъ, чаще всего правительству. Такъ, напримѣръ, произошло и съ моей вынужденной отставкой изъ фабричныхъ инспекторовъ и возвращеніемъ исключительно къ профессурѣ и писательству. Какъ я нѣсколько разъ объяснялъ выше, причина моего поступка очень проста и не заслуживаетъ, кажется, рѣшительно никакого упрека. Во-первыхъ, я убѣдился, что никакой пользы дѣлу принести не могу, оставаясь инспекторомъ, ибо это дѣло ведется и совершается не такъ, какъ по моему доброму разумѣнію, bona fide, должно совершаться, во-вторыхъ, потому что самое занятіе, служба сдѣлалась нестерпимо тяжела и непріятна. Я началъ серьезно страдать, будучи отъ природы очень здоровымъ человѣкомъ, въ первый разъ разными болями и хворостями, узналъ, что̀ такое нервы, и, напримѣръ, смѣшно даже вспомнить, вынужденъ былъ въ первый разъ въ жизни завести даже револьверъ и носить его постоянно въ карманѣ. Такъ ставится ближайшій поводъ къ моей отставкѣ и уходу отъ инспекціи. Между тѣмъ такой добрѣйшій и любившій меня человѣкъ, какъ, напримѣръ, бывшій мой министръ Н. Х. Бунге, какъ я достовѣрно знаю, былъ въ высшей степени удивленъ и раздраженъ моей отставкой, черезъ полгода послѣ его собственной. Онъ приписывалъ какъ бы желанію съ моей стороны этимъ именно моимъ поступкомъ демонстрировать, служа лишь съ нимъ, „а другого министра знать-де не хочу!“ и въ этомъ видѣ онъ, довольно рѣзко для такого добряка, обвинялъ меня за скорую отставку... Понадобилось убѣдительное

горячее слово моего милѣйшаго друга А. И. Чупрова, который съ нимъ объ этомъ спеціально объяснялся, по моей просьбѣ, чтобы растолковать ему и, кажется, убѣдить, судя по послѣдующему его ко мнѣ доброму опять отношенію, что никакой демонстраціи съ моей стороны не было, а просто я не могъ оставаться дольше на этой обязанности по физическимъ и по нравственнымъ основаніямъ, иначе быстро, безъ пользы дѣлу, свелъ бы себя въ могилу!!!

